

ВЛАДИМИР ГРЖОНКО

**СТРАННИК.
АМЕРИКАНСКАЯ РУЛЕТКА**
Роман

© Copyright Vladimir Grjonko, 2008

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТРАННИК

В тот день я проснулся в омерзительном настроении. И не потому, что одолели дурные предчувствия. Просто всю ночь спасался от одного идиота-попрошайки, решившего, что это я украл у него ватное одеяло – то самое, которое он, между прочим, стянул у близняшек мэри. Никто не знает их настоящих имен, но мы здесь всех наших женщин называем «мэри». Хотя бы для того, чтобы не расспрашивать. Мне известно, что во внешнем мире принято несколько иное обращение, но у нас... у нас за самый невинный вопрос легко можно заработать так называемый «колумбийский галстук». Говорят, эту милую традицию завезли приезжие латиносы, которые привыкли у себя в Колумбии расправляться таким способом с болтунами и предателями. Видел я однажды этот «галстук»... Жизнь на Улице причудливо хладнокровно относится ко многому, но когда ты случайно натыкаешься на дохляка, которому только что разрезали горло от уха до уха и через это отверстие вытянули наружу его собственный язык, то забыть об этой встрече оказывается не так легко...

В общем, в ту ночь я не выспался и лениво размышлял о том, не сменить ли мне место следующей ночевки... И в этот момент увидел ее. Обычно на улице я не обращаю внимания на женщин. Даже когда «стреляю». Куда спокойнее иметь дело с мужиками. По крайней мере, не окажешься на цугундере, обвиненный в попытке изнасилования. С хорошими, но неосторожными людьми случается порой и такое. А если мне приходится работать вечерами, то я всегда стараюсь выдерживать приличную дистанцию между собой и какой-нибудь разодетой фифой. Уличная «стрельба» – это вообще-то великая наука; я обучался этой науке много лет, а первым моим учителем был знаменитый московский Кот... но это к делу не относится. Короче говоря, я заметил эту девицу за несколько секунд до ее исчезновения. Заметил только из-за ее пышных ярко-рыжих волос. В серый пасмурный день такая прическа, само собой, бросается в глаза. Улица, по которой я шел, была довольно длинной, но совершенно

безлюдной. Ни лавочек, ни крупных магазинов – тихий жилой квартал. Лишь далеко на углу отсвечивала синяя вывеска Сити-банка. Я как раз остановился, чтобы подвязать свое пальто: я зову это пальто Росинантом, и оно обладает самыми разнообразными достоинствами. Между мной и Рыжей было шагов сто, и я невольно отметил красивую фигурку и уверенную, немного неженственную походку. И тут вдруг она пропала, как будто растворилась в воздухе...

Привычный ко всяческим неожиданностям, я теперь почти не реагирую на то, что не касается непосредственно меня самого. Но когда среди бела дня прямо у тебя на глазах мгновенно исчезают молодые рыжие женщины... Это показалось странным даже мне. Конечно, я специально не следил за ней, но был уверен, что она не успела бы повернуть к одному из жилых домов и открыть дверь: слишком уж внезапно и беззвучно она сгнула. Я поправил чуть оттопыривавшуюся полу Росинанта и огляделся по сторонам. Похоже, кроме меня да еще кошки, мирно подремывающей на подоконнике второго этажа, никто ничего не заметил. Вокруг по-прежнему не было ни души. Мне, живущему на Улице, открыты многие тайны. Иногда страшные, иногда удивительные. Но все это тайны человеческие, а вот сейчас, похоже, дело идет о тайнах другого рода... Я медленно двинулся вперед: все-таки природное любопытство не вытравишь никакими колумбийскими штучками! Торопиться мне в моем положении нельзя никак: бегущий по улице бездомный привлекает больше внимания, чем парад гомосексуалистов. Поэтому я ускоряю шаг только в самых крайних случаях – и только ради спасения собственной жизни.

Но стоило мне добраться до того места, где в последний раз видел Рыжую, как я чуть было не рассмеялся во весь голос: в залитом свежим асфальтом тротуаре зияла широкая прямоугольная дыра канализационного люка. Надо же, а я уже был готов поверить в чудеса! Немного подумав, я заглянул в темноту люка и насторожился. Что-то было не так. Понятно, что она провалилась в дыру и от неожиданности даже не успела вскрикнуть. Такое бывает. Хорошо, если там не очень глубоко, и девушка отделалась сломанной ногой. Но тогда я бы услышал ее стон... А если она убилась? Вот уж во что мне совсем не следует влезать, так это в историю со смертельным исходом. Я еще раз внимательно огляделся по сторонам. Мимо проехал какой-то автомобиль и, равнодушно мигнув огоньками, исчез за поворотом. Ни души. В конце концов, решил я, следует хотя бы взглянуть, жива ли она. Кем бы я себя не считал, но

бросить на произвол судьбы упавшего в канализацию человека, да еще молоденькую девочку... нет, это не по мне. Не хочу, чтобы она являлась мне потом в ночных кошмарах... все же я не колумбиец какой-нибудь!

Улица – штука непростая и очень – ну, как бы это сказать? – затягивающая, что ли... Мне довелось жить на Улице во многих городах мира. Я жил бок о бок с подозрительными и гордыми нищими мендигос в Мадриде и Лиссабоне, с лютыми московскими и питерскими бомжами, с беспечными парижскими клошарами, с налитыми пивом и ненавистью ко всем вокруг немецкими люфтинспекторами... Да и мало ли с кем еще мне приходилось иметь дело. Но Улица всегда остается Улицей, и везде живет по одному-единственному Закону. Какая, в сущности, разница, Лондон это или Киев? Не могу сказать, что здешние хомлеса как-то особенно мне понравились. Но один по-настоящему крупный город трудно отличить от другого такого же – так во всех городах мира похожи друг на друга менты – и поэтому, попав на американский континент, я подумал: почему бы мне и не задержаться здесь на некоторое время...

Были ли у меня возможности порвать с Улицей и зажить, так сказать, нормальной жизнью? Да сколько угодно! Правда, теперь многие случаи уже забылись, отодвинулись куда-то в прошлое. Может быть, потому, что я давно не считаю годы или месяцы, а только сезоны. Для человека вроде меня это гораздо удобнее и правильней. Беда только в том, что иногда перестаешь понимать, сколько времени прошло между тем или иным событием. Вот, например, когда именно я натолкнулся на ту девушку? Может быть, еще и удастся вспомнить... Если мне приходится туго, я сразу начинаю соображать довольно быстро. Иначе на Улице просто не выжить. Да, так вот, о рыжей девушке...

Тот день был довольно тусклым, поэтому рассмотреть что-либо в глубине люка оказалось невозможным. Пришлось доставать из карманов Росинанта фонарик. Батарейки были старыми; слабый лучик терялся на расстоянии вытянутой руки. Тут я сообразил, что именно так насторожило меня вначале: полное отсутствие плохих запахов. Нет, никакая это не канализация! Мне уже случалось бродить по канализационным туннелям, и это оказалось тяжелым испытанием даже для такого закаленного обоняния, как мое. Вообще-то человек может привыкнуть ко всему. К запаху, к холоду, к тому, что от несвежей еды вечно побаливает живот. Даже к

опасности можно привыкнуть. Но, если у тебя остались хоть зачатки рассудка, очень трудно привыкнуть к тому, что ты – никто: существо без имени, без прошлого, без будущего и даже без настоящего. Хотя я знаю нескольких моих коллег, которым именно это полное выпадение из действительности и нравится более всего. Но ручаться, что они не полные психи, я бы не стал. Я бы даже не поручился, что у меня самого все в порядке с головой. Ведь считается, что бездомные нищие – это обязательно несчастные сумасшедшие. Что ж, очень даже может быть. Мне трудно о чем-либо судить: слишком давно я живу на Улице...

Так вот, из этого люка пахло чем-то приятным: электричеством и сухим теплом. Но, как бы то ни было, а Рыжая лежит где-то там, в темноте. Я встал на колени и опустил руку с фонариком поглубже. Мне показалось, что луч стал ярче. И только через несколько секунд я понял, что фонарик тут ни при чем: дно колодца медленно приближалось ко мне. Я так и замер с вытянутой рукой, пока фонарик не стукнулся о рифленую металлическую поверхность. Похоже, это был какой-то механизм, что-то вроде лифта. Ну и дела! Куда же пропала девушка? Оставалось только предположить, что она сознательно прыгнула в люк, спустилась на этом лифте вниз и скрылась. Я уже говорил, что не люблю вмешиваться в чужие дела, и поэтому решил, коль скоро никто не нуждается в моей помощи, побыстрее сматываться отсюда. Мало ли что за всем этим стоит? Может быть, Рыжая работает в какой-то службе подземных коммуникаций или еще черт знает где. Самые удивительные загадки чаще всего имеют очень простое решение. В любом случае, меня это никак не касается.

Я выключил фонарик и еще немного посидел возле люка, прислушиваясь. Но снизу не раздавалось ни звука, только легкий отдаленный гул. Я поднялся с колен, аккуратно расправил своего Росинанта и уже собрался было направиться в сторону какого-нибудь людного местечка, где можно было бы поработать: дело шло к полудню, а у меня во рту еще не было ни крошки. Мои неразборчивые коллеги по утрам тянутся к благотворительным кухням, где монахи раздают кофе и бутерброды. Но я не люблю пользоваться благотворительностью. Только когда совсем уж подопрет. Вокруг этих кухонь вечно толкуются разные людишки вроде переодетых ментов и работников иммиграционных служб, с которыми лично мне сталкиваться ну совершенно ни к чему.

Но не успел я сделать и шагу, как меня довольно грубо ухватили за рукав. Терпеть не могу такого обращения! Чаще всего оно означает, что меня ждут неприятности. Я неторопливо обернулся, ожидая увидеть местного мента и заранее сожалея о собственном человеколюбии: если бы не Рыжая, меня давно бы и след простыл. А теперь, если мент решит меня обыскать, то придется расставаться с драгоценным Росинантом. Но оказалось, что держит меня за локоть вовсе не мент, а довольно молодой парень, судя по виду, типичный клерк – из тех, которые принимают душ по два раза в день, бумажник носят в заднем кармане брюк, а в самом бумажнике – не больше двадцати долларов наличными. Обычно такие ребята обходят бездомных стороной, но этот почему-то вцепился в моего Росинанта, не обращая внимания на его неаппетитный вид. Самое удивительное, что он улыбался мне так, как будто встретил соученика по колледжу.

– Так вот ты где, таракан! – воскликнул он почти радостно, и я почему-то насторожился. – Тебя, наверное, не учили пунктуальности! Ну что ж, придется преподать тебе ускоренный курс. Джекки всегда говорил, что нельзя полагаться на тараканов, вроде тебя. И, надо же, он оказался прав...

Техника освобождения от такого рода захватов несложная: нужно как следует напрячь мышцы рук, заставив противника еще сильнее ухватить вас, а потом резко – но только очень резко – расслабиться и, одновременно с этим, развернуться вокруг своей оси. Если бы этот номер прошел, парню в худшем случае достался бы рукав от моего Росинанта. Но паренек оказался совсем не прост. Стоило мне шевельнуть рукой, как он мгновенно отпустил рукав и тут же ухватился за отвороты Росинанта, почти прижимая меня к себе. Я охнул и расслабился по-настоящему. Это только дураки ждут, пока на них направят ствол; умным достаточно и намека. Кроме пальто на мне были надеты две довольно толстые фуфайки, но даже через них я отчетливо ощутил за поясом у паренька холодную и жесткую рукоятку пистолета.

В запасе оставался только один испытанный прием – прикинуться полным идиотом, закосить и забиться в припадке эпилепсии, но от него я сразу отказался: слишком уж рискованно. А я, должен заметить, вовсе не герой, и когда в опасной ситуации шансы раскладываются поровну – пятьдесят на пятьдесят, – предпочитаю выждать. Авось в какой-то момент перевес окажется на моей стороне. Интуиция подсказывала, что этот паренек мог сгоряча и пальнуть. Ну, раз у нас нынче такая

бухгалтерия, оставалось только расслабиться и почти повиснуть у него на руках. При этом аккуратно сложенные в Росинанте инструменты предательски громко звякнули.

– А-а, – почти пропел паренек, – значит, я не ошибся! Это хорошо. Нам нужны тараканы. Вот сейчас мы с тобой и поговорим...

Он прервал сам себя и оглянулся. Краем глаза я успел заметить, что прямо к нам медленно подъезжает небольшой грузовичок с яркой эмблемой «Ю-холл». Такие грузовики нанимают экономные люди для того, чтобы самим перевозить мебель и всякое барахлишко. Я почувствовал себя отвратительно. Если этот паренек сейчас затащит меня в машину, то, скорее всего, оттуда меня уже вынесут. Самое отвратительное было в том, что я совершенно не понимал, чего от меня хотят и за что будут убивать. Случалось, на Улице убивали совсем ни за что, просто так, но для этого никогда не затаскивали жертву в грузовик. А тут... Меня приняли за какого-то Таракана и, понятно, что даже если и удастся объясниться, то грохнут меня еще быстрее. Просто для того, чтобы исправить досадную ошибку. Нужно было срочно что-то придумать, но мои обычно довольно изворотливые мозги сейчас почему-то не могли найти никакого выхода.

Дальше все происходило быстро и почти неосознанно. Видя, что положение безнадежно, я, наплевав на здравый смысл, изо всех сил оттолкнул от себя этого типа. Раздался хруст. Половина воротника Росинанта осталась в руке у паренька, а я, не очень соображая, что делаю, отпрыгнул в сторону. Меня, конечно, тут же пристрелили бы. Это подсказывала моя отточенная жизнью на Улице интуиция. Не для того молодые люди в костюмах клерков носят за поясом пистолеты и пригоняют подозрительные грузовики, чтобы позволить зачем-то нужному им человеку уйти безнаказанно. Но инстинкт самосохранения – странная штука... Я попытался отпрыгнуть так далеко, как только мог, но совершенно не учел вес моего Росинанта. В этом пальто иногда еще можно бегать, да и то не очень далеко, но вот прыгать... В общем, приземляясь под грохот всех спрятанных за полкой инструментов, я уже понимал, что шансов выжить у меня почти не осталось. И еще успел заметить, как удивленное выражение лица моего странного знакомого сменяется жестким и неумолимым, а рука его тянется к поясу.

Но это было все, что я увидел. В то же мгновение мои ноги дрогнули и подогнулись, я почувствовал что-то похожее на головокружение и... полетел. Судя по

всему – вниз. Потому что небо над головой вдруг превратилось в светлый прямоугольник, который стал стремительно уменьшаться. И только когда меня сильно прижало к холодному металлу, я сообразил, что просто свалился в тот самый люк, на площадку подъемника, и теперь уезжаю от своих убийц куда-то под землю. Наверху, окончательно заслонив от меня весь белый свет, показалась чья-то голова... Тут послышался скрежет, площадка подпрыгнула и остановилась. Я нелепо завалился на бок, но сразу же, подгоняемый страхом, перекатился в угол. Проклятый Росинант снова загремел, в бок уткнулись все мои приспособления сразу, но это было уже сущей ерундой по сравнению с пулей того типа, оставшегося наверху. Поэтому я быстро вскочил на ноги, хотел было прижаться к стенке колодца и чуть не упал снова: никакой стены там не было. Оглянувшись, я разглядел в полумраке арку уходящего в темноту коридора. Ну что ж, так даже лучше! Вот туда, наверное, и подалась Рыжая – та самая, которая невольно вовлекла меня в эту неприятную историю.

Стоило мне спрятаться под аркой, как загудел двигатель, и подъемник снова заработал: площадка стала довольно быстро подниматься наверх, надежно заслоняя меня от моих врагов. Сначала я обрадовался, а потом подумал: вдруг они спустятся сюда за мной? Я огляделся. Что ожидает меня в этой темноте? Правда, девушка куда-то пропала. Но куда? Из глубины коридора не доносилось ни звука. А что, если она лежит где-то там, со сломанной шеей? Высоко надо мной что-то лязгнуло. Я выглянул в колодец и увидел... вернее, совсем ничего не увидел. Похоже, рифленая металлическая платформа служит также и крышкой люка. А это означает, что я надежно укрыт не только от выстрелов, но и от всего оставшегося наверху мира. Мне стало немного не по себе. Главное не поддаваться панике. Именно она губит людей – косит их, как автоматная очередь.

Один мой приятель, оказавшийся где-то в египетской провинции, запаниковал, когда местные полицейские решили проверить у него документы. В результате он довольно долго просидел в грязной яме, которую в тех краях принято называть тюрьмой, и был счастлив выбраться оттуда, лишившись всего лишь двух пальцев на правой руке. С тех пор он категорически отказывается работать где-либо, кроме Северной Европы. И даже к Риму или Мадриду относится с подозрением. Не те там, говорит, нравы. В общем, паниковать не следует никогда.

Я снова достал свой фонарик и осветил вокруг. Где-то здесь должен находиться пульт, при помощи которого включают и выключают подъемник. Я не большой специалист в механике, но разобраться с такой техникой мне вполне по силам. Но, сколько я не водил угасающим лучиком по стенам, ничего похожего на пульт не обнаружил. Только толстые, похожие на трубы кабели в оплетке да вертикально стоящие рельсы. Если такой пульт и существует, то, к сожалению, не здесь. Интересно, для чего вообще используют это подземелье? Я попытался осветить коридор, но батарейки совсем сели, так что я мог разглядеть только покрытый серой плиткой пол под ногами. Скорее всего, этим сооружением регулярно пользуются: здесь слишком чисто и совсем не пахнет гнилью и крысами. Что-то, а запах заброшенных подвалов мне хорошо знаком. Следовательно, остается ждать, пока очередная девушка не изъявит желание нырнуть сюда с улицы. Правда, ждать можно довольно долго. Ну, день-другой я протяну легко. А если больше? Организм у меня тренированный, без еды я могу продержаться с неделю, но вот без воды... Правда, Рыжая не должна задержаться под землей дольше, чем на нескольких часов. Если только здесь нет другого выхода...

Поразмыслив, я пришел к выводу, что лучше всего поскорее выяснить, куда ведет этот коридор. Конечно, существовала опасность свалиться в потемках в какую-то яму и сломать ногу. Но если двигаться осторожно и неторопливо, то можно попытаться этой опасности избежать. О том, что существует вероятность столкнуться и с другого рода неприятностями, я старался не думать. В принципе, та или иная опасность существует всегда и везде. Можно упасть со стула и остаться парализованным инвалидом. Или подцепить на улице какую-нибудь дрянь вроде птичьего гриппа. Или, по неосторожности, заработать тот же «колумбийский галстук». А автомобильные аварии? Возможно, именно поэтому я терпеть не могу автомобили, самолеты и прочую летающую и двигающуюся дрянь. Пароходы, которыми я изредка пользуюсь, чтобы перебраться на другой континент, тоже не вызывают у меня никаких симпатий, но тут уж ничего не поделаешь. Вдобавок, путешествую я обычно на сухогрузах, которые больше напоминают небольшой пригородный поселок, чем плавсредство. А во всех остальных случаях стараюсь путешествовать пешком. Вдобавок, это значительно упрощает пересечение границ там, где они еще имеются.

Размышляя обо всем этом, я осторожно двинулся вперед, придерживаясь рукой за стену. Но не успел сделать и двух шагов, как над головой вспыхнули яркие люминесцентные лампы. От неожиданности я застыл на месте. Но сразу же сообразил, что свет включился автоматически: рядом со мной никого не было. По крайней мере, в пределах видимости. Потому что коридор круто поворачивал вправо. Я выдохнул и шагнул вперед, но тут же застыл снова. Из-за поворота слышались голоса.

– Вы уверены, что этого хватит? – спросил мужской голос и рассмеялся.

– Думаете, что следовало бы свезти сюда все имеющееся в нашем распоряжении запасы? – ответил ему высокий нервный голос. – Я тысячу раз просил Майера, чтобы он не делал никаких заготовок впрок, и в тысячный раз обнаруживаю, что мои просьбы игнорируются! Из-за этого возникает масса проблем...

– Да бросьте вы! Кстати, когда ваши люди пользуются системой для своих личных нужд, вы же закрываете на это глаза, не правда ли? А тут все делается, исходя из интересов компании. Зачем же гасить инициативу, тем более, что Майер предварительно посоветовался со мной. Ладно, поехали отсюда. В абсолютно любой системе – не только в нашей – бывают незапланированные срывы, нестыковки, да и просто ошибки. Глупо предполагать, что все люди будут работать так, как вы хотите – только потому, что вы этого хотите...

Голоса стали отдаляться, и моим первым желанием было броситься к этим людям. Несмотря на природную осторожность, я бы все же предпочел не оставаться в этом коридоре в одиночестве. Очевидно, это работники подземных коммуникаций, и мне не стоило бы особого труда объяснить, что я попал к ним в гости случайно. Но меня остановила одна мысль. Я слышал всего два голоса, значит, там, за поворотом, разговаривали двое. А звук шагов был таков, словно людей было, по меньшей мере, шестеро. И вот это, сам не знаю почему, показалось мне странным... Ладно, если эти люди уходят каким-то другим путем, значит, и мне легко будет отсюда выбраться. Все же лучше не попадаться никому на глаза. Просто так, на всякий случай. Закрытые на замок двери, спасибо Росинанту, для меня не препятствие. Да и вряд ли эти подземелья запираются так же крепко, как банковские хранилища.

Я выждал, пока шаги окончательно не смолкли, и осторожно выглянул из-за угла. Никого! Коридор был значительно шире и заканчивался тупиком, а по обеим его сторонам я разглядел несколько дверей. Понятно, что в одну из них вышли те, на кого

я чуть было не натолкнулся. Ну, это мы сейчас проверим. Я быстро подошел к первой справа. Самая обычная дверь. В любом доме или офисе вы встретите сотню таких же. Только вот ни ручки, ни замка на ней не было. На всякий случай я подошел к следующей двери. Она оказалась копией предыдущей. Мне хватило одного взгляда, чтобы убедиться, что двери по другую сторону коридора выглядят точно так же. Видимо, я еще не пришел в себя после встречи с тем вооруженным пареньком, потому что какое-то время постоял в нерешительности, не зная, какую из дверей толкнуть. Все, чего мне хотелось, это выбраться отсюда, и поскорее. Но почему-то я медлил. Нет, нужно взять себя в руки. Я же не истеричная дамочка, в конце концов. Подумаешь, пригрозили пистолетом! Можно подумать, это первая в моей жизни угроза...

Сделав несколько глубоких вдохов, я постарался соображать как можно быстрее. Хотя двери и были плотно пригнаны к косякам, совершенно очевидно, что какие-то щели все равно должны были остаться. А это означает, что... Правильно! Я наклонился и приложил ладонь к порожку самой первой двери. Ничего. Ладно, попробуем с другой стороны. Есть! Из-под двери тянуло холодным сквознячком – значит, за ней выход. На всякий случай я проверил еще несколько дверей – никакого результата. Тогда я осторожно толкнул выбранную. Темнота. Вероятно, свет тут включается автоматически. Я шагнул за порог, придерживая дверь рукой. Действительно, тут же вспыхнул яркий, режущий глаза свет. Но лучше бы его не было... Прямо посередине крохотной комнаты на блестящей никелированной медицинской каталке лежало обнаженное тело!

Мне стало нехорошо, но вовсе не от вида трупа. (В том, что это труп, я даже не усомнился). О, нет! Совершенно неповрежденная и даже еще не тронутая тлением женщина... молодая женщина... с копной не успевших потускнеть рыжих волос... Вот теперь мне стало по-настоящему плохо. Даже верный Росинант не спасал от противного ноющего холода, появившегося где-то там, в груди. Все мои инстинкты вместе с волосами встали дыбом. Я не верю в такие совпадения... конечно же, это та самая Рыжая, которую я заметил на улице. Еще совсем недавно она была жива. Да, это она – красивая молодая женщина с высокой крепкой грудью и широкими бедрами... Вот черт, какие идиотские мысли лезут в голову... Нужно срочно выбраться отсюда! Даже оставшийся далеко наверху бандит показался мне теперь милым и, по крайней

мере, понятным. Кому принадлежит это подземелье? Сумасшедшим сектантам-сатанистам? банде, разбирающей людей на органы? еще черт знает кому?

Стараясь не производить ни малейшего шума, я отступил назад. Свет в комнате погас. Нет, ни за что не поддамся панике! Это вам не египетские полицейские, тут двумя пальцами не отделаешься. Я еще немного подумал и пришел к выводу, что в выборе двери придется положиться на интуицию, а, точнее, на слепой случай. Своему дурацкому поведению в тот момент я нахожу только одно оправдание: безумный страх. Я помнил только то, что теряю драгоценное время, а ведь там больше нельзя было оставаться! Набравшись решимости, я толкнул следующую дверь. Она открылась так же легко, как и первая, но, к моему облегчению, никаких покойников в комнате не было. У одной стены стоял стол с компьютером и канцелярскими принадлежностями, а у другой располагались стеллажи, на которых обычно хранят папки с документами. Только вместо документов на полках лежали деньги – стодолларовые купюры. Аккуратные пачки в банковской упаковке от пола и до самого потолка...

Я был слишком потрясен, чтобы заниматься подсчетами, но и без того было ясно: тут сложены миллионы и миллионы. Просто какая-то пещера Али-Бабы! Увидев такую кучу денег, лежащих совершенно безнадзорно, кто-то другой лишился бы рассудка. Кто-то, только не я. Как только ко мне вернулась способность соображать, мне стало еще страшнее, чем в тот момент, когда увидел мертвую Рыжую. Эти деньги, лежащие без всякой охраны за незапертой дверью, могли означать только одно: выбраться отсюда живым будет непросто. За бурную и не слишком праведную жизнь мне приходилось попадать в трудные ситуации, но еще ни разу положение мое не казалось столь безнадежным. Ну что ж, решил я, возвращаться к подъемнику бессмысленно: те, кто может спуститься вниз, либо жертвы, вроде Рыжей, либо хозяева. Встречаться с ними мне нельзя никак. Пока что я не натолкнулся ни на одного живого человека, не считая тех, чей разговор я невольно подслушал. Значит, нужно попробовать срочно найти выход. Если он вообще существует.

Преодолевая дрожь в коленях, я толкнул очередную дверь. К моему удивлению, она оказалась запертой. Интересно, что может храниться за запертой дверью, если миллионы лежат практически на виду? Стараясь не особенно задумываться, я поскорее шагнул к следующей двери. Когда она распахнулась, я увидел короткий освещенный проход, что-то вроде тамбура, в конце которого была еще одна дверь, на сей раз

металлическая, снабженная маленьким цифровым пультом. Вот это уже похоже на выход из подземелья! А с кодовым электрическим замком я управлюсь за пару минут. Главное, чтобы мне никто не успел помешать.

Я уже сунул было руку за пазуху Росинанта, когда заметил глазок видеокамеры, укрепленной в углу, под самым потолком. Нехорошо, очень плохо... Пока я буду ковыряться с дверью, у них есть все шансы меня обнаружить. Опять плохая бухгалтерия... Ладони взмокли мгновенно и так сильно, что я никак не мог ухватить нужную мне отмычку. В этот момент послышалось гудение, дверь щелкнула и стала медленно откатываться в сторону. Да-а, это я, пожалуй, погорячился, решив, что смогу открыть такую дверь. В жизни не видел подобных замков... Но к черту все замки! За дверью стояла хорошо одетая девушка, судя по виду, из тех фиф, к которым на улице я стараюсь не приближаться. Весьма милая и даже какая-то заискивающая физиономия. Так смотрят на богатого покупателя продавщицы супердорогого магазина. Но тогда я этого еще не знал.

– Вы забыли код, не правда ли? – произнесла девица, улыбаясь во весь рот. – Это очень просто: он совпадает с вашим персональным кодом плюс день недели. Сегодня четверг, следовательно, добавьте цифру «пять». Всего семь цифр, – тут она рассмеялась. – Запомнить легко, почти как номер телефона.

За ее спиной я разглядел довольно большое помещение, напоминающее холл хорошего отеля. Диваны с журнальными столиками, мягкий приятный свет, комнатные растения. Девица посторонилась и сделала приглашающий жест. Я шагнул через порог и сразу же увидел лифт. Самый обычный лифт, такие тоже встречаются в отелях. Ну, вот и отлично. Главное, успеть добраться до него, пока девица не сообразила, что я тут явно чужой, и не позвала на помощь. Поэтому, в ответ на ее вопросительный взгляд, я сделал неопределенный жест и, пробормотав что-то насчет забывчивости, направился в нужную мне сторону. Девица не выразила никакого удивления и, по-прежнему мило улыбаясь, последовала за мной. Рядом с лифтом обнаружилась невысокая стойка, вроде тех, за которыми работают секретарши в офисах. Девица проскользнула на свое место, уселась за компьютер и невозмутимо защелкала по клавишам. Стараясь казаться спокойным, я неторопливо подошел к лифту и нажал на кнопку вызова. Гул из шахты казался мне райским напевом. Сейчас распахнется дверь, и я уеду отсюда. Только вот куда? Я судорожно попытался

представить себе географию подземелья. В какую сторону шел коридор? Нет, это ничего не меняет: сообразить, где именно я вынырну из-под земли, все равно невозможно. Но если я поднимусь на поверхность в лифте, то, очевидно, окажусь в каком-нибудь здании. А что, если меня схватят именно там? В эту минуту кабина лифта показалась мне мышеловкой. Я невольно оглянулся в поисках другого выхода и встретился глазами с девицей. Она смотрела на меня немного укоризненно, как на ребенка, забывшего сказать «спасибо».

– Ну и куда же вы вот так пойдете? – сказала она и покачала головой. – В первый раз, наверное? Ну ладно, назовите мне персональный код, и вам все устроят. Я знаю, – торопливо добавила она, видимо, неправильно истолковав мою растерянность, – это пустая формальность, но таким образом мы сократим время на поиски вашего файла, ну и, вы понимаете, максимально упростим всю процедуру.

Да, подумал я, сейчас процедура и правда упростится до минимума. Меня просто пристрелят, чего ж проще! Впрочем, почему бы не попробовать немного усложнить этой девице задачу? Я сделал вид, что старательно припоминаю свой код. Ага, девица говорила, что там должно быть шесть цифр...

– Ноль, два, четыре, пять, девять... – выдавил я из себя и вдруг сообразил, что в запарке проскочил все цифры, а могут ли они повторяться или быть меньше предыдущих, не имел понятия. Я решил попробовать еще раз, сделав вид, что просто ошибся: – Ноль...

– Ноль, два, четыре, пять, девять... ноль? – девица в последний раз щелкнула по клавишам, посмотрела на экран, и ее изящные брови поползли вверх. – Простите, сэр, я и понятия не имела...

Она снова забегала пальцами по клавиатуре, искоса поглядывая на меня. По выражению ее лица трудно было догадаться, что происходит. Скорее всего, меня снова приняли за кого-то другого. Главное, продержаться до того момента, когда я окажусь на улице.

– Ну, вот и все! – через некоторое время заявила девица, взглянула куда-то за мое плечо и, приподняв ручку с наманикюренными пальчиками, помахала мне на прощание. Я невольно обернулся и понял, что это действительно все. Рядом со мной стояли два огромных мужика. Но дело было даже не в их величине. На Улице учишься распознавать человека по глазам, по наклону головы, по манере держать руки. Эти

двое были профессионалами. Не теми раскачанными болванами-вышибалами, от которых, обладая известными навыками и крепкими нервами, не так уж трудно уйти. С этими двумя мои шансы сразу упали до нуля. Того самого, который я неосмотрительно назвал дважды. Вот и все...

Невольно вжав голову в плечи, я вошел в лифт. Двое громил последовали за мной. Один из них нажал на кнопку, а я невольно заметил то, на что сразу как-то не обратил внимания: он держал в руке небольшой плоский чемоданчик.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СТРАННИК

Всякий раз, когда обстоятельства припирают меня к стенке, я начинаю соображать более интенсивно. Видимо, в голове включаются какие-то защитные механизмы, не позволяющие в ответственный момент расслабиться и обостряющие умение замечать мелочи, анализировать и делать выводы. На Улице такое умение называют «нюх». Обидно только, что далеко не всегда ему можно доверять. Однажды меня чуть было не кастрировали, когда я, положившись на свой нюх, принял приглашение двух еще не совсем опустившихся мэри разделить с ними теплый подвал. Дело происходило зимой на окраине Франкфурта. Вообще я редко поддаюсь тому, что называется зовом пола: по моему убеждению, это род наркотика, тем более сильного и страшного, что зависимость от него заложена в нас самой природой. Все насильники, педофилы и прочие выродки-извращенцы – всего лишь несчастные жертвы этой зависимости. Ну уж нет, спасибо! Впрочем, мне больше не грозит подобная опасность. Кажется, мне вообще больше ничего не грозит. Сейчас меня быстро и умело шлепнут и, в лучшем случае, уложат на каталку рядом с той Рыжей...

Смущало меня только то, что лифт определенно двигался вверх. Я бессмысленно наблюдал, как зажигаются циферки на табло над дверью. Зачем тащиться куда-то, если гораздо проще избавиться от меня прямо здесь, в подземелье? Да еще этот чемодан... Странно, для чего он мог понадобиться убийцам? К тому моменту, когда кабина лифта остановилась на шестом этаже, и мы оказались в довольно просторной и светлой комнате, я так и не успел прийти к какому-то определенному выводу. И только с удивлением смотрел по сторонам: круглый стол посередине, в углу мягкий диван, на стенах картины в тяжелых рамах. За огромным – от пола до потолка – окном я разглядел серое осеннее небо и перевел дух: очевидно, что убийство откладывается. Что ж, мне всегда казалось, что глупо умирать по ошибке...

Громилы оставили чемоданчик у стола, один из них что-то неразборчиво буркнул. Я уловил только, что он назвал меня «сэр». Странно... ведь даже местные менты предпочитают окликать бездомных «эй, ты!»... Потом бандиты удивили меня еще раз: слегка поклонившись, они дружно шагнули в ожидающуюся их кабинку лифта и исчезли. Ну и дела! Оставшись один, я немного отдышался. Похоже было, что на сей раз я попал в роскошный гостиничный номер. Осторожно подойдя к приоткрытой двери, я понял, что прав: следующая комната оказалась спальней. На небольшом возвышении находилось то, что до сих пор мне приходилось видеть только в кино – огромная совершенно круглая кровать. Прямо напротив, закрывая почти всю стену, висел плоский телевизор. А если, подумал я, со мной решил побеседовать кто-то из боссов? Что, если они рассудили так: убить меня они всегда успеют, но перед смертью я могу ответить на несколько интересующих их вопросов? Например, о том, как я попал в подземелье. Эти апартаменты казались мне вполне подходящими для человека, державшего в собственном подвале миллионы долларов. Такому запросто могла прийти в голову мысль побеседовать со мной, бездомным авантюристом. Смущало меня только то, что в номере больше никого не было. Впрочем, вполне возможно, что за мной внимательно наблюдали...

Я аккуратно прикрыл дверь в спальню, подошел к столу и задумался. Если меня привели сюда для беседы или допроса, то почему – вот и еще одна странность! – не обыскали? Ведь Росинант кому угодно показался бы подозрительным: как я не раскладывал инструменты, при ходьбе все равно можно расслышать позвякивание. Приходилось признать: эти громилы вели себя совершенно необычно. И самое главное, непонятно, как следует поступить дальше. А что, если меня все же приняли за кого-то другого? Тогда имеет смысл потихоньку свалить отсюда, пока не поздно. Чем дольше длится недоразумение, тем опаснее становится мое положение. Так что лучше всего поскорее удалиться. Для разнообразия можно воспользоваться лестницей, а не лифтом. Значит, надо найти запасной выход! Но громилы наверняка знали, что делали, оставляя меня в этом номере одного. Следовательно...

От странного тренькающего звука я невольно вздрогнул. И только спустя несколько секунд сообразил, что звук доносится из чемодана. Неужели там бомба с часовым механизмом?! Но нет... слишком дорогостоящий способ избавиться от такого незначительного человечка как я. Постепенно я понял, на что похож этот звук: на

звонок мобильного телефона. А если в чемодане действительно находится мобильник? Я подошел поближе и дрожащими руками надавил на кнопки замков. Мобильник лежал на самом дне, в черной кожаной папке. Плоский удобный телефончик... таких я еще никогда не видел. Хотя мне часто приходилось сталкиваться по работе с различными моделями. Некоторые можно реализовать долларов за сто, а то и больше. И это при том, что все перекупщики – грабители и кровососы... Телефон продолжал надрываться. Наверное, переживания последнего часа сильно сказались на моих умственных способностях, потому что я зачем-то сделал то, чего делать не собирался: раскрыл телефон и приложил его к уху.

– Слушаю, – произнес я хрипло, уже понимая, что по собственной глупости увязаю в этом смертельно опасном недоразумении все глубже.

– Добрый день! – приветливо произнес незнакомый голос. – По вашему запросу задействованы все необходимые специалисты. Надеюсь, вы останетесь довольны нашим сервисом. Единственный вопрос, который я хотел бы вам задать: пол, возраст и, если это принципиально, национальность вашего личного секретаря.

Личного секретаря? Самое время было ляпнуть, что я отродясь не имел никаких секретарей, да и не испытываю желания обзаводиться ими впредь. Но голос пояснил, что я могу не стеснять себя в выборе: они обладают неограниченными возможностями.

– Итак, мужчина, женщина?

– Женщина, – пролепетал я, полагая, что с представительницей слабого пола проще будет справиться. И тут же просительно добавил:

– Желательно, молодая.

– Как вам угодно, – ответил мужчина на другом конце провода, и я не смог уловить в его тоне ни малейшего изменения. – Девушка вскоре будет у вас. Скажем, через десять минут вас устроит?

Я что-то невразумительно промычал. В ответ голос заявил, что номер в полном моем распоряжении, и что, если мне что-нибудь понадобится, достаточно воспользоваться этим телефоном. В случае изменений в программе или иных непредвиденных обстоятельств они свяжутся со мной сами. Но ничего, что могло бы выйти из-под контроля, произойти не должно. Стопроцентная гарантия. Голос вежливо попрощался, и послышались гудки. Я положил телефон на стол и задумался. Какие мои действия наблюдатели сочли бы естественными? Меня по-прежнему беспокоила

мысль о том, что за мной подглядывают. Человеку, одетому в пальто, подобное моему Росинанта, вряд ли пристало иметь секретаря. Так, что еще? Ах, да... они сказали, что номер в моем распоряжении. Я разогнулся и оглядел комнату. Невысокий столик-бар в углу, на нем множество бутылок. Как же я мог его не заметить? Чуть более поспешно, чем следовало бы, я бросился к бару и, выбрав наугад бутылку, налил в высокий хрустальный стакан коньяк.

Мне редко приходится употреблять алкоголь. Кому-то это покажется странным, потому что все привыкли считать бездомных горькими пьяницами. Но это такой же стереотип, как и все остальные. Я давно это заметил. Так вот, даже среди настоящих российских бомжей часто встречаются вполне трезвые люди. Не трезвенники в идиотском, оставшимся от советских времен значении этого слова, а именно трезвые люди, не отказывающие себе в удовольствии выпить, но и не погружающиеся в это занятие целиком. В российских условиях бомжи-алкоголики – это практически смертники. И нравы не те, и погода неподходящая. Что же говорить о международных странниках вроде меня... Но, кажется, с этим коньяком я несколько перестарался. Свет в комнате смягчился, а предметы оплыли, как свечи. Стало жарко, но я не решился снять Росинанта, хотя и понимал, что выгляжу в нем крайне нелепо. Стоя у окна, я бездумно разглядывая пустынную улицу. Что ж, может быть, еще и пронесет... Я ведь так стараюсь не теряться и не валять дурака. Значит, шансы выкарабкаться из этого нехорошего дела у меня остаются.

За спиной что-то мелодично пиликнуло, я обернулся и увидел выходящую из лифта девушку. Даже в строгом брючном костюме она выглядела в точности как те фифы, дочери богатых родителей, занимающиеся всякой чушью вроде написания бесконечных романов или бездарных картин. Наверное, они выбирают себе эти занятия просто для того, чтобы не умереть со скуки, выражение которой всегда можно прочесть у них на лице. Я знаю, о чем говорю, потому что однажды, вопреки обыкновению, пересекал Атлантику на большом круизном пароходе. Так уж получилось. Поневоле пришлось насмотреться на этих идиотов. Ночами, чтобы подышать свежим воздухом, я поднимался по вентиляционной трубе на верхнюю палубу и имел удовольствие наблюдать, как резвится богатенькая молодежь. У меня чуть было не случился инфаркт, когда одна вконец обдолбаная парочка вдруг решила заняться любовью в той самой вентиляционной трубе, в которой я в этот момент

находился. Акустика в этих трубах совершенно сумасшедшая, и я, пока спускался обратно в трюм, успел послушаться всякого. При всем моем неоднозначном отношении к сексу, я все же нормальный мужик, так что потом – все трое суток пути – маялся без сна, вспоминая эти хлюпанья и всхлипы... Могу сказать одно: наши незамысловатые опустившиеся мэри ведут себя, по сравнению с богатыми распущенными красотками, как настоящие дамы. Несмотря на все издаваемые той нетрезвой фифой звуки, я почему-то до сих пор уверен, что ее физиономия в тот момент была кислая и пресыщенная.

Но улыбка девушки, которая вышла из лифта, показалась мне вполне искренней. Когда девушка подошла поближе, я сообразил, что ее, пожалуй, было бы неправильно отнести к породе фиф. Слишком уж умные глаза, слишком энергичный наклон головы. Да и выражение лица... Так на меня еще не смотрела ни одна женщина. По крайней мере, за время моей бездомной жизни...

– Здравствуйте, – нараспев сказала она, и я вздрогнул. – Я – ваш секретарь. Вы можете называть меня так, как вам нравится.

Уголки губ чуть дрогнули. Девушка выжидательно смотрела мне в глаза. За долгие годы путешествий я научился объясняться на многих языках. А еще я научился безошибочно различать акцент.

– А как вас зовут на самом деле? – спросил я по-русски.

Девушка с облегчением рассмеялась. Я давно заметил, что, встречая в самых необычных ситуациях земляков, люди, а особенно русские, как-то невольно расслабляются и отбрасывают формальности, как будто снимают с себя маску. Когда она вот так улыбалась, мне казалось, что никакой опасности не существует. Но девушка тут же закрылась и снова произнесла предельно официальным тоном:

– Я уже сказала: вы можете называть меня так, как вам больше нравится.

Ее милый московский выговор показался мне просто чудесным.

– Но если вы настаиваете... Меня зовут Настя. А как прикажете называть вас?

Я настолько успокоился, что чуть было не сказал ей свое настоящее имя.

Вдобавок меня очаровал этот ее старомодный оборот «как прикажете»... Проклятый коньяк... еще немного, и я начну шепотом выпрашивать у нее, что здесь происходит! Нужно все время помнить о том, что милая девушка Настя вполне способна сдать меня своим боссам.

– Зовите меня Иваном, – сказал я, понимая, что не слишком оригинален. Но Настя только кивнула и огляделась по сторонам.

– Вот и отлично, Иван. Я вижу, вы только что вошли. Машина будет ждать нас, – тут она взглянула на свои часики, – через сорок пять минут, самолет, соответственно, через полтора часа. У вас еще есть время, чтобы принять душ, побриться, отдохнуть и переодеться.

Она окинула меня странным оценивающим взглядом, словно на глаз снимала мерку, и, задержав его на моих стоптанных кроссовках, спросила:

– Сорок второй, я не ошибаюсь?

Тон был строгий, секретарский, и в глубине ее улыбающихся глаз мне почудилась холодная настороженность. То ли за нами действительно наблюдали, то ли человек, за которого меня здесь принимали, не вызывал у нее особых симпатий, несмотря на общность языка. Но радовало хотя бы то, что убивать меня пока явно не собиралась. Ну что ж, принять душ – это здорово. В моей нынешней жизни часто приходится обходиться без такой роскоши, как горячая ванна или душ. Отчего бы и не побаловать себя? Осталось только понять, что делать с Росинантом, поскольку, если я все правильно понял, мне предстоит переодевание, а после меня ждет машина и самолет. Черт возьми, хотелось бы знать, куда это я направляюсь!

В ванной я нашел великолепную бритву, стопку больших вкусно пахнущих полотенец и отличный мужской халат. Что бы со мной не случилось дальше, а сейчас надо пользоваться моментом. Это тоже одно из хорошо усвоенных мною правил Улицы. Но расслабляться полностью не следовало. В общем, минут через двадцать я вышел из ванной и обнаружил лежащий на кровати большой чемодан из тисненой кожи. Внутри в идеальном порядке была разложена мужская одежда. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: вся она великолепного качества. Рубашки в специальных зажимах, несколько пар брюк, белье, отдельно – прекрасные ботинки из крокодиловой кожи. И все это, похоже, совершенно новое. Не чемодан, а целое состояние! Попадись он мне еще утром, и я был бы счастлив. Потому что спереть такой самому шансов мало, разве что пойти на сумасшедший риск: обычно такие чемоданы носят не сами хозяева, а только прислуга, с которой лучше не связываться.

Отдельно было выложено то, что, по мнению Насти, мне следовало надеть сегодня: тонкий шерстяной свитер, темно-серые брюки и спортивного типа пиджак с

замшевыми заплатками на локтях. На коврике стояли ботинки из крокодиловой кожи. Я даже не удивился, когда оказалось, что шмотки сидят на мне так, словно я все это выбрал сам. Да, Настя – определенно профессионал в своем деле. Только ботинки оказались все же чуть-чуть великоваты. Но я столько лет носил случайные вещи с чужого плеча, что почти не обратил внимания на такую ерунду. Когда я подошел к огромному зеркалу, то не поверил своим глазам – на меня смотрел довольно молодой симпатичный подтянутый мужчина. Если бы не глаза, к такому, пожалуй, стоило бы прицепиться на улице, чтобы пожить. А я и не знал, что у меня такие глаза... Наверное, давно не обращал на них внимания.

Я все еще разглядывал себя в зеркало, когда, вежливо постучав, в комнату проскользнула Настя. Она оценивающе оглядела меня и кивнула. Не знаю почему, но я почувствовал себя значительно уверенней. Как будто настоящий «я» остался лежать на полу вместе с Росинантом – никем не замеченный и в полной безопасности. А новый «я» мог рисковать своей жизнью сколько угодно, меня это отчего-то совершенно не касалось. Этот хорошо одетый и почти неузнаваемый «я» спокойно улыбнулся Насте и вышел в гостиную. Взгляд тут же наткнулся на раскрытый чемоданчик-кейс. Я совсем забыл о нем! Очевидно, он теперь тоже принадлежит мне. В таком случае, имеет смысл ознакомиться с его содержимым. В кожаной папке лежали какие-то бумаги. Та-ак, ситуация становится все интереснее! Я оглянулся на стоящую неподалеку Настю. Девушка смотрела на меня как ни в чем не бывало и словно ждала, не будет ли каких-нибудь указаний. Я захлопнул кейс и попытался улыбнуться. Среди мелькающих в голове беспорядочных мыслей появилась одна достойная внимания.

– Что-нибудь еще? – невозмутимо спросила Настя.

– Да, – ответил я, – конечно. Расскажите мне о себе. Как вы попали на эту работу?

Если здесь есть записывающая аппаратура, то, скорее всего, девушка не будет со мной откровенничать. Правда, она и сама может об этом не знать.

– Простите, Иван, но нам категорически запрещено говорить о себе. Такая информация не имеет никакого отношения к делу. – Она помедлила и, как-то странно взглянув на меня, добавила. – Могу сказать одно: когда стало понятно, откуда вы родом – не обижайтесь, но по-английски вы говорите с сильным акцентом – было

решено предоставить вам русскоговорящего секретаря. Всегда удобней общаться на родном языке, не так ли? Впрочем, если хотите, я могу вызвать кого-нибудь другого.

– Нет-нет, вы меня вполне устраиваете.

Моя наивная попытка разговорить ее не принесла никаких плодов. Ладно, подумал я, у меня есть шанс сделать это позже, в машине или в самолете. Ведь она, наверное, будет сопровождать меня... только вот куда и зачем? А если она вовсе не секретарша, а приставленный ко мне наблюдатель, в обязанности которого входит убрать меня сразу после операции? Конечно, субтильная Настя – это не те громилы, но откуда мне знать, кто она на самом деле. Слышал я о фифочках, которым самые страшные спецназовцы не годятся и в подручные. Просто потому, что они умеют убивать и без подручных, и без оружия. Беззвучно и быстро. Тоненькими ручками с маникюром на пальчиках.

– Иван, простите, но нам пора! – голос Насти вывел меня из тяжелой задумчивости. Я согласно кивнул. Девушка уже успела достать из чемодана темный длинный плащ и теперь протягивала его мне. Я повесил плащ на руку и удивился его тяжести, хотя с виду он показался мне совсем невесомым. Настя вызвала лифт, а я напоследок обвел взглядом гостиную и снова пожалел об оставляемом здесь Росинанте. Что-то подсказывало мне: в этот номер я больше не вернусь, и мои уникальные инструменты будут выброшены на помойку. Впрочем, жалеть нужно было скорее самого себя. По сравнению с тем, что может произойти со мной в ближайшее время, даже «колумбийский галстук» казался мне сейчас чем-то знакомым и понятным, а потому менее пугающим.

Мы спустились в холл самого обыкновенного жилого дома. Скромное ничем не примечательное помещение. Разве что лицо швейцара, прилипшего к входным дверям, показалось мне слишком осмысленным, а движения его были слишком плавными и тренированными. Машина – здоровенный трехосный лимузин с тонированными стеклами – стояла прямо у подъезда. Мне стало даже любопытно: я ведь никогда не ездил в таких лимузинах. Не глядя на нас, водитель – мрачный чернокожий великан – распахнул дверцу, и я, в последний раз вдохнув влажный осенний воздух столь родной мне Улицы, нырнул в темное нутро автомобиля. Искоса бросить кейс, который я держал в руках, под ноги швейцару, оттолкнуть водителя и

дать деру, возник и тут же исчез. Бухгалтерия снова была не на моей стороне: добежать до угла я бы не успел.

В салоне Настя уселась напротив и дисциплинированно сложила руки на коленях. Вопреки моим ожиданиям, внутренность лимузина оказалась самой обычной: широкие мягкие сидения, вроде диванов, сбоку бар и небольшой столик, как в купе поезда. Нас мягко качнуло, и машина стала набирать ход. Насколько я понимаю, мы торопились в аэропорт. Я отвернулся к окну, чтобы не встречаться взглядом с Настей. Бессмысленно было даже пробовать разговорить ее здесь, в этом автомобиле. Ну хорошо, подумал я, впереди еще самолет, а это означает ожидание в аэропорту и сам полет. Надеюсь, у нас будет время для откровенностей. Вспомнив о необходимости лететь, я мгновенно запаниковал, но тут же рассмеялся над собой. Надо же: попасть в подобную переделку и думать о такой ерунде! Но все равно... ненавижу летать!

– Ненавижу летать, – повторил я вслух, сам не зная зачем.

– Да? – тут же оживилась Настя. Она как будто ждала сигнала, чтобы начать говорить. – Какое совпадение, я тоже терпеть не могу самолеты. Особенно, когда лететь нужно долго. Скажем, в Японию. Может быть, поэтому я не люблю Японию? И вообще, перед полетом у меня всегда портится настроение. Хотя, если я лечу в Париж, это меняет дело. Обожаю Париж! Всегда хотела пожить там хотя бы полгода. Да только никогда не получалось попасть туда надолго. Неделя парижских каникул – это все, что я могу себе позволить...

Такое простодушное многословие показалось мне странным. Образ строгого и собранного секретаря испарился: напротив сидела обычная московская девчонка, выпускница какого-нибудь затрапезного института культуры. Неужели салон не прослушивается?

– Ну, а как вы настроены сегодня? – поинтересовался я и похвалил сам себя за сообразительность. По крайней мере, есть шанс выяснить, как далеко мы направляемся. Но Настя только мило улыбнулась и ответила, что когда она летает по служебной надобности, то это совсем другое: тут не приходится выбирать... ну, сами понимаете. Не меняя тона, она снова стала рассказывать про Париж, и мне стало ясно, что это не я ее пытаюсь разговорить, а она меня. Есть такой старый фокус: непринужденно болтая, ты стараешься раскрыть собеседника, заставить его рассказать о себе... Да, с этой девчонкой нужно держать ухо востро! Впрочем, много лет я именно

так себя и веду. Только на этот раз я оказался в чуть более странной и непредсказуемой ситуации, чем обычно. Я снова отвернулся к окну.

Лимузин нырнул в длинный туннель и вынырнул уже в другом штате. Кажется, где-то здесь находится один из международных аэропортов. Но вместо того, чтобы выехать на скоростное шоссе, мы свернули на полупустую дорогу, сделали несколько поворотов, и я окончательно потерял представление о том, где мы находимся. Потом мы проехали мимо огромного огороженного пустыря. Только увидев вдали несколько легких самолетиков, я сообразил, что мы прибыли на частный аэродром. Машина выскочила прямо на летное поле и вскоре остановилась у маленького реактивного самолета. Где-то невдалеке торчала бело-красная башня наземного управления, а рядом с ней присел на коротких лапах большой, раскрашенный словно индейский вождь грузовой вертолет. Я чуть замешкался перед трапом, пытаюсь сообразить, следует ли мне пропустить Настю вперед. Но, оглянувшись, увидел, что она все еще стоит у лимузина.

– Вы хотите, чтобы я летела с вами? – спросила она, и ее лицо в этот момент показалось мне растерянным. Похоже, лететь со мной она не намеревалась. Или, может быть, она действительно не любит самолеты? Но зачем мне, спрашивается, секретарь, в обязанности которого входит только проводить меня в аэропорт? Я кивнул в ответ, понимая, что нарушаю какие-то неведомые мне планы. Настя пожала плечами, достала из машины свое пальто и сумочку и стала подниматься по трапу.

Внутренность самолета если чем-то и отличалась от салона лимузина, так это величиной: чуть шире диваны, чуть больше столик. Я пожал руку мужчине в летной форме, который приветствовал нас на борту – по всей видимости, командиру этой железяки. Не успели мы сесть, как самолет загудел и затрясся. Настя, не глядя, накрыла мою руку своей мягкой ладошкой.

– Спасибо, Иван, – стараясь перекричать вопли двигателей, Настя говорила мне почти в самое ухо – то самое, которое я обещал себе держать остро. Но вместо этого вдруг почувствовал странное тепло. – Спасибо вам... Почему-то я была уверена, что вы оставите меня здесь. Все-таки славно встретить земляка так далеко от дома...

Самолет, дрожа словно от нетерпения, мчался по взлетной полосе. Мрачно кивнув Насте, я углубился в изучение собственных ощущений. Я и сам не понимал, что разволновало меня больше – взлет этой проклятой железяки или прикосновение

женской руки. Стоило нам оторваться от земли, как Настя встала и принесла из бара два бокала.

– Заметила, что вы пили, когда я вошла. Это тот же самый коньяк. Хорошо помогает перенести полет, не правда ли?

Сама она свой бокал лишь пригубила и, взглянув на кейс, который я поставил рядом со столиком, спросила, буду ли я просматривать бумаги. В этом случае она – просто чтобы не мешать – пересядет подальше. Разумеется, добавила она, в нашем распоряжении компьютер с доступом к интернету и вообще все необходимое для работы. Тут ожили динамики, и командир доложил нам, что полет будет продолжаться два часа двадцать минут на высоте... Дальше я слушать не стал, просто подвинул к себе кейс и после минутного колебания откинул крышку, быстро вытащил папку и захлопнул чемоданчик. Возможно, эти бумаги, вернее, содержащаяся в них информация поможет мне понять, что происходит. Еще раз покосившись на примостившуюся наискосок от меня девушку, я раскрыл папку.

Признаться, я не большой любитель читать по-английски. Особенно, когда речь идет о каких-нибудь серьезных документах. Этот особый канцелярский стиль, сдобренный малопонятными терминами, и в родном-то языке раздражает и не дает уловить смысл. Если он, этот смысл, вообще существует. Но первый же бросившийся мне в глаза заголовок был прост и понятен: «Соединенные Штаты Америки, Капитолий». Из напечатанного мелким шрифтом я понял только одно: это какой-то отчет, то ли предоставленный Сенату, то ли, наоборот, составленный одной из его комиссий и связанный с положением дел на мировом нефтяном рынке. Вот уж этот вопрос меня совершенно не интересует! У меня и машины-то нет – и вряд ли когда-нибудь будет. Гори оно все синим пламенем! Я просмотрел еще несколько листов. На одном из них было написано сверху: «Белый Дом, Канцелярия президента». Интересно, подумал я, рассеянно пробегая глазами страницу, а бумаги-то наверняка секретные... Что-то об Ираке и Афганистане. Цифры, таблицы и уже совершенно непонятный мне текст. Я снова покосился на Настю, которая, похоже, задремала. Попросить ее перевести, что ли?

Настя почувствовала мой взгляд и открыла глаза. Черт, эта девушка пробуждает во мне совершенно противоречивые чувства. Вряд ли я просто соскучился по бабе. Ну, не семнадцать же мне лет, в конце концов! Интересно, что будет, если я сейчас положу

руку на ее коленку? Или мне, как боссу, позволено затащить свою секретаршу в койку?.. Да что это со мной?! Неужели идиотская история, в которую я попал, что-то во мне изменила? Ну зачем мне эта фифа со славным русским именем Настя? Тут почему-то вспомнилась Рыжая – мертвая, лежащая на каталке... Нет, расслабляться нельзя никак. Я отвел взгляд от девушки и уткнулся в документы. Пожалуй, попытаюсь разобраться с этим сам.

Последняя бумажка была написана от руки. Судя по наклону, писал левша. Их в Америке, насколько я знаю, не переучивают, и поэтому почерк получается отвратительным. Я сумел разобрать только то, что уважаемому мистеру Смигу предлагается... Что именно предлагается, я понять не смог. Ну что ж, скорее всего, мистер Смит – это я. То есть, тот, за кого меня принимают. Открытие довольно бесполезное: в Штатах «Смит» – что-то вроде нашего Сидорова. Скорее всего, это не настоящая фамилия. Я засунул папку обратно в кейс, откинулся на мягкие подушки и прикрыл глаза. Следовало подумать о том, что делать дальше. Никакой новой информации я не получил и по-прежнему не понимал, что происходит. Содержание папки мне совершенно ни о чем не говорило. Мало ли для чего понадобилась такая информация загадочному мистеру Смигу. Кстати, если она действительно секретная, то легче мне от этого не становится. Итак, мои действия? Сейчас, пока мы находимся в воздухе, обратиться к пилотам с просьбой... остановить самолет? Чепуха, конечно, да и сами пилоты могут оказаться не просто наемным экипажем, а служащими все той же таинственной конторы. Остается только Настя. Но она, она...

Очнулся я оттого, что кресло подо мной противно покачнулось и ушло вниз. В это трудно поверить, но, стоило мне открыть глаза, голос командира громко сообщил, что до посадки остается десять минут, попросил пристегнуть ремни и выразил надежду, что полет нам понравился. Надо же, значит, я проспал больше часа! Настя теперь сидела в кресле рядом со мной, и когда самолетик, дрогнув всем телом, устремился к посадочной площадке, снова взяла меня за руку. И снова я, как последний дурак, почувствовал нечто такое, о чем думать не хотелось.

– Ну, вот и все, – с облегчением выдохнула она, когда, чуть подпрыгнув, самолетик побежал по земле. Похоже, она по-настоящему боится летать. Всем известно, какая эйфория охватывает пассажиров сразу после посадки. Особенно трусов. Адреналин пьянит лучше алкоголя! Но, кажется, мы обрадовались чуть раньше

времени: раздался тяжелый металлический визг, и нас бросило вперед: самолет экстренно тормозил. Я уперся руками в столик, Настя вцепилась мне в плечо. Нас затрясло, и сразу же все закончилось: самолет остановился. После небольшой паузы командир виноватым голосом попросил прощения за доставленное неудобство. Я медленно поднялся с места и заметил, что несколько бутылок из бара валяются на полу у дальней стенки. А кейс, соскользнув со стола, застрял на пороге салона. Я поднял его и удивился: я отлично помнил, как спрятал папку и был почти уверен, что не закрывал кейс. То есть, не защелкивал замок. Но в таком случае тяжелый кейс неминуемо раскрылся бы при падении. Означает ли это, что Настя, пока я спал, поинтересовалась содержанием документов? Да и вообще, эта странная сонливость, неожиданно охватившая меня во время полета... Что это? Неужели девушка подсыпала в коньяк снотворное?

Двигаясь к выходу, я невозмутимо посмотрел на Настю. Она страдальчески сморщилась и показала мне обломившийся ноготь. Почему-то этот жест убедил меня, что такое вот простодушное существо, расстроившееся из-за какого-то несчастного ногтя, не могло хладнокровно усыпить человека, чтобы покопаться в его бумагах. Или мое воображение сыграло со мной злую шутку?..

Прямо перед трапом стоял лимузин, как две капли воды похожий на тот, который привез нас в аэропорт. Только водитель был другой – щуплый почтительный старичок с фуражкой в руках. Когда мы уселись, я вдруг сообразил, что так и не попрощался с командиром самолета. Что бы там не думали непосвященные, но вежливость – качество, которому на Улице обучаешься быстро. Поэтому я посмотрел в окно, надеясь хотя бы помахать командиру рукой. Но автомобиль стремительно удалялся, и я только успел увидеть, как закрылась овальная дверь с окошком-иллюминатором. Меня так и тянуло, наплевав на опасность, прямо спросить Настю, куда мы едем. Но нет, пожалуй, еще рано. Попробую разобраться сам.

Через несколько минут лимузин снизил скорость и по тенистой аллее подъехал к крыльцу внушительного кирпичного здания. Очевидно, нас ждали, потому что двери сразу же распахнулись, и двое мужчин направились ко мне.

– К сожалению, – сказал один из них, приятно улыбаясь, – вы не можете взять с собой ничего и никого. Оставьте плащ и портфель секретарю и следуйте за мной.

Я молча передал кейс Насте, которая важно кивнула. Ну вот, теперь у нее есть возможность спокойно ознакомиться с содержимым папки. Если это ее действительно так интересует...

Провожатые провели меня по длинному коридору и остановились перед тяжелой дубовой дверью. Дом явно принадлежал очень богатому человеку, но запах не был похож на запахи жилого помещения... скорее, какого-то официального учреждения. Улыбнувшись, мой провожатый быстро и очень профессионально обыскал меня. Из него получился бы высококлассный «стрелок». Только, подозреваю, на жизнь он зарабатывал совсем другим способом.

– Прошу вас! – он распахнул половинку двери. – У вас есть полчаса.

Я шагнул в уютный кабинет. Из-за большого письменного стола на меня внимательно смотрел подозрительно знакомый человек. Сухое лицо с крючковатым носом, маленькие пронзительные глаза, седая шевелюра...

– Я согласился вас принять по настоятельной просьбе моих друзей.

Присаживайтесь и выкладывайте, что вам нужно, – сухо заявил он.

Я опустил на краешек стула. Приглашение присесть прозвучало очень вовремя: стоило этому человеку заговорить, как у меня тут же подкосились ноги. Я узнал его, хотя не встречался с ним ни разу в жизни. Передо мной сидел президент Соединенных Штатов Америки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДЖОАН

В ту ночь Джоан приснился неприятный сон: полуголая, она металась по огромному залу, похожему на вокзал, лихорадочно разыскивая в равнодушной толпе бесследно пропавший чемодан с чем-то очень для нее важным. В последнюю секунду перед пробуждением Джоан увидела себя отгороженной от толпы ржавой железной решеткой, с грохотом опустившейся откуда-то сверху. Даже открыв глаза, она еще некоторое время не могла остановить бухающий внутри молот, отдающийся противной болью в голове. Проклятый придурок, снова подстерегавший ее у дома, похоже, начинает проникать в ее сны! Правда, вчера вечером она и сама оказалась не на высоте: вместо того, чтобы зайти в подъезд и вызвать полицию, она кинулась на придурка с кулаками. Виноват был, конечно, тот лишний martini... Похоже, ей пора ограничивать себя в алкоголе. Было бы слишком глупо, почти добравшись до вершины, из-за какой-то нелепой привычки потерять все. Виктор и так уже подтрунивает над ней, утверждая, что образ жизни своей героини не следует повторять так уж буквально. Хотя он, конечно, просто-напросто ревнует, несчастный. Ну, еще бы не ревновал: с тех пор, как она получила это предложение, их отношения довольно резко изменились.

Джоан потянулась, скосила глаза на часы и решила еще немного поваляться в постели. В конце концов, оставшиеся несколько дней она может провести так, как захочет. Тем более, что за окном моросил мелкий серый дождик. Противная тяжелая туча нависла, казалось, прямо над домом. Это сказка для дураков, что у голливудских звезд день начинается в четыре утра! Диета, тренировки, работа... По крайней мере, она, Джоан, пока еще может позволить себе расслабиться. Ведь именно такая фигура, немного пышная по нынешним меркам, и принесла ей эту роль. Виктор до сих пор не верит, что ей не пришлось для этого ни с кем переспать. Глупый какой! Просто ему нравилось думать, что она находилась на много ступенек социальной лестницы ниже

его – успешного брокера с Уолл-стрит. Лет восемь назад Виктор приехал из России, по его собственному выражению, с «голым задом», и поэтому ужасно гордился своими американскими достижениями. Ну, конечно... она, Джоан – полунищая актрисулька и коренная американка из протестантской семьи первых переселенцев – вынуждена подрабатывать официанткой, а вот он, эмигрант, за несколько лет составил себе вполне приличное состояние... А теперь ему, конечно, хочется приуменьшить ее успех.

Успех, удача... Если вдуматься, в этом ее почти невероятном взлете есть кое-какие мелочи и детальки, которые ей самой иногда кажутся несколько странными. Наверное поэтому она так и не решилась сменить квартиру и, хотя после подписания контракта ей отвалили вполне приличную сумму, по-прежнему живет в своей холодной дыре в Вашингтон-Хайтс – далеко не самом фешенебельном районе города. Но таких больших денег у нее никогда еще не было. Даже мурашки бегут по телу при мысли о том, какая она теперь богатая. И это только начало! А странности... Что ж, в жизни действительно редко встречается такое везение. Но ведь все-таки встречается! Сколько актрис начали свою блистательную карьеру с почти такой же сказочной случайности. И ничего, вполне довольны жизнью. А чем она, Джоан, хуже? Да ничем! Виктор твердит, что мало одной схожести с Той, нужен еще и талант. Что она, дескать, ничего не знает о жизни Той, на которую так похожа. О жизни, в которой было мало такого, чему можно было бы позавидовать. Ха-ха, да ведь Джоан и актрисой-то стала именно потому, что все вокруг удивлялись ее сходству с Той. Даже отец – занудный, рано постаревший владелец магазинчика хозяйственных товаров в маленьком городке под Бостоном – согласился, что ей следует попробовать свои силы в кино. Ну вот, теперь мы и посмотрим! Вернее, пусть смотрят остальные, потому что она сама совершенно в себе уверена. Все, что ей было нужно, это получить шанс. А теперь, когда она его получила, было бы по меньшей мере глупо переживать из-за каких-то там подозрительных мелочей.

...Все началось с того, что пару недель назад в баре, где работала Джоан, появился человек, напомнивший ей героя какого-то итальянского фильма – высокий седой красавец в великолепном длинном пальто с поднятым воротником. После дежурной фразы о ее поразительном сходстве с Той, он, конечно же, спросил, не пробовала ли она свои силы в кино. Джоан давно надоели все эти «заманчивые» предложения, которые она периодически получала в баре, потому что, в лучшем

случае, речь шла о возможности сделаться порнозвездой, да и то какой-нибудь третьей величины. Она, наверное, и не отказалась бы сняться в откровенной сцене – она ведь все-таки актриса! – но вся та порнушка, которую ей приходилось видеть, была до унылости бездарной и малохудожественной, больше похожей на видения озабоченного подростка, чем на настоящее кино. Герой-итальянец понимающе хмыкнул и сказал, что с ней свяжется Гринберг. Кто такой Гринберг, Джоан тогда еще не знала, да и знать не хотела. Она была только рада, когда этот тип в пальто ушел. А через несколько дней ей позвонили из агентства по найму актеров и пригласили для беседы. Джоан удивилась, не поверила и срочно навела справки. Тут-то и выяснилось, что мистер Гринберг – антрепренер и владелец знаменитого на весь мир агентства, открыватель талантов и, так сказать, крестный отец половины голливудских звезд.

И она попала в сказку. А как еще можно назвать весь этот волшебный процесс фото– и кинопроб, репетиций, этот волнующий запах грима, денег и настоящей удачи? Это продолжалось несколько восхитительных дней. А потом ее пригласил к себе в кабинет сам мистер Гринберг – маленький толстячок с грустными темными глазами.

– Ты, девочка, просто не понимаешь, чем владеешь. И дело даже не в том, что ты похожа на Ту. Ты, как мне кажется, и сама по себе кое-чего стоишь. А я знаю, о чем говорю, поверь мне.

Джоан залила волна такого острого счастья, что, казалось, еще немного, и она завизжала бы от восторга во весь голос. Только в таком солидном кабинете это было бы совсем неуместно. Гринберг помедлил, отчего-то покачал головой и постучал толстым пальцем по лежавшим перед ним бумагам.

– К сожалению, в настоящий момент я могу предложить тебе всего лишь один контракт. Честно говоря, я и сам чувствую себя неловко. Дело в том, что обычно я не работаю с независимыми студиями. А тут даже и не студия...

Настроение Джоан начало стремительно падать. Хорошенькое начало, нечего сказать! Некто, настолько влиятельный, что даже мистер Гринберг не мог ему отказать, решил снять фильм о Той. Причем фильм предназначался не для показа широкой публике, а исключительно для демонстрации самому заказчику и узкому кругу его друзей.

– Тебя должно утешить то, что работать ты будешь с хорошими профессионалами, да и гонорар тебе предлагают вполне голливудский. Кроме того,

если фильм получится стоящий, в чем я почти не сомневаюсь, то... В общем, поверь мне: для начинающей актрисы это значительно лучше, чем сниматься где попало.

Мистер Гринберг понимающе улыбнулся и протянул Джоан папку с контрактом. Конечно, у нее были колебания. Но ведь она совсем ничего не теряет. А шанс... Мистер Гринберг вполне однозначно дал понять, что это и есть ее шанс! И еще через два дня она получила свой первый аванс. Сумма, выписанная прописью на чеке, была такой, что голова закружилась бы у кого угодно. В своем баре она не зарабатывала такие деньги и за год. И все-таки Виктор в чем-то прав: сниматься в фильме, который является всего лишь причудой какого-то миллионера... Вдобавок, по условиям контракта, она не увидит сценарий до самого начала съемок. Вот уж действительно странность так странность! Она знала: так кино не делается. А тут еще Виктор теперь все время пытается доказать ей, что она безмозглая дура и никакая не актриса. Хорошо еще, что съемки будут проходить где-то на Карибских островах. Вылет – в следующий понедельник. А это означает, что три-четыре месяца она будет жить без дурацких наставлений Виктора...

Из-за этого они вчера вечером и разругались вдрызг. Виктор считал, что это несерьезно – сниматься в какой-то подозрительной картине, пусть даже и за большие деньги. Эти слова – «большие деньги» – он произносил с невыразимым презрением. Как будто на самом деле предложенная ей сумма – пустяк. Тот факт, что теперь ее агентом является знаменитый Гринберг, нисколько Виктора не вдохновил. Ну почему, спрашивается, ему так уж необходимо все время доказывать, что она – типичная пустоголовая блондинка, у которой нет ничего, кроме пышных форм и смазливой мордочки? Что же тогда получается: только этим она его и привлекла?.. В общем, домой Джоан вернулась одна, полная решимости ни за что не отказываться от сделанного ей предложения. И в ярости кинулась с кулаками на того придурка. Хорошо еще, что придурок бросился бежать, а не затащил ее в какой-нибудь темный угол. От этой мысли Джоан передернуло. Все-таки Виктор сволочь: позволил ей самой добраться до Вашингтон-Хайтс – далеко не самого благополучного района Нью-Йорка...

Джоан неторопливо вылезла из постели и встала под душ, не забыв бросить взгляд на свое отражение в зеркале. Все очень даже... аппетитно. Стоя под струями горячей воды, она позволила себе еще немного позлиться на Виктора. А вообще все

складывается очень даже неплохо. Гнусный самодовольный гордец, пусть теперь как-нибудь обходится без нее! Гринберг вполне прозрачно намекал, что после этого фильма ее ждет серьезная карьера в кино. Что ей еще нужно? А Виктор... К тому времени, когда она вернется с островов, у нее будет возможность решить, как с ним поступить.

Телефонный звонок раздался в тот момент, когда она варила себе кофе – так, как научил ее Виктор. Давняя подружка Сюзи спрашивала, не хочет ли Джоан пойти на вечеринку к ее знакомым.

– Будет кое-кто из занятных людей, – тархтела Сюзи, пока Джоан следила за пенкой, медленно вырастающей из джезвы. – Ну, ты знаешь, Николь с Симоной, Дэн, потом этот... вечно забываю, как его зовут... ну, который на прошлой неделе чуть не выпал из окна, перекурив травки, помнишь? Да и еще кое-кто полезный для тебя. Говорят, он что-то такое делает в кино...

Джоан мысленно вздохнула. Одно из условий контракта запрещало ей рассказывать кому-либо о своем участии в фильме. По крайней мере, до конца съемок. Она, конечно, не удержалась и сразу же все выложила Виктору... Ну а как иначе объяснить ему трехмесячное отсутствие? Если бы она знала, что они так разругаются... Но никому из своих многочисленных приятелей и приятельниц Джоан не сказала ни слова. Даже Сюзи. Именно ей, болтушке, в первую очередь. Мир кино, подумала Джоан, это жестокая штука. И тут же рассмеялась: «...что-то такое делает в кино»... Эта фраза напоминает какой-нибудь титул – «граф» или «барон» – и точно так же, как этот титул, абсолютно ничего не означает в реальной жизни. Приехав в Нью-Йорк и поступив в актерскую студию при университете, она наивно полагала, что появившиеся у нее вскоре обширные знакомства в актерском мире могут оказаться действительно полезными. На них она рассчитывала больше, чем на классы актерского мастерства. Собственно, Джоан потому и не отправилась сразу в Голливуд, что прекрасно понимала: тамошние снобы-киношники просто не заметят ее в толпах таких же юных претенденток на Большую Роль, съехавшихся из разных уголков страны в Лос-Анджелес. Очень многие великие актеры начинали свою карьеру именно с Нью-Йорка, это всем известно. А также известно, что без знакомств в мире кино многого не достигнешь. Поэтому знакомствами ей и следовало обзавестись в первую очередь.

Но, увы... нью-йоркская актерская братия не торопилась делиться своими связями. Мужчины, понятно, сразу же старались затащить Джоан в постель, многозначительно и невнятно обещая ей сказочные, по их представлениям, роли в рекламе пива. Актрисы же были либо такими же новичками, как сама Джоан, либо прожженными штучками, вроде Кристины, с которой Джоан познакомилась на какой-то тусовке в Виллидже. Кристина окинула Джоан тяжелым взглядом, скривила губы и заявила, что женщин, похожих на Ту, и в Нью-Йорке, и в Голливуде навалом, так что это скорее минус, чем плюс.

– Нужно быть самой собой! – Кристина посмотрела куда-то поверх голов и щелкнула пальцами. – Тогда у тебя появится шанс... стать третьесортной секретаршей.

В общем, Джоан пришлось нелегко. Парочка пустых романов с озабоченными собственной значимостью мужчинами, которые «что-то такое делают в кино», ничего, кроме разочарования, Джоан не принесли. Пустые головы, пустые обещания, и даже сексуальные амбиции совершенно пустые... Может быть, именно поэтому она и заинтересовалась Виктором. Тот хоть и любит бесконечно разглагольствовать о том, что такое настоящий мужик, но, в принципе, в первую же ночь доказал некоторое, как он это назвал, «превосходство европейцев над американцами». Ну и потом Виктор все-таки не обещал ей помочь с карьерой, а, наоборот, предлагал плюнуть на неверную актерскую судьбу и заняться чем-то другим. Хороша бы она была, если бы послушалась... Она ведь, можно сказать, в лотерею выиграла! Да, ей повезло, но это не какое-нибудь тупое везение, выпадающее вслепую кому угодно. Она еще докажет, что достойна того, что получила. А пока... пока ей хочется просто радоваться удаче, и она не желает слышать ничьи идиотские насмешки!

Ощущение восторга не покидало ее последние две недели. И если бы не Виктор, да еще этот придурок... О привязавшемся к ней сумасшедшем Джоан Виктору не рассказывала. Он часто повторял, что только русские мужчины способны оберегать своих женщин, заботиться о них по-настоящему. Ну, если все его упреки и подозрения называются «оберегать», тогда лучше уж как-нибудь обойтись самой. Тем более, что псих-то совсем не агрессивный. В самый первый раз, когда он подошел к Джоан, она даже не сразу поняла, что он обращается именно к ней.

– Ни в коем случае не соглашайтесь, – прошептал псих, семена рядом с Джоан и воровато оглядываясь. – Они хотят подсеунуть вас, потому что с другими у них ничего

не вышло. Но вы не соглашайтесь, ни за какие деньги не соглашайтесь! Это настоящий договор с дьяволом, поверьте мне...

Дело происходило поздним утром, прямо на многолюдной Пятой авеню. Джоан только что вышла из офиса мистера Гринберга, держа в руках папочку с подписанным контрактом. Настроение было великолепным. Поэтому она не испугалась, а только ускорила шаг.

– Да послушайте же! – псих страдальчески сморщил лицо. – Вы молодая и еще ничего не понимаете. Они... они убили даже Джона Леннона...

Вспомнив, что теперь она почти богата и может себе позволить такой каприз, Джоан подошла к краю тротуара и призывно подняла руку. К счастью, такси появилось почти мгновенно, и, глядя, как она усаживается в машину, придурок только растерянно моргал. Возможно, Джоан и забыла бы о нем, если бы уже на следующий день не повстречала того же безумца на платформе метро. Джоан совершенно не хотелось, чтобы ее счастливое состояние, в котором она теперь пребывала, омрачилось какими-то дурацкими вопросами, равно как и выяснением отношений с Виктором. Не оглядываясь и не вслушиваясь в горячий шепот придурка, она втиснулась в подошедший поезд и смешалась с торопливой утренней толпой. Тогда она была уверена, что все это простое совпадение. Кроме того, ее довольно яркая внешность, конечно же, привлекала к себе взгляды мужчин. Самых разных мужчин, в том числе и психов. Так что ничего удивительного... Но вчера вечером придурок поджидал ее уже у подъезда ее собственного дома. Он так робко придвинулся к ней из темноты, что она почти не испугалась. Ну как он, спрашивается, мог ее выследить? Распаленная алкоголем и недавней ссорой с занудой Виктором, Джоан сама кинулась к психу и, если бы этот несчастный вовремя не отпрыгнул, кажется, врезала бы по его идиотской физиономии.

Джоан пообещала Сюзи подумать насчет вечеринки, повесила трубку и стала размышлять о том, что ей предстоит сделать сегодня. В принципе, следовало всерьез заняться собственным гардеробом. Не лететь же на съемки в том, что у нее есть! Как это ни странно, но Джоан не испытывала никакого восторга от предстоящих дорогих покупок. Наверное, говорила она себе, я еще не привыкла тратить на одежду такие сумасшедшие деньги. Просто потому, что не успела свыкнуться с мыслью, что они у меня есть. Ну ничего, это еще впереди. У нее вообще все еще впереди! Джоан

попыталась представить себе всю ту роскошь, которой она сможет окружить себя уже в самом ближайшем будущем, и блаженно зажмурилась. Теперь-то она понимает, что должна была испытывать Золушка на следующее утро после знаменитого бала... Правда, Золушка провела ту ночь с Принцем... Ладно, хватит мечтать, пора заниматься делом! Джоан тщательно вымыла кофейную чашку и отправилась одеваться.

Дождь давно закончился, и осенний день был по-летнему светел. После привычного полумрака своей квартирки, выходящей окнами в крохотный дворик, от неожиданно яркого солнца Джоан даже зажмурилась. Все идет хорошо, просто замечательно! Она открыла глаза и сразу же увидела перед собой придурка, стоящего в почтительном отдалении.

– Мне ничего от вас не нужно! – на сей раз он почти кричал. – Поверьте, речь идет о вас и только о вас! С моей стороны было бы непростительно молча наблюдать, что они собираются сделать, и не предупредить вас.... Я знаю много такого, что... Вы не первая и, к сожалению, не последняя!

Придурок закрыл глаза и отчаянно замотал головой. Джоан вздохнула: вот гад какой! Круто развернувшись, она пошла к станции метро. Терпеть эти приставания она больше не намерена: у метро вечно дежурят полицейские, они его живо отучат лезть к женщинам! Придурок, словно угадав ее мысли, заорал уже в полный голос:

– Ну и черт с вами! Только обязательно... Слышите, обязательно поинтересуйтесь у них: не Майер ли будет вами заниматься. Вот увидите, что Майер! Спросите у своих знакомых, кто он такой, этот Майер. Его же все знают! О-о, Майера просто обязаны знать все... А те, которые еще не знают, должны хотя бы догадываться о его существовании. Потому что...

Джоан успела завернуть за угол, на Бродвей, и больше не слышала криков придурка, но ее настроение отчего-то совершенно испортилось. Она осознала это, когда вышла из метро. Даже давно уже ставшая привычной уличная суэта сегодня показалась Джоан какой-то подозрительной. Пожарные или полицейские сирены, которые она обычно просто не замечала, надрывно выли прямо у нее над ухом. Как будто весь город, сговорившись за ее спиной, собирался подстроить ей отвратительную и опасную ловушку. Намеченный поход по магазинам определенно откладывался. Не может же она в таком мрачном настроении делать легкие радостные покупки! Увидев вывеску «Старбакс-кофе», Джоан зашла в почти пустое в это время

суток заведение и заказала себе чашечку чая: пить кофе в таком возбужденном состоянии показалось ей излишним. Молодой парень за стойкой окинул ее наглым любопытным взглядом. Вот и этот тоже... На секунду она пожалела о том, чем привычно гордилась – о своей похожести на Ту. Джоан присела за столик и задумалась. Глупость какая-то, расстроенные нервы... Может быть, позвонить Виктору? И что ему сказать? Что ее до дрожи напугал обычный городской сумасшедший? И услышать в ответ, что она сама виновата, а он, молодец, давно ее предупреждал, и что нечего было... в общем, дальше все как обычно. Да и не будет она после вчерашнего скандала звонить ему первая...

Рассеянно помешивая ложечкой остывший чай, Джоан неожиданно подумала, что чертовски одинока в этом огромном городе. Среди ее знакомых и приятелей нет ни одного, которого она могла бы считать близким человеком. Даже Виктор, несмотря на все его попытки изобразить заботу о ней, все-таки чужой... А что, если она возьмет да и позвонит мистеру Гринбергу? Тоже глупость... Спросить его, не знает ли он случайно, кто такой этот Майер? Нет, конечно... что только не придет в голову! Беспокоить серьезного человека из-за своих разгулявшихся нервов она ни за что не станет. Правда, мистер Гринберг, наверное, уже привык к причудам примадонн. К которым она, Джоан, пока еще не относится. Да ей и самой понятно, что выкрики психа не стоят того, чтобы обращать на них внимание. Только почему ей так тревожно? Нет, нужно взять себя в руки! В конце концов, до отлета на съемки осталось всего ничего – несколько дней. А уж там... Да-да, нужно сосредоточиться на приятном! Постараться отвлечься, подумать о другом... как после какого-нибудь страшного фильма, когда ты пытаешься заснуть, а жуткие кадры все еще стоят перед глазами. Впереди интересная работа, которая откроет перед ней, Джоан, будущее, о котором мечтают тысячи. Вот и все! Все остальное – ерунда. Она не может себе позволить такую роскошь, как поддаваться глупой слабости. Тем более сейчас... и особенно сейчас!

Выйдя из кафе, Джоан почувствовала, что немного успокоилась, и решила все же не отступать от намеченного утром плана. Черт с ним со всем, она сейчас пойдет в самые дорогие магазины и, не глядя на цены, купит себе всякой всячины. Пока она сидела в кафе, погода снова успела перемениться: солнце скрылось, небо потемнело, подул тяжелый ледяной ветер. Ну и что, подумала Джоан, застегивая пальто на все

пуговицы, тем приятнее будет оказаться в теплом и светлом магазине. Она торопливо направилась в сторону Пятой авеню. В такую погоду хорошо покупать одежду, которую носят там, где пальмы, горячее солнце, белый песок... Джоан никогда еще не бывала на Карибских островах, и поэтому в ее воображении мелькали только яркие картинки телереклам. Но, наверное, в реальности там тоже совсем неплохо... А Виктору она пошлет оттуда какую-нибудь красивую открытку. Или собственную соблазнительную фотографию в бикини на берегу неестественно-голубого океана. Пусть немножко позлится!..

На перекрестке ветер дул сильнее и, ожидая, пока свет сменится на зеленый, Джоан отвернулась, подставляя колючему холоду спину. И тут же забыла обо всем. Перед ней стоял все тот же несчастный придурок и не сводил с нее слезящихся от ветра глаз. На секунду ей снова захотелось броситься на него, сбить с ног, растерзать. Ну почему, когда все наконец-то так хорошо, этот проклятый идиот отравляет ей жизнь? Пусть лучше проваливается к чертовой матери, мерзавец!

Но не успела Джоан сдвинуться с места, как раздался быстро нарастающий вой сирены, и откуда-то из-за угла вынырнула мигающая разноцветными огнями, словно новогодняя елка, машина «Скорой помощи». Она въехала колесами на тротуар и, не выключая сирены, остановилась в нескольких шагах от Джоан. Боковые двери распахнулись, из машины выскочили несколько человек в синей униформе. Они хмуро и деловито схватили придурка, который поначалу задержался и завертел головой, но быстро обмяк и позволил занести себя внутрь автомобиля. Он еще что-то кричал, обращаясь к Джоан, но из-за ставшего почти невыносимым воем сирены она не расслышала ни слова и застыла, не в силах пошевелиться.

Несколько мгновений спустя «Скорая помощь» умчалась, взревев напоследок сиреной. Все произошло так быстро, что даже толпа зевак, неизменно собирающаяся в любом месте и по любому самому незначительному поводу, еще не успела образоваться. Несколько остановившихся было прохожих быстро разошлись, поеживаясь на холодном ветру. И только Джоан все никак не могла заставить себя сдвинуться с места, почему-то глубоко потрясенная увиденным. Кто и зачем вызвал эту «Скорую помощь»? За все то время, которое Джоан провела в Нью-Йорке, она ни разу не слышала, чтобы в общем-то безобидных, не нарушающих никаких законов сумасшедших хватили на улице и увозили неведомо куда. Еще несколько минут назад

она сама готова была убить отвратительного придурка. Но сейчас, вспоминая его вылезшие из орбит глаза и поразившую ее гримасу смирения на худом лице в тот последний момент, когда эти жуткие санитары запихивали его в машину, она ощущала, что ярость постепенно сменяется острым чувством жалости. Сама не понимая, куда направляется, замерзшая Джоан перешла дорогу и снова остановилась. Из прострации ее вывел звонок, настойчиво прозвучавший в кармане пальто.

– Алло, девочка, как ты там? – голос Виктора с характерным жестким акцентом сейчас показался ей как нельзя более уместным. И сразу накатила волна нежности к этому несносному ворчуну и снобу. – Извини, не мог позвонить раньше: работа проклятая, совсем закрутился. Вчера ты убежала одна, и я волновался. Надеюсь, ты хотя бы сообразила взять такси?

Джоан хотела было заметить, что именно он и виноват в том, что ей пришлось добираться до дома одной, но вместо этого она неожиданно для себя всхлипнула.

– Мне страшно, – прошептала она в трубку, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. – Ты мог бы приехать прямо сейчас и забрать меня отсюда?

– Ну, детка... сделать это прямо сейчас было бы довольно затруднительно: мне пришлось срочно вылететь в Техас. Я звоню из аэропорта. Через полчаса у меня здесь очень важная встреча. А что случилось? Ты вообще где?

Проклиная себя и за панический испуг, и за неумение сдерживаться, Джоан быстро рассказала Виктору о привязавшемся к ней придурке и о своих страхах. В этот момент ей ужасно хотелось, чтобы Виктор повел себя как настоящий мужчина. Чтобы, наплевав на свою важную работу, примчался к ней хоть из самого Техаса. Но вместо этого Виктор задал ей самым спокойным тоном несколько уточняющих вопросов, а потом заявил, что теперь-то волноваться просто не о чем: ведь психа только что увезли. А куда и почему увезли – это уже не имеет никакого значения.

– Ты, детка, становишься настоящей истеричной кинозвездой. Тебе совершенно нечего бояться. Вчера поздно ночью ты отважно отправилась домой одна, а сегодня паникуешь среди бела дня прямо в центре Манхэттена... – Словно почувствовав, что Джоан вот-вот взорвется, Виктор резко сменил тон. – Солнышко, ты же умничка, совсем уже взрослая девочка, актриса, наконец. Ну что за глупые фантазии?..

Фантазии! Джоан с раздражением подумала: когда мужчина не хочет или ленится помочь, он всегда упрекает женщину и говорит ей, что «это все глупые

фантазии». Но даже если он прав, если у нее просто разыгрались нервы, это ли не достаточное основание, чтобы не оставлять ее одну?

– Я думаю, что к вечеру вернусь в Нью-Йорк. Если хочешь, детка, мы можем сходить куда-нибудь...

Временами Джоан просто ненавидела эту его дурацкую манеру разговаривать. Очевидно, Виктору казалось, что, подражая поведению ковбоев из многочисленных вестернов, он перестает быть эмигрантом.

– Ну, не дуйся ты на меня! В качестве компенсации за свое плохое поведение вчера вечером обещаю накормить тебя чем-нибудь вкусненьким в одном замечательном месте. И вообще, я приготовил тебе сюрприз...

Менее всего на свете Джоан хотелось каких-нибудь сюрпризов. Однажды Виктор, загадочно улыбаясь, точно так же пообещал показать ей «одно невероятное место» – и привез на Брайтон-Бич. Ресторан, напоминавший своими огромными зеркалами и позолотой какой-то музей, и действительно оказался совершенно невероятным: ревущая музыка, тяжелая невкусная еда, потные нелепо одетые немолодые люди, прокуренный воздух, с которым не могли справиться мощные кондиционеры... В общем, кошмар, да и только! У нее потом еще несколько дней болели голова и желудок.

Ну и черт с ним! Джоан сунула телефон в карман и, увидев приближавшееся такси, быстро вскинула руку. Сейчас она поедет домой и проведет остаток дня у телевизора, укрывшись пледом. Покупки могут и подождать!

Дома ей стало значительно лучше. Она даже обрадовалась, что не поторопилась с переездом. Сегодня привычная маленькая квартирка показалась ей очень уютной. Переодевшись в старый теплый халатик, Джоан подумала о том, что неплохо бы и перекусить. Ее ленивые размышления о том, что бы такое съесть, прервал телефонный звонок. Если это снова Виктор, то сейчас он услышит все, что она о нем думает! Но оказалось, что звонили из конторы мистера Гринберга. Секретарша тусклым голосом сообщила Джоан, что вылет в понедельник в одиннадцать тридцать утра из аэропорта Нью-Арка. Машина будет ждать ее у подъезда в половине десятого.

Внезапно приняв решение, Джоан перебила секретаршу и попросила соединить ее с мистером Гринбергом. Секретарша, как сломанный автоответчик, оборвала монолог на полуслове и, после небольшой паузы, предложила подождать. Прижав

трубку к уху, Джоан слушала какую-то неведомую ей тихую музыку и думала: что, собственно, она собирается сообщить мистеру Гринбергу? Может быть, извиниться и сказать, что она передумала? Но тут музыка оборвалась, и секретарша заявила, что мистер Гринберг сейчас занят, но если Джоан желает, она может оставить для него сообщение. Джоан с облегчением отказалась и уже собралась было отключиться, но успела услышать на другом конце провода изменившийся голос секретарши:

– Мистер Майер! Проходите, пожалуйста, мистер Гринберг ждет вас.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДЖОАН

Вашингтон-Хайтс – совсем не место для прогулок. Особенно в сизый от холодного ветра осенний день. И особенно, если ты молодая красивая женщина. Бродя по улицам, Джоан продрогла до костей, но не могла заставить себя вернуться домой. Еще совсем недавно казавшаяся ей уютным спокойным убежищем квартира превратилась в опасную ловушку, куда с минуты на минуту мог нагрянуть кто-то, расставивший для нее этот капкан. Самым отвратительным было то, что она совершенно не понимала, чего именно боится. Безумец, которого увезли на машине «Скорой помощи», упоминал фамилию Майера, а потом она случайно узнала о встрече Гринберга с каким-то мистером Майером. Ну и что? Даже если это не простое совпадение, то вполне возможно, что этот самый Майер когда-то чем-то обидел несчастного придурка. Уволил с работы, например. И теперь тот считает Майера исчадием ада... Да таких случаев сколько угодно!

Но, сказала себе Джоан, это все равно не объясняет тот факт, что придурок знал о ее контракте. И уж тем более непонятно, каким образом ему удавалось преследовать ее в течение нескольких дней. Трудно поверить, что псих ее выследил. Она отлично помнит их первую встречу: тогда она уехала на такси, а он с растерянным видом смотрел ей вслед. Могла ли у свихнувшегося бывшего работника мистера Майера быть возможность ознакомиться с информацией, которая касается ее, Джоан? И еще эта «скорая помощь»... Почему они ни с того ни с сего накинулись на спокойно стоящего на улице человека? И одет он был совсем не как нищий. Насколько было известно Джоан, в Нью-Йорке никто не трогает даже вполне определенно сумасшедших – орущих на всю улицу попрошайек. Она вдруг сообразила, что «придурком» назвала его просто так, для себя. Только потому, что он преследовал ее, приставал со своими разговорами. А вообще он был, должно быть, вполне нормальным...

Джоан и сама не заметила, как вышла на Бродвей – довольно мрачный и безлюдный в этой части города – и повернула на юг. Если она никуда не будет сворачивать, то, прежде чем попасть в оживленные кварталы Вест-Сайда, ей предстоит пересечь опасный полупустынный Гарлем. Гулять по Гарлему неприятно даже в это время – в три часа дня. Но почему-то, по сравнению с той неведомой и совершенно необъяснимой опасностью, от которой Джоан сейчас бежала сломя голову, грабители, насильники и убийцы представлялись ей куда меньшим злом. В конце концов, тут она хотя бы понимала, чего ей следует опасаться...

Может быть, мелькнула мысль, просто плюнуть на все и ухать к отцу, в Массачусетс? Правда, в этом случае деньги, которые она получила по контракту, придется вернуть. Но это мелочь, ерунда. Джоан на секунду представила себе, как она сидит за прилавком в отцовском магазине и продает ножовки, сверла и гвозди незатейливым паренькам-строителям в ковбойках и тяжелых ботинках. А потом выходит замуж за одного из них и получает в пожизненное пользование старый плохо отремонтированный дом, не отрывающегося от телевизора мужа и парочку похожих на него крикливых детишек... Хорошая перспектива, нечего сказать!

Нет, решила Джоан, возвращаться в Массачусетс нельзя. Она же себя сама со свету сживет, если, поддавшись идиотскому страху, потеряет возможность стать великой актрисой. Лучше всего было бы сейчас встретиться с Виктором, вечером поужинать и отправиться ночевать к нему в Бруклин, в роскошную квартиру, выходящую окнами на океан. А завтра... завтра будет видно. В любом случае, на съемки она должна лететь в понедельник, а сегодня только пятница. Значит, если ей действительно так уж захочется отказаться от роли, у нее есть время на принятие этого решения. Отказаться от роли... Деньги, слава, интересная жизнь – все это, наверное, никому не дается просто так, даром. Значит, нужно взять себя в руки и действовать. И для начала перестать пугаться собственной тени. Она решительно развернулась и пошла обратно.

Но если бы Виктор сейчас позвонил, Джоан, махнув рукой на все обиды, попросила бы его приехать. Ей очень не хотелось оставаться этой ночью одной. Впрочем, подумала Джоан, проходя мимо круглосуточной мелочной лавочки, ее вряд ли можно упрекнуть в том, что она хладнокровно использует своего любовника.

Назвать Джоан расчетливой и хладнокровной было трудно. Так что жаловаться Виктору совершенно не на что...

Когда она, успев основательно продрогнуть на ледяном ветру, подошла к своему дому, у подъезда стоял длиннющий лимузин. Неужели Виктор уже вернулся и решил поразить ее широтой своей «загадочной русской души», о которой он так любил поговорить? На самом деле ничего особенно загадочного в нем – преуспевающем брокере с Уолл-стрит – она не находила. И только всегда недоумевала: если ты так уж гордишься своим происхождением, зачем тогда старательно подражать манерам и привычкам коренных американцев? В частности, это было вполне в его духе: вообразить, что поездка на наемном лимузине поразит воображение простушки-провинциалки... а именно так, судя по всему, он думал о ней, Джоан. Что ж, роскошный сюрприз и без особых затей!

Лимузин коротко подмигнул фарами. За затемненными стеклами Джоан ничего не могла рассмотреть и подошла поближе. Задняя дверца приоткрылась, мелькнула и исчезла мужская рука... Ну, конечно, Виктор снова устраивает свой любимый спектакль! Это должно было означать что-то вроде: старый богатый развратник зазывает к себе в тачку молодую неопытную проституточку. Несмотря на все просьбы Джоан, он, заезжая за ней, всегда разыгрывал эту идиотскую сценку. Только обычно Виктор появлялся на своем «бумере».

– Ты же сама твердишь, что актриса, – говорил он ей, – вот и представь себя на месте уличной девочки. Вообрази, как ей тошно работать на панели. А я буду вести себя как типичный любитель несчастных молоденьких женщин. Ну, это же игра, как ты не понимаешь!

В ответ на ее брезгливое возмущение Виктор объяснял, что на самом деле он не извращенец и совершенно не чувствует никакой физической тяги к падшим женщинам. Просто у них, у русских, особое отношение к проституткам в крови.

– Эх ты, темнота массачусетская! Почитала бы Достоевского, может, и поняла бы чего. А, может, и нет. Достоевский... его нужно чувствовать душой!

Познаниями в классической литературе Джоан похвастаться не могла и потому обычно помалкивала, хотя и подозревала, что с творчеством столь почитаемого им великого русского писателя Виктор и сам не очень знаком.

Облегченно вздохнув, Джоан представила себе, как сейчас залезет в теплое нутро этого красивого автомобиля и скажет:

– Знаешь, дорогой, я ужасно продрогла и устала. Так что не обижайся, но давай сегодня сразу отправимся к тебе. Ужин я уж как-нибудь сама приготовлю. У тебя в холодильнике всегда есть яйца. В крайнем случае, закажем что-нибудь в китайском ресторанчике...

Дверь лимузина распахнулась, и из него вышли двое незнакомых хорошо одетых мужчин.

– Вы – Джоан, – сказал один из них, седой и очень полный, с многозначительной улыбкой на холемом, но каком-то словно прокисшем лице.

Джоан растерялась и неуверенно кивнула.

– Простите меня за то, что явился без предупреждения. Но, к сожалению, иногда обстоятельства заставляют пренебрегать приличиями, – он склонил голову и, словно спохватившись, прибавил. – Меня зовут Дэниэл Майер. Я ваш, так сказать, непосредственный работодатель. И привело меня к вам важное дело...

Джоан растерялась еще больше. Настоящий Майер оказался совсем не похожим на того воображаемого таинственного убийцу-Майера, которого она так испугалась. Он скорее напоминал преуспевающего бизнесмена, чем Дракулу или Синюю Бороду. Правда, его сопровождающий – невысокий мужчина с неестественно блестящими глазами и странной масляной улыбкой – сразу вызвал у нее брезгливое отвращение. Но почему, собственно говоря, она думает о плохом? Майер всего лишь пригласил ее сниматься в кино. Никто не станет убивать исполнительницу главной роли за несколько дней до съемок. Да и вообще, с чего это она взяла, что мистер Майер бандит? Да, он ей определенно неприятен, и бедняга сумасшедший тоже предупреждал ее о том, чтобы она не имела с ним дела, но ведь из этого еще ничего не следует. Мало ли неприятных людей ей приходилось встречать в жизни? Да сто миллионов, если вдуматься! Но это вовсе не означало, что все они преступники. Такие рассуждения придали Джоан уверенности.

– Простите, но я не очень понимаю, почему вы, мистер Майер, появились так внезапно, даже не предупредив меня об этом по телефону. Я собиралась провести этот день с любимым человеком. Который, между прочим, вот-вот подъедет, – солгала она на всякий случай.

– Вы знаете, Джоан, – Майер покосился на своего странного спутника, и тот отступил назад, к лимузину, как бы оставляя их с Джоан наедине, – что, по условиям контракта, вы должны были вылететь к месту съемок только в понедельник. Но, к сожалению, – или, наоборот, к счастью, – ситуация изменилась. Вы приступаете к исполнению своих обязанностей уже сегодня ночью. Я пытался сообщить вам об этом, но не дозвонился и решил, что лучше всего сразу за вами заехать.

Это прозвучало так просто и буднично. А она-то, дурочка, испугалась до полусмерти. Внезапно Джоан разозлилась.

– Ну, а мои планы? – резко спросила она. – Ведь, кроме работы, существует еще и моя личная жизнь...

– Разумеется, – Майер снова медленно склонил голову, как будто собирался каяться, – все неудобства, связанные с изменением планов, мы вам компенсируем. Но я думаю, что вы еще будете благодарны судьбе за тот уникальный шанс, который она предоставляет вам сегодня...

Майер с улыбкой посмотрел на Джоан и, заметив, что она дрожит, галантно предложил ей руку.

– Если не возражаете, мы могли бы продолжить разговор в машине. Не хотелось бы, чтобы вы подхватили насморк.

Соблазн отказаться был велик, но Джоан не собиралась показывать этому человеку, что боится его. Поэтому она послушно забралась в теплый уютный салон.

– Видите ли, Джоан, – Майер уселся напротив и потер замерзшие руки, – у меня большой и очень хлопотный бизнес, в котором задействовано огромное количество самых разных людей. Могу вам сказать, что кино – это только одна его часть, далеко не самая важная.

Майер еще раз со значением посмотрел на Джоан.

– Я вот все думаю, следует ли мне вводить вас в курс дела сразу. Нет-нет, только не поймите меня неправильно: никаких ужасных тайн. Просто актрисе, как мне представляется, должен импонировать элемент неожиданности, дающий возможность импровизировать. Понимаете?

– Честно говоря, не очень, – Джоан показалось, что Майер разговаривает с ней так, словно давно уже все ей объяснил, и теперь она, Джоан, понапрасну тянет время,

притворяясь полной идиоткой. – Я до сих пор не знаю, о чем идет речь, мистер Майер. И поэтому искренне не понимаю, чего вы от меня хотите.

Джоан казалось, что она разговаривает с Майером именно так, как уместно в этой дурацкой ситуации: достаточно почтительно, но вполне независимо.

– Ну, надо же... – несмотря на удивленные интонации, выражение его лица совершенно не изменилось, и Джоан подумала, что актера из него не получилось бы. – Смотрите-ка, вот что значит нервное переутомление! Или, может быть, я просто старею? Все болтаю и болтаю, а самого главного так и не сказал. Наверное, подкрадывается старческий маразм...

Джоан догадывалась, что старческий маразм мистеру Майеру не угрожает, и вообще ей очень не понравился этот неожиданный переход от официального тона к легкой болтовне.

– На самом деле все очень просто: вы отправляетесь в Центр прямо сейчас... – Майер снова говорил вполне серьезным тоном и уже собирался было продолжать, но Джоан перебила его.

– В Центр? Но ведь в контракте говорилось об островах?

– Да, действительно, – Майер нетерпеливо постучал пальцами по колену. – Но, как я уже говорил, обстоятельства несколько изменились, и вы должны вылететь сразу. Сегодня вечером вы приглашены на бал, который... Впрочем, поверьте мне: как только вы окажетесь там, то сами поймете, как вам повезло. Осталось только подписать бумагу о неразглашении тайны, и вы немедленно отправляетесь в аэропорт, чтобы лететь в Неваду.

Он сделал знак своему оставшемуся снаружи помощнику, и тот, юрко обогнув лимузин, уселся рядом с Джоан, протягивая ей папку.

Джоан очень не любила ставить свою подпись под разными непонятными бумагами. Еще в детстве отец вдалбливал ей в голову, что все договоры – сплошное жульничество. Джоан догадывалась, что это не совсем так, к тому же совсем недавно подписала контракт об участии в съемках – вполне простой и понятный. Но тогда она сидела в знакомом кабинете мистера Гринберга, а сейчас...

– Неужели для того, чтобы пойти на какой-то там бал, так уж необходимо специальное соглашение?

– Во-первых, это не просто бал, – недовольно заметил Майер, – а, во-вторых, разве вы не хотите, чтобы сумма, которую я вам обещаю за участие в этом мероприятии, была зафиксирована на бумаге и скреплена подписями? Это совсем не лишнее, уж поверьте мне, Джоан. Таковы правила бизнеса.

Не читая и почти не глядя, Джоан покорно поставила подпись там, куда указывал холеный ноготь Майера. В этом контракте, на самом-то деле, не может быть ничего ужасного. Не в рабство же ее собираются продавать! А бал... Ну что ж, она с удовольствием попробует свои силы на публике. Ведь она актриса, и забывать об этом не следует...

– Знаете что, – сказала Джоан таким тоном, что Майер скривил губы, – если уж мне предстоит лететь сегодня, то я, пожалуй, пойду наверх собирать вещи.

– А вот это уже лишнее, – холодно произнес Майер, – мы позаботились о вашем багаже заранее, так что никакой нужды подниматься в свою квартиру у вас нет. Чемоданы с вещами уже отправлены в Центр. Можете быть уверены, что найдете там все необходимое и для бала, и для съемок. Уверю вас, заботу о своем гардеробе вы вполне можете доверить нашим специалистам.

У Джоан появилось неприятное ощущение, что Майер не хочет оставлять ее одну ни на минуту, как будто боится, что, несмотря на только что подписанный договор о неразглашении, она тут же начнет рассказывать о случившемся всем подряд. К тому же его противный помощник, сидевший рядом, так откровенно плотоядно косился на нее, что все ее страхи, над которыми она только что почти смеялась, вновь вернулись и сдавили голову тяжелым железным обручем. Нужно было взять себя в руки... Ведь актер – это не только человек, который играет кого-то другого на сцене или перед камерой. Актер – это еще и собранность, воля, уверенность в себе, наконец... Джоан взглянула на уставившегося на нее в упор маленького человечка с презрением и спокойно кивнула Майеру. Что ж, может быть, это и к лучшему. Наверняка профессионалы позаботились о ее гардеробе не хуже, чем это могла бы сделать она сама.

– Ну, вот и отлично! – Майер переглянулся с Масляным, и тот снова выскочил из машины. – К сожалению, я не смогу сопровождать вас: дела, бесконечное множество дел... Наш шофер доставит вас в аэропорт, прямо к трапу самолета. А в Неваде вас будут ждать. Так что ни о чем не беспокойтесь. До встречи в Центре!

Он еще раз внимательно посмотрел на Джоан, покачал головой – как будто в ответ на какие-то свои мысли – и вылез из лимузина с проворством, которого от столь грузного немолодого человека трудно было ожидать. И только когда машина тронулась с места, Джоан сообразила, что не предупредила о своем внезапном отъезде Виктора. Этот русский Отелло может устроить ей сцену. Впрочем, каким бы он ни был, не стоило заставлять его волноваться. Это дало бы ему право снова упрекнуть ее в несерьезности и безответственности. Джоан вынула мобильник, но с огорчением обнаружила, что никуда позвонить не может: телефон показывал полное отсутствие связи. Джоан повертела трубку в руках, а потом придвинулась к перегородке, отделяющей ее от водителя. На панели прямо перед ним размещался солидных размеров радиотелефон.

– А нельзя ли... – начала Джоан самым вежливым тоном, на который только была способна, но тут же оборвала себя: она, актриса, не должна позволять себе такие просительные интонации по отношению к обслуживающему персоналу. Если она не хочет, чтобы ее принимали за кухарку, следует менять свои привычки.

– Будьте любезны, дайте мне ваш телефон! – произнесла она с той долей необходимой властности, которая показалась ей в этом случае вполне уместной.

К ее удивлению водитель в ответ только слегка пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги, и разделительное стекло поползло вверх. Он что, с ума сошел? Или просто глухонемой? Джоан почувствовала себя оскорбленной. Что означает такое обращение с женщиной? В гневе Джоан решила, что сейчас же позвонит Майеру и нажалуется ему на хама-водителя. Она решительно постучала в стекло, но этот негодяй за рулем даже не вздрогнул. Ну и ладно, подумала Джоан, что толку негодовать, словно она бедная приживалка, случайно попавшая к богатым родственникам. Ну откуда этому туповатому водиле знать, что он везет восходящую звезду? Ничего, потом, после, когда у нее самой будет вот такой лимузин, она уж...

Самолет уже поднялся в воздух, и тут Джоан вспомнила, что именно в Неваде расположен знаменитый город-казино Лас-Вегас. Говорят, многие голливудские звезды просаживают в Лас-Вегасе целые состояния... Джоан поплотнее укуталась в плед и, размышляя о том, кого из знаменитостей мог пригласить Майер на свой необыкновенный бал, незаметно для себя задремала.

Джоан снова снился огромный вокзал, и снова она металась в толпе, пытаясь найти пропавший багаж, в котором было что-то безумно важное. А потом выяснилось, что чемоданы аккуратно сложены в углу, в огромной клетке с ржавыми прутьями. Дверь была открыта, но Джоан почему-то боялась войти внутрь. К тому же она почувствовала неуверенность: да ее ли это чемоданы? Но для того, чтобы это проверить, нужно было забраться в страшную клетку...

Нет, просыпаясь, сказала себе Джоан, я все-таки совсем как Та... Ну, кто бы на моем месте не боялся?.. Но ради того, чтобы сделать карьеру, люди совершают любые безумства! Она потянулась в непривычно широком кресле. После того, как лимузин подвез ее к небольшому частному самолету, в каких летают только голливудские звезды и промышленные магнаты, страхи и сомнения Джоан окончательно рассеялись. Кем бы ни был этот Майер, но, без сомнения, человек он весьма значительный. Так что нечего переживать. Ей предстоит головокружительная карьера – теперь это было совершенно очевидно. Вот только бы не испортить все собственными руками. Джоан постаралась поймать нужное настроение – совсем так, как учили на курсах – и почти перевоплотилась в свою героиню, точно повторяя каждое ее движение, улыбку, поворот головы... Главное – не растерять это настроение, когда она попадет в зал, полный незнакомых, внимательно наблюдающих за ней людей. Именно так она представляла себе предстоящий бал: огромное помещение, зеркальные полы, разодетая публика... почти как в Метрополитен-опере. Но она же актриса! Она должна быть абсолютно уверена в том, что ее ждет успех. И вовсе не только благодаря ее невероятной схожести с Той. Она, Джоан, не менее хороша и талантлива! И, конечно, была совершенно права, не забывая себе голову всякой подозрительной ерундой. А наградой Золушке будет великолепная, полная чудес жизнь...

Раздавшийся из спрятанных динамиков голос заставил Джоан вздрогнуть от неожиданности.

– Рады сообщить вам, что через десять минут наш самолет пойдет на посадку.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ФЕЛИСИЯ

Выходить на улицу не хотелось. Хотелось, наоборот, отлежаться, накрывшись с головой одеялом и представляя себе, что находишься не в привычной, надоевшей до мутной ненависти спальне, а где-нибудь в мышиной норе. Там, где темно, тепло и уютно. И вообще, если бы только можно было перестать быть собой, превратиться в кого-нибудь или во что-нибудь другое... Но, вспомнив, какой день ей сегодня предстоит, Фелисия рывком скинула одеяло и опустила ноги на холодный паркетный пол. Ковра или хотя бы коврика в ее спальне не было и быть не могло: мисс Фиби утверждала, что покрывать пол – это дурной вкус. Зато на низком прикроватном столике важно покоился тяжелый бронзовый колокольчик величиной со стакан, с рукоятью из красного дерева. Предполагалось, что слуги должны услышать его едкий дребезжащий звон, где бы они не находились. Колокольчик – как, впрочем, и все остальное в этой квартире – принадлежал покойному деду Бобу.

Фелисия с детства любила представлять себе, что она превращается в других людей или даже в предметы. Входит, например, в ее комнату эта противная мучительница мисс Фиби, а вместо Фелисии на кровати лежит маленький плюшевый медвежонок. Конечно, сразу поднимается жуткий шум, все начинают волноваться и искать бедную девочку, не обращая никакого внимания на игрушку. Вот тогда Фелисия, может быть, почувствовала бы, что ее, наконец, оставили в покое. Она даже плакала иногда, думая о том, что это только в мультиках персонажи запросто превращались в кого угодно. А ей, Фелисии, всегда приходилось оставаться самой собой... И поэтому мисс Фиби каждое утро входила в ее спальню, расчесывала ей волосы, подавала платье и туфли, которые следовало надеть, кормила завтраком, отправляла в школу... И вообще вмешивалась во все детали ее, Фелисии, жизни. Но, поскольку она не заяц Банни и не пес Гуффи, ей оставалось только подчиняться. И лишь в самые противные моменты, когда ее наказывали или приходилось делать что-

то совсем уж неприятное, вроде обязательного плавания в холодном бассейне, она воображала себя каким-нибудь бездушным предметом: столом папана, креслом, цветком китайской розы в кадке... Она с детства ненавидела, когда ей приказывают. И всю ее жизнь рядом постоянно находился какой-нибудь человек, имеющий на это право...

Когда Фелисия стала постарше, она решила, что, стоит ей достигнуть совершеннолетия, как тут же отпадет необходимость подчиняться чужим приказам: ведь у нее появится возможность уйти из дома и жить так, как захочется ей самой. И только в свой двадцать первый день рождения она поняла, что ошибалась. Папан, приехавший ради такого случая из Европы, многозначительно покачал головой и заявил, что его дочь и наследница не может позволить себе забыть о фамильных традициях. Что именно он называл «традициями», Фелисия так никогда и не узнала. А папан только закатывал всегда подернутые хмельной дымкой глаза и поминал деда Боба, утверждая при этом, что такая внучка как Фелисия заставляет покойника вертеться в гробу. Интересно, что сам папан почему-то не мешал своему отцу спокойно лежать в могиле! В общем, папан никуда ее не отпустил, и в отместку Фелисия нарочно выбрала самую никчемную, на ее взгляд, специальность историка, которую теперь прилежно изучала в Колумбийском университете. Она и сама не очень понимала, для чего ей нужны были все эти знания. Вряд ли ей когда-нибудь придется преподавать или заниматься научными исследованиями. Особенно после того, что она собиралась сделать сегодня. Правда, Весли твердо обещал, что все будет в порядке. Но почему-то ей немного страшно. Нет-нет, даже и не страшно, а как-то... В общем, ей, наверное, просто пора взрослеть. Хотя, если разобраться, нормальный здравомыслящий человек никогда не согласился бы на такое... Впрочем, ей, дружащей с Весли столько лет, называть себя «здравомыслящим человеком» представлялось некоторым преувеличением.

Фелисия глубоко задумалась и не заметила, как дверь медленно приоткрылась. Новая горничная, имя которой Фелисия никак не могла запомнить, робко заглянула в спальню. Вот черт, теперь мисс Фиби обязательно узнает, что она проспала! Эти горничные тут же доносят о каждом ее шаге: мисс Фиби желает знать о ней все. А совсем недавно эта старуха совсем взбесилась и, кажется, приставила к ней еще несколько человек. Конечно, это могло ей показаться из-за нервного напряжения

последних дней, но Фелисия готова была поклясться, что за ней неотступно следовали какие-то люди. И в университете, и после, когда она гуляла по городу. Наверное, мисс Фиби подозревает, что у нее множество любовников. Ничего глупее не придумаешь, честное слово! Но и следить за ней, кроме домоправительницы, некому. Вероятно, папан дал ей такое указание. Иначе, откуда бы у мисс Фиби взялись новые люди? А всех старых охранников Фелисия знала в лицо.

Сначала Фелисия решила, что сегодня ей, в общем-то, наплевать на то, что мисс Фиби доложат о ее опоздании: все равно университетские шпионы тут же сообщат, что она не появилась на занятиях. Но потом она подумала, что не следует своим необычным поведением привлекать внимание соглядатаев. Поэтому, спустившись вниз, в столовую, она торопливо позавтракала кукурузными хлопьями, хлебнула отвратительный кофе и, схватив сумку, помчалась к двери. Фелисия все рассчитала правильно: с утра мисс Фиби всегда занята и никогда не появляется внизу раньше полудня. Служанки не в счет, с ними не нужно разговаривать и, следовательно, не существует опасности выдать себя каким-нибудь неосторожным словом или взглядом. Сегодня ее день... Внизу ждет лимузин, но с молодым водителем Фредди проблем не должно быть. Она, как всегда, попросит его, и он не откажет. Ну а дальше... Стараясь не задумываться о том, что будет дальше, Фелисия поспешила вызвать лифт.

Утро было серым и настолько блеклым, что даже всегда яркая Пятая авеню казалось выцветшей и унылой. В ответ на поклон водителя Фелисия заставила себя улыбнуться и поспешила забраться в машину.

– Сегодня, Фредди, мы поедem в библиотеку. Ну, как обычно.

Фелисия поймала в зеркале понимающую усмешку водителя. «В библиотеку» означало: вместо того, чтобы отвезти ее в университет, Фредди направится на юг, в район Бэттери-парка, и высадит ее у красивого многоэтажного дома прямо на берегу Гудзона. Фредди был убежден, что в этом доме живет ее таинственный любовник и, когда возвращался за ней после полудня, Фелисия почти физически ощущала, как он ощупывает ее взглядом и раздувает ноздри, словно стараясь по запаху определить, чем она занималась эти несколько часов.

На самом деле никакого любовника у Фелисии не было. По крайней мере, постоянного – такого, к которому она бы ездила в этот красивый дом на Гудзоне. Но пусть уж лучше мисс Фиби поволнуется и попереживает из-за того, что у нее роман с

каким-то таинственным молодым человеком, чем догадается, что Фелисии просто хочется побыть одной: побродить по городу, посидеть в кинотеатре, среди ленивой дневной публики... в общем, почувствовать себя обычным человеком. Иногда к ней присоединялся Весли, и тогда они веселились от души. Он учился в Йеле, но время от времени находил возможность удрать в Нью-Йорк. Весли, как обычно, дурачился изо всех сил, придумывал какие-то игры, пугал прохожих и официантов в кафе, пел на улице во весь голос и вообще вел себя как мальчишка. Когда они возвращались в Бэттери-парк, чтобы изобразить, как Фелисия выходит от своего страстного возлюбленного, Весли предлагал наставить ей синяков на шее или, загримировавшись до неузнаваемости, выскочить следом за ней из подъезда, размахивая ее «забытыми» трусиками. А она, задыхаясь от хохота, умоляла не делать этого... С ним всегда было весело. С тех самых давних пор, как они познакомились...

Фелисии было двенадцать, когда мисс Фиби решила отвести ее на какой-то очередной детский рождественский праздник. Фелисия капризничала: идти туда ей совершенно не хотелось, потому что она прекрасно знала, что всё будет как всегда. Невыносимо скучный узкий круг избранных детишек под зорким наблюдением десятка воспитательниц, похожих на мисс Фиби как родные сестры. Она попробовала представить себя канарейкой, сидящей в клетке за спиной у мисс Фиби, но это не помогло. Фелисии пришлось подчиниться: мисс Фиби не терпела непослушания. Но, попав в огромный зал со сверкающей до рези в глазах елкой посередине, Фелисия в знак протеста тут же отправилась в туалет, где намеревалась просидеть назло всем до конца праздника. Пусть мисс Фиби поволнуется! Фелисия будет отвечать, что прихватило живот. Не станут же они ломать дверь!..

Но, аккуратно защелкнув замок изнутри и включив свет, она обнаружила мальчика, с задумчивым видом сидевшего на крышке унитаза. Казалось, он не обратил на Фелисию внимания.

– Что ты делаешь здесь в темноте? – Фелисия и сама удивилась, сообразив, что невольно повторяет интонации мисс Фиби.

– А я хочу выяснить, правда ли, что в темноте совсем темно. Понимаешь, темнота – это когда нет света. Но что-то же должно быть, правильно? Потому что темноту мы ведь тоже видим. Вот я и...

Фелисия чуть было не поверила странному мальчику, но он подскочил к ней и, сделав зверскую физиономию, прорычал, что на самом-то деле он поджидал какую-нибудь заблудившуюся девочку, чтобы выпить у нее всю кровь. Фелисия сначала отшатнулась, но в ярко освещенном туалете ей было совсем не страшно. Ясно же, что никакой он не вампир, а просто дурачок. О чем она ему тут же и сказала. Тогда мальчишка притворно вздохнул, искоса посмотрел на нее и заявил, что в таком случае ему придется залезть к ней под юбку. Совершенно бредовая идея, особенно если учесть, что в тот день Фелисия была в брючках.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя потрогал? Ну... там? Нет? Ну и дура рыжая! Иди тогда ко всем *этим* пить чай и глазеть на их дурацкую елку!

Фелисия обиделась и уже хотела было убежать подальше от этого нахального мальчишки, но вовремя вспомнила, что решила не показываться на празднике. Поэтому она никуда не ушла, а щелкнула выключателем и храбро сказала в темноту, что тоже хочет понять, как это получается: мы видим то, чего нет...

В тот раз их довольно быстро обнаружили, и мисс Фиби потом еще неделю брюзжала о том, что в ее возрасте уже следует понимать, как себя вести; и что это ужасно неприлично – быть найденной в темном туалете в таком неподходящем обществе. Фелисия довольно скоро забыла о странном мальчике и только иногда думала, чтобы сказала бы мисс Фиби, узнай она о его предложении потрогать Фелисию. А на следующий год Весли пришел в ее класс. Школа, конечно же, была специализированной и закрытой для обычных учеников. Поэтому в каждом классе училось не больше семи-восьми человек. Вот тогда они и познакомились по-настоящему. Фелисию не обижало, что Весли упорно называл ее «Рыжкой». В конце концов, ее волосы и действительно ярко-рыжие. Говорят, это к счастью. Так что стыдиться нечего: Рыжка так Рыжка. В таком прозвище, утверждал Весли, отражен не только цвет, но и дух: Р-р-рыжка! Кроме того, Весли больше никогда не предлагал ей ничего неприличного, и вскоре они стали близкими друзьями. Даже папан, услышав про Весли, одобрительно усмехнулся: молодой человек из такой семьи мог время от времени наносить ей визиты.

Впрочем, Фелисия больше всего любила встречаться с Весли в Центральном парке, куда они выходили погулять. Дома, под недремлющим оком мисс Фиби, оба нервничали, пили чай и церемонно беседовали о пустяках... в общем, вели себя просто

как два идиота. А в парке, даже под присмотром охранника, Весли становился самым собой и всегда веселил ее, придумывая всевозможные развлечения. Однажды он притащил откуда-то большой кирпич, завернул его в обрывок газеты, а потом сунул в яркий пластиковый пакет.

– Зачем это тебе? – спросила Фелисия в предвкушении очередной забавной выходки.

– Это не мне, – ответил Весли и с загадочным видом показал на аллею, по которой прогуливался народ. – Мы играем в психологическую игру «Ах, мне дурно!» Вот смотри.

Весли положил пакет на свободную скамейку, с краю, а сам потащил Фелисию в сторону.

– Сейчас сюда кто-нибудь сядет и...

Время было послеобеденное, а день воскресным, поэтому ждать им пришлось недолго. У скамейки остановилась пожилая пара – старушка с бледно-голубым пухом на голове и старичок с палкой, в допотопной соломенной шляпе. Они покосились на пакет, но все же сели, стараясь держаться поближе к противоположному краю скамейки.

– Все, пошли! – Весли подтолкнул Фелисию в спину и прогулочным шагом направился к старикам.

– Простите, это ваше? – вежливо спросил он, указывая на пакет.

Старики покачали головами. Весли аккуратно подвинул пакет и галантным жестом предложил Фелисии присесть.

– Странно, – громко сказал он, опускаясь рядом с ней, – запах какой-то... Ты не чувствуешь? По-моему тянет отсюда...

Старички беспокойно проследили за его взглядом и отодвинулись подальше. Но Весли на этом не остановился. Посидев несколько секунд спокойно, он повернулся, преувеличенно осторожно заглянул внутрь пакета и тут же отпрянул.

– Фу, какая гадость!

Старички старательно приняхались, переглянулись, торопливо поднялись и зашпешили по аллее прочь. Наверное, это было не очень остроумно и довольно невежливо, но Фелисия хохотала как сумасшедшая и не могла остановиться.

Особенно, когда одна из новых жертв – довольно молодой крепкий мужик, чем-то

похожий на папана – понеслась по аллее, не оглядываясь. А ведь Весли всего лишь заметил вслух, что там, в пакете, кажется, что-то тикает...

– Вот видишь, сколько удовольствия можно получить от одного несчастного старого кирпича, если отнестись к делу творчески! – с удовлетворением рассуждал Весли, провожая ее домой. – Тебе, дурочке, ничего такого в жизни не придумать. Только и можешь, что представлять себя креслом или плюшевым мишкой. А толку от этого... сама знаешь сколько. Ладно, цени и учись, пока я добрый!

В общем, дружить с Весли было легко и приятно. Правда, когда они с Фелицией закончили школу, то общаться стали значительно реже: Весли уехал в Коннектикут, в Йель, а Фелисия осталась в Нью-Йорке. И даже на каникулах как-то так получалось, что они оказывались в разных концах Америки или Европы и только подолгу разговаривали по телефону. Потом, когда у Фелисии появился Шон, Весли специально приехал, чтобы познакомиться с, как он выразился, «потенциальным кавалером».

В тот субботний вечер Фелисии почудилось, что Весли дурачится, болтает веселую ерунду, придумывает какие-то невероятные способы развлечься (вроде похода переодетыми по полулегальным закрытым ночным клубам), в общем, старается казаться таким, как всегда, но... Что-то с ним было не так, но вот что именно – этого Фелисия понять не могла. Ну, не ее же короткий и легкий роман с Шоном так огорчил старого друга. Он сам говорил, что рано или поздно она обзаведется любовником, и что это совершенно естественно: рыжие женщины – существа горячие и эротичные. В этом месте Весли закатывал глаза и раздувал щеки: по его представлениям, именно так следовало изображать неумную страсть рыжих женщин. А обуздание подобных желаний приводит к оч-чень серьезным последствиям. Уж он-то, Весли, знает. И потому непременно желает взглянуть на птенчика, который окажется в сетях ее невообразимой похоти...

Но случилось так, что они с Шоном категорически друг другу не понравились. Фелисия поняла это, когда они сидели втроем в небольшом мексиканском ресторанчике в Вилледже, хотя внешне все выглядело вполне пристойно. Шон примитивно ревновал и по-младенчески дулся, а Весли, обращаясь к нему, демонстративно не замечая Фелисию. И она даже не знала, огорчаться ей или, наоборот, радоваться.

Вечер закончился самым неожиданным образом: Шон сгоряча перебрал текилы, и его пришлось чуть ли не силой выволакивать из ресторана. Так что никакой романтической ночи в заранее снятом номере маленькой гостиницы в Бруклине у них с Фелисией не получилось. Ну, откуда Шону было знать, каких усилий стоило Фелисии добиться от мисс Фиби разрешения остаться ночевать у подруги – развеселой Памелы, дочки старого приятеля папана. Памела, в отличие от Фелисии, виртуозно умела притворяться перед своими и чужими родителями пай-девочкой, поэтому дружба с ней официально поощрялась. К Памеле не было приставлено ни охраны, ни какой-нибудь мисс; родители ее уже который год находились в кругосветном путешествии на своей яхте величиной с «Титаник»; поэтому девушка охотно «прикрывала» приятельницу, когда у той начался недолгий роман с Шоном.

Фелисия и Весли завезли расклеившегося Шона в его маленькую квартирку в Сохо и отправились в Бруклин, в ту самую гостиницу. Вернуться домой Фелисия не могла: мисс Фиби сразу учуяла бы неладное. Оказавшись вдвоем в номере – маленькой дешевой комнатухе, словно специально предназначенной для быстрой вороватой любви, – оба почувствовали себя неловко. Фелисия уселась в убогое неудобное кресло, а Весли нарочито беспечно развалился на кровати. Света они не зажигали: чтобы видеть друг друга, им вполне хватало ночного фонаря за окном.

– Вот видишь, испортил тебе романтический вечер... Честное слово, это получилось случайно: я же не знал, что твой кавалер так быстро охмелеет.

– Не говори глупости! И вообще, что за дурацкое выражение – «кавалер»? Шон славный... и я его... в общем, он мне нравится. А если у тебя есть возражения, то милости прошу, побеседуй на эту тему с мисс Фиби. Она будет только счастлива.

– Да причем тут твоя мисс Фиби! Просто мне кажется, что ты достойна куда большего. Нет, серьезно, Рыжка. Ты же знаешь, я с тобой всегда откровенен. Если хочешь, я могу сделать вид, что он и мне жутко нравится. Подумаешь! Ты же не замуж за него собралась, а просто хочешь расслабиться. Действительно, ну чем ты хуже других? Вот и номер этот... Какая жалость, что Шон сейчас в состоянии только мычать и блевать. Вы бы тут славно покувыркались...

– Да прекрати ты говорить ерунду! Ты что же, хотел, чтобы я стала синим чулком?

– Это у тебя и не получилось бы, слишком уж ты рыжая! Да ладно, черт с ним, с твоим кавалером. Нравится он тебе, ну и ладно, ну и пожалуйста! Лучше расскажи, как ты жила, развратница, пока меня не было в Нью-Йорке...

Они еще немного поболтали, перебрасываясь привычными колкостями, и постепенно ощущение неловкости прошло. В конце концов, они же старые друзья. Но все равно Фелисия видела, что Весли как-то необычно подавлен. Худенький, невысокий – еще в школе Фелисия переросла его почти на голову – он выглядел моложе своих двадцати трех лет, сам знал это и всегда старательно отыгрывал роль той самой маленькой собачки, которая всегда щенок. Но сейчас он казался Фелисии постаревшим, усталым и очень грустным.

– Слушай, Рыжка, а ведь я приехал не ради твоего птенчика, – Весли приподнялся на локте и посмотрел на Фелисию. – Мне нужно с тобой поговорить. И очень серьезно, между прочим. Дело касается нашей семейки...

О семье Весли Фелисия знала совсем немного. Из всех родственников в живых у него оставался только дед, Триммер-старший. Фелисия никогда его не видела: в отличие от ее папана, мистер Триммер совершенно не интересовался, с кем дружит его внук. Знала только, что старик «паренек ничего себе, только бывает слишком занудным, когда у него появляется блажь вспомнить о своей героической молодости».

– Я уезжаю, Рыжка. И, возможно, надолго. Не хотел говорить тебе заранее, чтобы не расстраивать, но вот... теперь самое время.

Заметив, что Фелисия собирается что-то спросить, Весли замахал руками.

– Знаю я все твои вопросы! Университет, конечно, придется бросить. К черту, надоели мне эти надутые снобы с их клубами, научными обществами и табелью о рангах. Да и вообще непонятно, для чего мне это образование... не для того ведь, чтобы зарабатывать себе на жизнь, правда? Вон дед после окончания Гарварда никогда и нигде не работал. Даже в собственной конторе. Зачем самому-то утруждать? Есть прекрасные наемные специалисты. Работают, как известно, только трудоголики – плебеи и нувориши, – но никак не аристократы! Так для чего, спрашивается, эта бессмысленная трата сил и времени? Но уезжаю я не поэтому. Все... несколько сложнее.

Фелисия поняла практически сразу. Конечно, рано или поздно это должно было случиться. Она знала о Весли все... ну, или почти все. А о том, чего не знала,

догадывалась. Было в их отношениях несколько неловких моментов... Однажды, когда Фелисии исполнилось четырнадцать, она вспомнила, как он хотел ее потрогать – тогда, в темном туалете – и решила, что теперь настала ее очередь. Не то, чтобы она сгорала от любви к Весли, а уж тем более от страсти. Нет, просто он был самым близким ей мужчиной, и если уж экспериментировать, то только с ним. Весли шарахнулся от нее, как шарахаются от карандаша, направленного прямо в глаз. Сначала Фелисия самодовольно думала, что это потому, что девочки взрослеют быстрее, нежели мальчишки. И только потом... Несколько раз Фелисия встречала Весли в клубах с довольно неприятными спутниками, но он напускал таинственности и говорил, что это как-то связано с его учебой: Весли собирался стать психологом.

А еще через некоторое время она случайно увидела его за стеклом в каком-то небольшом баре: Весли сидел в обнимку с крупным седоватым мужиком. Она не смогла пройти мимо, замерла на месте и как дура пялилась в огромное окно, а мужик нежно поглаживал Весли по плечам и спине, целовал его в шею...

– Это все ужасно глупо, конечно, но ты не пугайся. – Весли сел, подогнув под себя ноги. На огромной кровати он казался совсем маленьким. – Жаль, что не могу тебе ничего рассказать... В общем, если что-то про меня услышишь, то ты, конечно, не в курсе. Представь себе, единственный человек, с которым мне трудно расставаться – это ты. Seriously, вот я уеду, у меня начнется совершенно новая жизнь, и плохо только то, что ты остаешься здесь... Такие вот дела, Рыжка, такие вот дела...

– Слушай, а зачем тебе уезжать, если отцовские деньги в твоём распоряжении, и ты совершенно независим от деда? – у Фелисии вдруг появилось странное ощущение, что Весли придумывает для нее какую-то дурацкую байку, что это очередной розыгрыш. Предположим, Весли решил сбежать с любовником. Но зачем? Мог бы спокойно жить с ним в Нью-Йорке. Времена давно уже переменялись, и сегодня гордые гомосексуалисты устраивают парады на Пятой авеню. А с теми миллионами, которые оставил Весли давным-давно умерший отец, можно вообще на все наплевать...

– Ты что, хочешь начать новую жизнь обязательно на новом месте?

– Ты удивительно догадлива, Рыжка! Все именно так: новая жизнь – на новом месте. Поразительно точная формулировка! На самом деле мне предлагают довольно интересную исследовательскую работу. А она связана с таким вот путешествием. Но,

кроме того, у меня есть и личные причины для отъезда. Тут все очень и очень сложно. К чему тебе мои сложности? Думаю, этого добра у тебя у самой хватает...

– А где находится это твое «новое место»?

– Это не какая-то там дурацкая таинственность и конспирация, но... Прости, Рыжка, но я правда не могу тебе это сказать. Так уж получается...

– Но ты хотя бы дашь о себе знать? – Фелисии опять стало неловко – и от его необычного грустного тона, и от того, что она почему-то боялась услышать настоящую причину его бегства.

– Рыжка, я когда-нибудь не выполнял то, что обещал? Так вот, торжественно клянусь, что через некоторое время свяжусь с тобой. Ну, куда мне без такой вот рыжей подружки? Да не кисни ты! Все, хватит! Давай лучше вернемся в Манхэттен и что-нибудь еще придумаем. Нечего сидеть в этой дыре и рыдать, как две пожилые слоники. Я знаю одно очень странное местечко в Чайнатауне... тебе понравится!

Они поехали в Чайнатаун и проговорили до рассвета в этом «очень странном местечке». И Весли был таким, как всегда. Ну, или почти таким... А утром Фелисия проводила его до платной стоянки, на которой он оставил свой «хаммер»: Весли сказал, что ему необходимо заскочить в Йель, чтобы закончить перед отъездом кое-какие дела. Если в ближайшем будущем кто-нибудь будет спрашивать о нем, Весли – ей следует отвечать, что они виделись в последний раз черт знает когда. В общем, она и сама сообразит, о чем не следует говорить посторонним. Ну и – счастливо оставаться, Рыжка! Они еще встретятся. Он обязательно позвонит ей, обязательно...

Весли демонстративно звонко чмокнул Фелисию в щечку и все-таки не удержался: велел гнать незатейливого Шона в шею и найти кого-нибудь менее скромного. А потом забрался в машину, захлопнул дверь и уехал. Фелисия проводила его взглядом и побрела к ближайшему кафе – выпить кофе и сообразить, что следует рассказать мисс Фиби о том, как она провела время у Памелы. В принципе, она уже давно привыкла к тому, что они с Весли общаются довольно редко. А если он пообещал связаться с ней, то и волноваться, казалось бы, особенно нечего. Вот только все равно непонятно, для чего ему понадобилось бросать университет и куда-то уезжать. Странно... Впрочем, о чем бы Весли не рассказывал, он всегда любил напустить таинственности. Даже перед отъездом не смог удержаться, пижон!

Вечером Фелисия узнала, что в то самое время, когда она беседовала с мисс Фиби, на мосту по дороге в Коннектикут «хаммер» Весли на большой скорости врезался в ограждение, сбил его, упал вниз, на рельсы, и взорвался. Самого Весли – вернее, то, что от него осталось, – спасатели сумели достать только через несколько часов. Семья Триммеров официально извещала знакомых, что панихида состоится в четверг днем в соборе Святого Патрика. Тело упокоится в фамильном склепе Триммеров в Саванне. Вот и все.

И те несколько дней до похорон, и сами похороны Фелисия помнила смутно. В памяти задержался только старик Триммер – очень высокий и невозмутимый, безучастно принимающий соболезнования. По всей видимости, ростом Весли пошел в мать, подумала тогда Фелисия и тут же спохватилась: о чем она, какое это сейчас имеет значение! Но почему-то ей еще долго снился Триммер-старший, и она сердилась на себя: Весли со дня похорон она не видела во сне ни разу. Это казалось ей ужасно несправедливым и похожим на предательство, хотя она сознательно старалась не думать о Весли, чтобы не растревать себя...

А еще через несколько месяцев, поздней ночью, ее разбудила вибрация сотового телефона, который она, вопреки домашним правилам, держала под подушкой. Спросонок Фелисия долго не могла нащупать телефон, а когда, наконец, поднесла его к уху, то звонки уже прекратились. Она подождала немного, и телефон действительно завибрировал снова. Экранчик светился в темноте, равнодушно сообщая, что номер звонящего недоступен. На другом конце провода стояла тишина, прерываемая только далекими завываниями сирены, и Фелисия никак не могла сообразить, откуда доносятся эти звуки: из трубки или из окна. Той ночью телефон больше не звонил, но Фелисия долго не могла заснуть и все гадала, какой идиот решил так поиздеваться над ней. В принципе, номер ее мобильного был известен всего нескольким знакомым. И, пожалуй, только Шон – несчастный брошенный ею Шон – мог позвонить ей ночью и трепетно молчать, даже не решаясь попытаться выяснить безнадежно зашедшие в тупик отношения...

Через несколько дней телефон под подушкой снова ожил. Фелисия уже собралась было крикнуть в полную шорохами и напряженным молчанием трубку что-то грубое и несправедливое, как вдруг услышала шепот.

– Рыжка, слышишь меня? – сказал кто-то очень тихо и протяжно. И тут же разъединился.

Руки мгновенно вспотели. Голос она не узнала, но Рыжкой ее никто никогда не называл. Никто, кроме Весли. Ей стало страшно. В загробные голоса, привидения и прочую ерунду из дешевых страшилок она не верила. Но кто мог узнать о ее смешном прозвище?.. У Фелисии даже мелькнула мысль спуститься и разбудить мисс Фиби, а, может быть, и папана, чтобы рассказать им об этом звонке. Но тогда и без того надоедливая охрана будет следовать за ней по пятам, и она, Фелисия, потеряет даже те крохи свободы и независимости, которые за последние годы отвоевала. Вот ведь проклятие – быть дочерью миллиардера! На всякий случай Фелисия решила молчать о ночном звонке.

На следующую ночь Фелисия лежала без сна и пыталась понять, чего ей хочется больше: чтобы таинственные звонки прекратились или все-таки еще раз услышать тот шепот. К тому времени, когда экранчик снова засветился, она так ничего и не решила.

– Рыжка, – Фелисии показалось, что она узнала голос Весли, и все в ней возмутилось: нет, этого не может быть, ведь она сама видела его наглухо закрытый гроб! – Не пугайся, Рыжка! Приходи завтра на вокзал Гранд-сентрал, слышишь? В двенадцать дня у входа со стороны Сорок второй улицы. Ровно в полдень, Рыжка...

Фелисия сидела в кровати, бездумно глядя на умолкнувшую миниатюрную коробочку, которую все еще сжимала в руке. Происходило что-то совершенно невероятное: Весли назначил ей свидание. Причем, в полдень, а вовсе не в полночь, что показалось бы ей гораздо более логичным, поскольку речь шла о мертвеце. Но Весли жив, и она только что разговаривала с ним по телефону! Конечно, этого не могло быть, но она была твердо уверена, что слышала именно его голос. Или все-таки не его? Почему он говорил с ней шепотом? А что, если это какие-нибудь бандиты? Папан ведь не зря обзавелся всей этой системой охраны: богатых людей и их детей действительно иногда похищают. К сожалению, чаще, чем это становится известно прессе и простым обывателям. И днем на людном вокзале украсть человека гораздо проще, чем на пустынной ночной улице. Она хорошо помнила специальные школьные уроки по безопасности. Но откуда бандитам стало известно ее детское прозвище? Не

сам же Весли сообщил им его перед смертью? Ладно, решила Фелисия, я подумаю об этом завтра, сейчас все равно ничего не соображаю...

Сидя на утренней лекции, невыспавшаяся Фелисия то и дело нервно поглядывала на часы. Звонить водителю Фредди она, конечно, не станет. Для того, чтобы добраться на такси от Колумбийского университета до вокзала Гранд-сентрал, нужно не более получаса. Это означало, что, если она решит ехать, то делать это следует не позднее, чем через час... Через сорок минут... Всё, если ловить такси, то прямо сейчас.

Фелисия вышла из ворот университета, торопливо пересекла Бродвей и подняла руку. Ей повезло: свободная машина появилась через несколько секунд. Фелисия назвала адрес и устало откинулась на сидении. Утро было солнечным и таким ярким, что ночные сомнения вдруг показались Фелисии немного надуманными. К тому же ее грызло любопытство... Весли погиб, это совершенно точно. Он ведь тоже принадлежал к семейству, в котором не допускают неясностей, а особенно в таких вопросах. Значит?.. Мысли продолжали утомительно двигаться по кругу, не вызывая ничего, кроме раздражения. Нет, она должна в этом разобраться, иначе не видать ей покоя всю жизнь!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ФЕЛИСИЯ

В огромном, напоминающем кафедральный собор зале Гранд-сентрал всегда многолюдно. Ежедневно, утром и вечером, сюда прибывают и отсюда уезжают сотни тысяч жителей северных пригородов Нью-Йорка. Но и днем, если заглянуть в зал сверху, с балюстрады второго этажа, тут же начинает болеть и кружиться голова от бесконечного броуновского движения человеческих фигурок там, внизу. Кажется, что каждому пассажиру, как мячику в незатейливой компьютерной игре, вменено в обязанность несколько раз пересечь зал по диагонали, прежде чем выйти на улицу или, наоборот, спуститься на платформу.

Фелисия ждала. Огромные вокзальные часы показывали уже пятнадцать минут первого. Но после того, как она приняла трудное решение прийти сюда сегодня, отказаться от этой затеи было бы непростительной глупостью. Она должна дождаться того, кто назначил ей это свидание. Кем бы ни был человек, с которым она разговаривала по телефону сегодня ночью, было невозможно поверить, что это всего лишь розыгрыш. Если нужно, Фелисия проторчит на этом вокзале хоть до вечера! Уже несколько раз мисс Фиби, обеспокоенная исчезновением своей подопечной из университета, пыталась с ней связаться, но Фелисия не отвечала на звонки: сейчас она была не в состоянии сочинить хоть какое-то правдоподобное объяснение. Но если она не даст о себе знать в течение получаса, то дома поднимут тревогу... Нет, на следующий звонок мисс Фиби она откликнется и скажет, что... эх, ну что бы такое придумать, чтобы не напугать подозрительную старуху?

Кто-то довольно сильно ткнул ее в бок, Фелисия обернулась и увидела нищую попрошайку – отвратительную бабку в длинном грязном пальто с по-идиотски перекивленными ртом и бессмысленными мутными глазами.

– Ты уж меня пожалей, дочка, пожалей, – бабка протягивала Фелисии зажатый в кулаке мятый бумажный стаканчик из-под кофе, на дне которого жалко всхлипывали мелкие монетки.

Ну вот, только этого ей и не хватало! Дашь ей денег или нет, а нищенка теперь ни за что не отвяжется. Фелисия растерянно оглядела зал. Двое полицейских торчали далеко, у выхода на перрон. Наверное, нужно уходить: все равно никто не появляется, а дома уже начинают волноваться всерьез.

– Ну что ж ты, детка, – бабка еще раз ощутимо ткнула Фелисию кулаком, – совсем ослепла, что ли? Вот, смотри!

Грязным кривым пальцем нищая указывала Фелисии на стаканчик. Гул толпы исчез, утонул в невозможной вибрирующей тишине: ярким фломастером на стаканчике было выведено: «Рыжка». Самое страшное заключалось в том, что Фелисия мгновенно узнала этот нервный неровный подчёрк. Так писал только один человек на свете – Весли.

– Дай доллар, и я отведу тебя, куда просили, – прошамкала бабка и покачала головой. – Правда отведу, ты не бойся. Только денежку вперед давай!

Дрожащими руками Фелисия вытащила бумажник и, не глядя, протянула старухе какую-то купюру. Та ловко выхватила ее, внимательно рассмотрела с двух сторон и сунула в карман пальто вместе со стаканчиком. Потом подозрительно огляделась по сторонам и стала решительно проталкиваться через толпу в сторону эскалаторов.

Помедлив секунду, Фелисия бросилась за ней. Ситуация казалась ей и подозрительной, и в то же время какой-то ненастоящей, как будто позаимствованной из фильма или дурацкого детектива. Она давно заметила, что даже самые правдивые истории – трагические или необъяснимо таинственные, но рассказанные кем-то другим – обязательно кажутся вымыслом или некоторым преувеличением. Потому что в обыденной жизни не может быть ничего даже похожего на то, что сейчас происходит с ней. Гибель Весли, ночные звонки, полоумная старуха, ведущая ее неизвестно куда...

Тем временем нищенка спустилась в переход, соединяющий Гранд-сентрал со станцией метро. Фелисия не была здесь ни разу. Она вообще никогда в жизни не пользовалась метро и только в кино или по телевизору видела эти выложенные кафельной плиткой коридоры, блестящие турникеты, нечистые платформы... И от

этого ощущение нереальности только усилилось. Фелисия чувствовала себя участником какой-то неведомой игры, в конце которой в зале, конечно же, вспыхнет свет, раздастся смех зрителей, потом аплодисменты, а участники снимут с себя грим и окажутся милыми безобидными людьми, актерами...

Старуха остановилась у неприметной двери с надписью «только для работников». За дверью оказался маленький ярко освещенный тамбур. Хлипкая на вид металлическая лесенка вела куда-то вниз, в полутьму. Фелисия ни за что не полезла бы в такую дыру вслед за подозрительной старухой, если бы не это невероятное ощущение игры и ненастоящести происходящего.

Когда глаза немного привыкли к тусклому свету, Фелисия обнаружила, что находится в каком-то служебном помещении. Об этом говорил слишком низкий потолок и изгибающиеся во всех направлениях трубы, обмотанные серой, похожей на грязную вату, материей. В центре комнаты висела небольшая, дрожащая от сдержанного далекого гула лампочка. Старухи рядом не было, и Фелисия растерянно огляделась, не понимая, куда та исчезла.

– Я знал, что ты не побоишься, Рыжка!

Фелисия резко обернулась. В дальнем углу, прислонясь спиной к неопрятной трубе, стоял Весли – улыбающийся и совершенно живой.

– Ты уж прости меня за такой дурацкий способ вытащить тебя на свидание, но... я расскажу тебе обо всем после. Иначе никак не получалось, понимаешь?

– Ты псих и идиот! – Фелисия все еще не могла поверить, что это настоящий Весли, тот самый, которого совсем недавно отпевали в закрытом гробу. – Это уже слишком даже для тебя. Взорванная машина, похороны, дед, который пожимал всем руки, как автомат... Это же... это просто жестоко! А я... Обо мне ты подумал?

– Подумал, подруга, и именно поэтому позвонил! По-другому нельзя было...

– Ну хорошо, ну допустим... Но к чему такая таинственность? Опять твои дурацкие проказы?

Фелисия поймала себя на том, что пытается разговаривать с Весли как ни в чем не бывало, хотя противный колючий холодок нереальности словно поселился у нее под кожей и тихо шевелился там, отчего сильно мерзли руки и сбивалось дыхание. На секунду ей показалось, что было бы куда проще, если бы вместо воскресшего Весли перед ней стоял какой-нибудь бандит, умыкающий дочек миллионеров ради выкупа.

– Ты вообще соображаешь, что делаешь?!

Фелисии вдруг захотелось дотронуться до Весли, обнять этого дурака. Но, стоило ей сделать шаг вперед, как он предостерегающе поднял руку. В этом жесте было что-то повелительное и даже грозное, совершенно непохожее на все то, что она знала о прежнем Весли, и Фелисия застыла на месте. Весли пристально посмотрел на нее, покачал головой, и на губах его заиграла такая знакомая улыбка.

– В земле и небе, – произнес он своим привычным дурашливым тоном, и в этом мрачном помещении его слова прозвучали довольно странно, – сокрыто столько мудрости, друг Горацио, что... В общем, извини, Рыжка, я действительно ничего не могу объяснить тебе – по крайней мере, сейчас. Просто мне ужасно захотелось, чтобы ты знала о том, что я жив, вот и все. А сообщить тебе эту новость каким-нибудь другим способом... Скорее всего, ты бы не поверила, испугалась и бросилась к мисс Фиби. В общем, это была единственная возможность дать о себе знать. И потом, согласишься, так ведь даже интересней...

– Ты что, здесь живешь? – Фелисия все никак не могла сообразить, как ей следует относиться к происходящему. – Тут же просто... омерзительно!

– Да нет, что ты! Зачем мне здесь жить? Просто это очень удобное местечко для таинственных свиданий с бывшими покойниками. И интерьеры, так сказать, соответствующие...

– Но можешь ты мне объяснить, для чего ты это сделал?!

– Да говорю же тебе... не могу! Это не мои тайны, понимаешь? Ладно, все, Рыжка, тебе нужно бежать. Легко себе представить, как там разволновалась мисс Фиби. Теперь, по крайней мере, ты хотя бы не будешь вздрагивать от моих звонков. Осторожненько иди наверх и захлопни дверь. Я тебя целую и... ты просто молодец, Рыжка!

Весли улыбнулся, помахал рукой и скрылся где-то там, в дальнем конце комнаты, за переплетениями труб. Фелисия торопливо поднялась по ржавой лесенке и снова оказалась в гулком светлом переходе. Ее не покидало смутное ощущение, что и Весли (если только это был действительно он), и она сама попали в какую-то неприятность. С одной стороны, его мнимая смерть и необычные обстоятельства их сегодняшней встречи... Ничего веселого в этом не было. С другой стороны, эти его дурацкие обмолвки – «не сейчас», «объясню все попозже»... Зачем ему играть в такие

игры с ней? Спрашивается, что могло помешать ему сразу рассказать ей обо всем? А, может быть, не «что», а «кто»?..

Трудно было не обратить внимание на странное поведение Весли. Обычно он то и дело хватал ее за руки, любил чмокать в щечку, гладить по рыжим волосам... А тут он стоял в отдалении, не приближаясь и не давая приблизиться ей самой. И это после того, как они так долго не виделись, после того, как он «воскрес», наконец! Да, все это очень странно. Есть над чем подумать...

Фелисия почувствовала, как в ней поднимается раздражение: ну почему все это таинственное и непонятное так упорно лезет в ее жизнь? Ей вполне хватало собственных забот и проблем, а тут еще оживший Весли! Кажется, он до сих пор так и не вырос и все играет в какие-то идиотские игры. Но, как бы Фелисии не хотелось объяснить все мальчишеством Весли, она догадывалась: для того, чтобы организовать фальшивую смерть, требовалось значительно больше сил, людей и денег, чем для какого-нибудь розыгрыша. Может быть, он попал в лапы к преступникам? Его специально заманили, чтобы... Впрочем, вряд ли бандиты дали бы ему возможность встретиться с ней. Да и сам Весли совершенно не был похож на несчастную жертву.

Еще несколько дней – вернее, ночей – Фелисия ждала звонка Весли. Теперь уже она сама попросит его о встрече и не отвяжется до тех пор, пока не поймет, что с ним произошло. Но Весли не давал о себе знать, и постепенно ей стало казаться, что этой ужасной встречи на Гранд-сентрал никогда и не было. Внезапно, повинувшись непонятному чувству, Фелисия позвонила Триммеру-старшему и сама же перепугалась, когда услышала в трубке его сухой старческий голос. Зачем она набрала этот номер? Чтобы рассказать ему, что внук не погиб в автокатастрофе? Или... а что, если он знает об этом сам?.. Фелисия вспомнила его тяжелое бесстрастное лицо на похоронах и подумала, что Триммер-старший не тот человек, у которого в разговоре можно выманить тайну.

– Это хорошо, что ты позвонила, Фелисия, – голос деда Весли звучал холодно, но вполне приветливо. – Я хотел бы поговорить с тобой. Разумеется, не по телефону. Не могла бы ты подъехать ко мне, скажем, завтра вечером? Я не задержу тебя надолго.

Фелисия пообещала приехать и положила трубку. Ее звонок действительно не удивил старика или это ей только показалось? Знает ли он о том, что Весли жив?

Вполне может быть... Интересно, чего ей ждать от встречи с Триммером-старшим? Может быть, ему просто хочется поговорить о внуке?..

Навестить деда погибшего друга – поступок достойный и вполне приличный. Но Фелисия заметила, как посмотрела мисс Фиби на шофера Фредди, поднявшегося в квартиру для получения указаний. Понятно, что теперь, после очередной выходки Фелисии, Фредди будет дежурить под дверью, куда бы она не направилась. А ведь после визита к мистеру Триммеру она и действительно собиралась побродить по городу. Ну и черт с ними! Как-нибудь в следующий раз...

Фредди свернул в Центральный парк, и вскоре лимузин мчался по Бродвею на север. Там, на берегу Гудзона, недалеко от Колумбийского университета стоял каменный трехэтажный фамильный особняк Триммеров. Фелисия позвонила, и дверь сразу же распахнулась. Она ожидала увидеть дворецкого, но на пороге стоял сам Триммер-старший. Они поднялись на третий этаж, в кабинет, где, по словам хозяина, можно было спокойно побеседовать, и Фелисия успела удивиться легкой, совсем молодой походке старика и полному отсутствию у него отдышки. По словам Весли, его деду было никак не меньше восьмидесяти лет.

– Ну вот, а теперь поговорим, – спокойно произнес старик, когда они расположились в креслах у огромного окна с видом на Гудзон и мост Джорджа Вашингтона, над которым как раз садилось холодное осеннее солнце. – То, что я хотел узнать у тебя, девочка, теперь, наверное, уже не имеет никакого значения...

Триммер неторопливо достал из кармана домашней куртки большую темно-коричневую сигару и задумчиво покрутил ее в руках.

– Когда я говорю «теперь», то имею в виду не только смерть моего внука, но и вообще нынешние времена. Только не подумай, что я по-старчески собираюсь ругать молодежь. Конечно, вы – другие. Совсем другие. Но это не значит – плохие... Ты не возражаешь, если я закурю?

Фелисия не возражала. Ее удивила интонация, с которой старик упомянул о гибели Весли: так говорят, скорее, о смерти очень старого и очень дальнего родственника. Конечно, Фелисия заметила, как отстраненно и спокойно он держался на похоронах, но там, среди массы чужих людей, такое поведение показалось ей естественным. Она и сама не любила выставлять напоказ свои чувства. Но после

встречи с Весли легкость, с которой старик говорил о внуке – теперь, когда они остались наедине – насторожила ее.

Триммер-старший тщательно раскурил сигару, выпустил облачко дыма в сторону окна и покачал головой.

– Впервые за много лет я не знаю, с чего начать разговор. Я никогда не позволял себе вмешиваться в дела моего внука. По крайней мере, с тех пор, как он научился самостоятельно держать в руках ложку. И сейчас у меня ощущение, что я копаюсь в его личных письмах. Хотя, представь себе, никаких писем после него не осталось. Ну да, компьютерный век... никто не станет тратить силы и время, чтобы выразить свои чувства на бумаге. Так вот, я не вмешивался, потому что уважал право Весли на личную жизнь. А сам он ничего мне не рассказывал.

Старик вдруг остро и недобро взглянул на Фелисию, как будто именно она была виновата в том, что Весли не посвящал старика в свои секреты. Даже мисс Фиби не смогла бы уколоть взглядом так, чтобы по коже побежали мурашки... Фелисия напряглась, пытаясь преодолеть неприятное ощущение, неопределенно пожала плечами и демонстративно взглянула на свои часики. Триммер-старший сделал вид, что не заметил ее недовольства. Он производил впечатление человека воспитанного, но непреклонного, как и папан. Она давно привыкла к тому, что люди их круга ведут себя практически одинаково, словно именно этому обучались в оксфордах и гарвардах. Но сейчас Фелисия чувствовала, что старик в нерешительности ходит вокруг да около, не зная, с чего начать. Ведь вряд ли он пригласил Фелисию только для того, чтобы рассказать, каким замечательным он был дедом.

– Одно время я подозревал, что он влюблен в тебя, был уверен, что у вас роман. Слишком много телефонных звонков, слишком часто в последнее время он объяснял свое отсутствие по ночам встречами с тобой. Но я ошибался. Не так ли?..

Фелисия вдруг почувствовала, что неумолимо краснеет под колючим взглядом: похоже, старик догадывается о нетрадиционных пристрастиях Весли и теперь хочет, чтобы она подтвердила или развеяла его подозрения. Ну, конечно, ведь все они принадлежат к настоящей аристократии – особой касте, среди членов которой гомосексуализм столь же недопустим, как инцест. Что бы там не думал по этому поводу весь мир, для людей их круга это позор, несчастье, несмываемое пятно...

Она вспомнила: несколько лет назад, когда они прогуливались после ужина по набережной, Весли со смехом рассуждал о жизни и обычаях *семей*. Накануне его приняли в закрытый клуб «Плюс два», и Весли все никак не мог успокоиться, пытаясь передать в лицах ритуал посвящения. Понятно, что все это жуткие глупости, но Фелисия, сама выросшая в такой семье, никогда раньше не задумывалась над тем, насколько странным может показаться их образ жизни кому-нибудь постороннему. Замкнутый, не впускающий к себе чужих мир миллионеров из старых семей имел собственную моду, свои правила и привычки. Например, никто из них никогда не носил с собой деньги, ключи от квартиры, даже документы: для решения бытовых проблем существуют специальные люди – секретари, адвокаты... в общем, прислуга.

Весли особенно веселился, объясняя Фелисии, что населению всех стран мира усиленно вдалбливается в головы, что несчастные миллионеры работают по двадцать часов в день. Да, такие люди действительно существуют, но их совсем немного. Семьи презрительно называют их «самоделками». Трудоголики, выбившиеся в люди своим трудом... в общем, совершенно никчемные существа. Зачем, спрашивается, зарабатывать эти самые миллионы, если не остается времени на то, чтобы со вкусом их потратить?

Нет, конечно, и у старых семей где-то далеко, у истоков генеалогического древа, обязательно стоял человек, составивший значительный первоначальный капитал. Но у его потомков никчемная привычка зарабатывать на жизнь в поте лица постепенно исчезала. Члены семей получали превосходное образование просто потому, что считалось: приличный воспитанный человек их круга должен обладать гибким умом и эрудицией. Для того, чтобы приглядывать за капиталами и приумножать их, опять-таки, существовала армия специалистов. У членов старых аристократических семей были совсем другие интересы. Путешествуя по миру, они собирали редкие коллекции, принимали участие в особенно изысканных торжествах в своем клубе «Плюс два», много сплетничали, заводили красивые интрижки... В этом для Фелисии не было ничего нового: папан, изредка возвращаясь домой, с наслаждением и гордостью рассказывал ей о том, как прекрасно он провел время. На их собственном острове в Карибском море, в Париже, Сан-Франциско или где-нибудь еще... По традиции, пока Фелисия не получила высшее образование, ее выходы в свет ограничивались дурацкими чаепитиями или пикниками под присмотром мисс Фиби.

– ...А сказочки про тружеников-миллионеров нужны просто для того, чтобы простой народ не взбунтовался, понимаешь? – Весли многозначительно покачал головой. – Идеология, вот и все: мол, если будешь много, усердно и, главное, честно трудиться, то и у тебя есть шанс выйти в люди. Вот и работай!

Весли помолчал, глядя куда-то вдаль, на далекие огоньки нью-джерсийского берега, а потом рассмеялся:

– Когда я сказал об этом деду, он чуть вставную челюсть не потерял. Ты, говорит, даже не демократ, а просто коммунист какой-то. Тебе законы не писаны!

Фелисия невольно мысленно сравнила Весли – такого, каким он был тогда, – с тем Весли, которого она видела недавно в ужасном подвале, и неожиданно почувствовала острую неприязнь к сидевшему напротив Триммеру-старшему. Что, если Весли просто решил сбежать от семьи? Его можно понять, особенно, если предположить, что он, к примеру, влюбился... Где бы и с кем не находился сейчас Весли, ему, скорее всего, хорошо. Да и старик прекрасно выглядит для своих восьмидесяти. Смерть внука явно его не сломила. В общем, мистер Триммер не услышит от нее ни слова! Весли умер, и вместе с ним умерли всего его тайны. Фелисия невольно поморщилась: последняя фраза прозвучала слишком высокопарно, как фальшивая нота. Хорошо еще, что она не произнесла ее вслух!

Мистер Триммер-старший вдруг пригасил свой сверлящий взгляд и чуть слышно рассмеялся. Если Фелисия полагает, что он пригласил ее для того, чтобы выпытывать какие-то тайны, то она глубоко ошибается. Нет-нет, он совсем не собирается ворошить прошлое. Хотя это звучит несколько странно, когда говоришь о собственном внуке, не правда ли? Все, чего ему хотелось, это посмотреть на нее. Посмотреть и убедиться, что Весли нисколько не преувеличивал, когда рассказывал о своей подруге. Что она, Фелисия, именно такая, как он говорил – умная и очаровательная.

– Я бы предложил тебе остаться на обед, но прекрасно понимаю, что это не доставит тебе никакого удовольствия. К тому же, полагаю, тебя ждут дома, – старик легко поднялся из кресла и бросил сигару в пепельницу. – Ты позванивай мне изредка... хотя, конечно, такая просьба – проявление старческого эгоизма. Передавай привет отцу.

Фелисия так и не поняла, для чего дед Весли позвал ее к себе. Вся их беседа – если его монолог можно было назвать беседой – не заняла и получаса. Впрочем, Весли всегда говорил, что его дед – человек с причудами, и с возрастом их становится все больше. Ну и ладно! К чему забивать голову всякой ерундой? У нее и без того проблем хватает. Но где-то в глубине души Фелисия подозревала, что старик хотел ее видеть по каким-то своим, неведомым, но достаточно важным для него причинам.

Она уже стала забывать о Триммере-старшем, но через несколько дней, вечером, раздался звонок. Фредди как раз вез ее домой после занятий, и Фелисия привычно дремала, раскинувшись на мягком сидении: лекции в тот день начинались непозволительно рано.

– Девочка, – голос старика звучал так необычно и взволнованно, что Фелисия даже забыла удивиться, что ему известен номер ее мобильного, – скажи мне откровенно, это очень важно: в последнее время тебе не звонили какие-нибудь странные люди? Я имею в виду...

Мистер Триммер замялся, и Фелисия услышала, как он затягивается своей сигарой.

– То есть, я хочу сказать: не звонил ли тебе кто-либо в связи с Весли и его смертью?

Растерянная Фелисия пробормотала что-то невнятное. Она была совершенно не готова к такому повороту событий. Неужели люди, которые помогли Весли исчезнуть, пытаются шантажировать его деда?

– Видишь ли, – голос в трубке окреп, – этой ночью кто-то позвонил мне и рассказал очень странные вещи. Во-первых, как ты сама догадываешься, посторонние не могут знать номер моего личного телефона. А во-вторых, он... ну, он, этот человек... сказал, что хочет сообщить мне подробности смерти Весли. Обещал перезвонить и повесил трубку. Правда, не сказал, когда именно перезвонит...

В голове у Фелисии тяжело бухнул колокол. С дедом Весли определенно разговаривал шантажист. Надо думать, что Триммер-старший принял все обычные меры предосторожности для того, чтобы случайный человек не мог его побеспокоить; отсюда вывод, что звонивший обладал широкими возможностями. Следовательно, скорее всего это действительно тот, кто хорошо знает, что случилось с Весли на самом деле. А что делать в этой ситуации ей? Рассказать мистеру Триммеру о ее встрече с

Весли? Но если предположить, что шантажист просто блефует? Невероятно, но что только не случается в жизни... Подозревать Весли в том, что он сам имеет отношение к этим звонкам, просто невозможно. Даже если отбросить эмоции, то в деньгах он явно не нуждается. Но предположим, что ее догадка верна, и Весли действительно сбежал с любовником. Тогда, возможно, именно он, этот любовник, хочет использовать такую возможность обогатиться. Что же делать?..

После небольшой паузы Триммер-старший заметил, что рассказывает об этом Фелисии только для того, чтобы предупредить: в случае, если позвонят ей, ни на какие провокации не поддаваться.

– Как ты понимаешь, детка, я разберусь с этим сам. Но мне хотелось, чтобы ты была подготовлена. Просто на всякий случай, – голос мистера Триммера снова стал властным и невозмутимо-корректным. – Ну и, разумеется, я настаиваю, чтобы этот разговор остался между нами.

Вечером Фелисия еще долго обдумывала самые разные варианты того, что могло произойти с Триммером-старшим и как следует поступить ей самой, но так и легла спать, оставив проблему нерешенной. Когда среди ночи под подушкой завибрировал телефон, она обрадовалась: в это время ей мог звонить только Весли, и сейчас его звонок был более чем кстати. Нужно немедленно предупредить его о шантажисте! И только в последнюю секунду – перед тем, как поднести трубку к уху – она вдруг перепугалась: что, если это вовсе не Весли, а тот самый шантажист? Что она ему скажет? Когда-то давно, еще в школе, их учили, как следует себя вести в подобных ситуациях. Но инструкции носили общий, отвлеченный характер и не могли пригодиться ей здесь и сейчас...

– Рыжка, это я, – тихо, почти шепотом, сказал Весли, и Фелисия вскочила на ноги. – Не знаю, как ты, а я отчего-то соскучился по тебе. Даже странно, ведь в последнее время мы с тобой не так уж часто виделись, и я к этому более или менее привык. Но стоило мне умереть, как я стал... не в меру сентиментальным, что ли...

Весли говорил так, как всегда, но Фелисии почудилось, что голос его звучит глухо, словно он разговаривал с ней, накрывшись с головой толстым одеялом, чтобы никто не мог подслушать.

– Мне нужно увидеться с тобой, Весли! – сказала Фелисия в трубку, стараясь, чтобы голос ее не дрогнул. Но Весли все равно почувствовал неладное.

– Что случилось, Рыжка? Вот так, стоит оставить тебя без присмотра, как ты...

– Весли, послушай, это важно. Нам нужно поговорить. Только не по телефону. Мы можем встретиться – в самое ближайшее время?

– О-о, я начинаю подозревать, что у тебя действительно серьезные проблемы. Уж не появился ли новый Шон, который жаждет немедленно сыграть свадьбу? А так как родом он из вражеского клана, то срочно требуется мое вмешательство, чтобы Монтеки и Капулетти возлюбили друг друга и дали согласие на брак...

– Идиот! – в гневе Фелисия даже забыла об осторожности и повысила голос. – Сегодня мне звонил твой дед. У него... у него неприятности. Это связано с тобой, понимаешь!

– Тебе звонил дед? – дурашливость исчезла, и теперь Весли говорил вполне серьезным тоном. – Зачем это ему?

– Давай встретимся! Пусть даже в этом твоём дурацком подземелье, если нет другого выхода. Только поскорее!

Весли молчал. В трубке что-то зашуршало, и Фелисия ясно представила себе, как Весли стягивает с головы тяжелое удушающее одеяло.

– Слушай, Рыжка... Тут такое дело... Вообще-то я позвонил тебе именно для того, чтобы предложить увидеться. Ты меня еще слушаешь?

Ладонь, в которой Фелисия сжимала трубку, неожиданно вспотела. А что, если этот беззаботный дурак и сам не понимает, куда его заманили? Ведь похитителям и шантажистам не всегда приходится применять силу. Вполне возможно, что человек по своей воле... В голове вдруг выстроилась вполне четкая логическая цепочка. Тот самый человек, который обнимал Весли в баре, вполне мог быть связан с бандитами. Или, к примеру, они сами вышли на него. Когда речь идет о больших деньгах, тут кто хочешь соблазнится. Вот они и устроили мнимую смерть Весли... мертвые ведь вне закона! Фелисия не очень разбиралась в том, как снимаются деньги с банковских счетов – такие подробности ее никогда не интересовали, – но, очевидно, и этот момент преступники предусмотрели. Хотя, перебила сама себя Фелисия, это всего лишь мои подозрения...

– Я соскучился, Рыжка. Ты – единственный близкий мне человек. Помнишь, как мы с тобой познакомились в туалете? Ты была такая рыжая, что даже светилась в темноте, честное слово! И поэтому я сразу понял, что мы станем друзьями...

Слушая такой знакомый и родной голос, Фелисия вдруг подумала, что Весли, конечно, так и остался неисправимым мальчишкой, но именно теперь он нуждался в ней всерьез. Что-то там такое происходит, о чем он не может рассказать. И не потому, что не доверяет, а просто боится или не хочет ее испугать. Чего или кого именно боится Весли – этого Фелисия пока не знала, но, похоже, у нее будет возможность все выяснить самой. Весли совсем не похож на заложника, а это означает, что и ей, когда она отправится на встречу с ним, скорее всего, опасность не грозит.

– Весли, – выдохнула она в трубку, – давай встретимся и обо всем поговорим. Скажи, когда и куда мне прийти. Но больше не посылай за мной жутких старух...

Он еще некоторое время подумался, утверждая, что после стольких лет знакомства с таким страшным и ужасным человеком как он, Весли, ей уже некого бояться; и только потом объяснил, что она должна сделать для того, чтобы с ним увидеться. Объяснил подробно, со всеми деталями. Чем дальше он говорил, тем больше запутывалась в своих ощущениях Фелисия. С одной стороны, она понимала, что разговор серьезный и, более того, приключение может оказаться опасным. Но, с другой стороны, ей было как-то неловко, словно она готовилась принять участие в глупой мальчишеской игре в шпионов: забавно, что все эти многочисленные нелепые меры предосторожности она должна была соблюдать, всего лишь отправляясь на свидание со старым другом... Хорошо еще, что ее не заставляют учить пароль и отзыв! Она бы испортила им всю игру – просто потому, что от смеха не смогла бы произнести ни слова. Фелисия слишком привыкла хохотать до упаду над выходками Весли...

В общем, если бы не тот звонок Триммера-старшего, она, должно быть, никогда бы не согласилась встретиться с Весли в таком странном месте. В то же время, именно смешная таинственность превращала всю эту историю во что-то ненастоящее, а поэтому и не очень пугающее. И вот что любопытно: прослушав подробную инструкцию Весли, слишком похожую на бред, она, Фелисия, тут же выкинула из головы все мысли о том, что он попал в лапы негодяев и преступников. Такая версия вдруг казалась ей совершенно нелепой.

Слишком уж это все напоминало дешевый балаган, вроде цирка-шапито, куда они попали однажды. Тогда он тоже таинственно улыбался, шептал ей на ухо какие-то глупости, а в итоге привез в Бруклин и повел в этот самый цирк. Внутри, несмотря на гулявший под куполом ветерок с океана, стоял тяжелый запах; по арене грустно

бродили несчастные звери, вздрагивающие от ударов хлыста; клоуны с хриплыми голосами пьяниц манерно ломались и выкрикивали старые несмешные шутки. Разве можно было поверить в их глупые страдания и липкую сиропную кровь? Фелисии тогда стало душно и скучно. Зато Весли казался довольным и смеялся от души. Он всегда был такой... немного простодушный, что ли...

Как обычно, Фредди высадил ее у того самого дома в Бэттери-парке. Если следовать инструкции, отсюда она должна отправиться на такси обратно, в тихий престижный район на Ист-Сайде. Там Фелисии следует зайти в какое-нибудь кафе и дожждаться десяти часов. В самом начале одиннадцатого она должна идти по Шестьдесят четвертой улице на восток. Ее будет интересовать жилой квартал между Лексингтон и Третьей авеню. Дальше начнется самое интересное. Если считать от угла Шестьдесят четвертой улицы и Лексингтон, то четвертый канализационный люк, который попадется ей на пути, будет необычной прямоугольной формы: легко заметить при условии, что знаешь о его существовании. Предварительно удостоверившись, что на улице никого нет, а часы показывают ровно пять минут одиннадцатого, ей, Фелисии, следует встать на крышку этого самого люка, прижать руки к телу, ни в коем случае не двигаться, не сходить с места и ничему не удивляться. Через секунду-другую она окажется под землей, в специально оборудованном помещении, где ее встретят и проведут к Весли. Вот, собственно, и все.

Даже согласившись на это, Фелисия все равно не могла понять, почему должна проделывать эти сложные киношные трюки только для того, чтобы встретиться с другом. И уж, конечно, Весли никак не мог подготовить такую операцию сам. Именно это соображение, как ни странно, заставляло Фелисию строго придерживаться инструкции.

Таксист вопросительно посмотрел на нее в зеркальце: приехали. Фелисия расплатилась, быстро выбралась из машины и, глубоко вздохнув, захлопнула за собой дверцу. Все, она отправляется навстречу приключениям. Страшновато, конечно, но уж очень любопытно: что будет дальше?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СТРАННИК

Я открыл глаза и сразу же почувствовал себя неуютно. Но не так, как это случается на Улице, где тебе более или менее понятно, с какой стороны ждать неприятностей. Я лежал в закрытом помещении на чем-то непривычно мягком и ощущал давно забытый приятный запах. Кажется, именно так пахло от моей жены много лет назад, когда я просыпался в своей супружеской постели на Васильевском острове. Во всяком случае, могу поручиться, что наши уличные мэри пахнут совсем иначе. Женщина рядом со мной сладко вздохнула во сне, пошевелилась, я ощутил прикосновение ее теплой гладкой кожи и резко сел в кровати.

Прежде всего, нужно было понять, где я нахожусь, и уже тогда решать, что делать со спящей. Я аккуратно вылез из-под почти невесомого одеяла и осторожно подошел к окну. Далеко внизу под тяжелым осенним небом раскинулся большой город. Но я не мог сообразить, какой именно город! Комната оказалась довольно просторной спальней. Одна полуоткрытая дверь вела, понятно, в ванную, а другая, напротив, должно быть, входная? Я подкрался к ней и осторожно выглянул наружу. За дверью я не увидел ничего, кроме длинного пустого коридора и ряда других дверей со сверкающими медными номерами. Никаких сомнений быть не могло: я находился в гостинице.

Не буду утверждать, что в своей *второй* жизни – жизни странника – мне часто случалось останавливаться в гостиницах, но вот бывать в них – просто по роду занятий – приходилось не раз. Так что по выражению лица швейцара или цвету ковров в холле я практически на глаз могу оценить разряд и количество звездочек любого странноприимного дома. Так вот, эту ночь я провел в гостинице весьма высокого разряда. Теперь оставалось выяснить сущий пустяк: с кем именно. Чувствовал я себя отвратительно: для человека, ведущего такой образ жизни, какой веду я, это непозволительная роскошь – не знать, где и с кем ты устроился на ночлег. А я, к

величайшему моему изумлению, совершенно не помнил ни этой гостиницы, ни, тем более, девицы, тихо посапывающей под одеялом.

Стоило мне слегка приподнять одеяло, как девица снова вздохнула и перевернулась на спину. Я понял, что она совершенно обнажена. О чем, впрочем, было легко догадаться: я и сам стоял перед ней голышом. Под моим пристальным взглядом длиннющие ресницы дрогнули, незнакомка открыла глаза и улыбнулась. Славно улыбнулась, как-то застенчиво и, в то же время, по-дружески. Судя по холеному виду и запаху, она была совершенной фифой, но что-то подсказывало мне, что не следует торопиться с выводами. Хорошо уже то, что, увидев меня, она не стала громко кричать и звать полицию. Терпеть не могу орущих баб. А особенно орущих в приличном отеле с хорошей внутренней охраной. Но девица явно не испугалась. Она сладко потянулась, снова напомнив мне давно минувшие времена, и без всякого стеснения сбросила с себя одеяло.

– Доброе утро, – безмятежно и ласково сказала она по-русски, и мне стало здорово не по себе. Сквозь тяжелый туман беспамятства потихоньку начал проступать вчерашний день. Все понятно: девицу зовут Настя, Настенька. Хорошее русское имя...

– Ну что, Иванушка, головку-то повесил? – шутливо спросила она, и ее вопрос прозвучал крайне двусмысленно. Даже пробивающегося сквозь шторы серого утреннего света было достаточно, чтобы разглядеть ее груди: маленькие и подрагивающие, с выпуклыми темными сосками. Поэтому я поспешил присесть на край кровати спиной к ней, и тут же ощутил на плече горячую ладонь.

– Как-то неловко все получилось, честное слово, – пробормотал я, стараясь выиграть время, чтобы вспомнить все до конца. Но из проклятого тумана попеременно высывались лишь какие-то отдельные кусочки, по которым я и пытался восстановить события вчерашнего дня. Ну да, Настя... секретарь, подвал, труп, переодевание, самолет и... встреча с президентом Соединенных Штатов? Причин усомниться в собственном рассудке у меня было более чем достаточно. Что же такое я умудрился выпить вчера – и в каких количествах? Потеря памяти, пусть даже временная, для странника вроде меня – это почти самоубийство. Нужно быстренько все вспомнить, чтобы у фифы не возникло никаких подозрений. А потом так же быстренько слинять из этого любовного гнездышка, в котором не знаешь, чего тебе ожидать в следующую минуту.

Но додумать свою мысль – тягостную, как крик озабоченного осла – я не успел. Входная дверь распахнулась. В ту же секунду Настя резким движением накинула на себя одеяло. Потянуло сквозняком, и вместе с ним в номер ворвался какой-то мужик. Разглядеть его не удалось, потому что он тут же бросился ко мне, и я, сразу сообразив, что рыпаться и брыкаться себе дороже, покорно уткнулся лицом в одеяло. И через одеяло почувствовал, как судорожно вздрогнули Настины коленки. Подумаешь, не впервой: однажды меня сунули головой в унитаз, причем, судя по всему, последние сотни полторы посетителей этого общественного туалета забывали спустить за собой воду. Впрочем, тогда все обошлось без особых неприятностей: в перерывах между окунаниями я успел назвать несколько весьма серьезных в нашем мире имен, и меня тут же отпустили. И даже извинились за недоразумение.

Ворвавшийся в номер мигом защелкнул у меня на запястьях холодные наручники и рывком повернул с живота на спину. И тут же в лицо ударил слепящий желтый свет мощного фонаря. Я зажмурился и стал размышлять о том, где и на чем так крупно засыпался. Даже если предположить, что вчера я окончательно сошел с ума и вместе с Настей обманом проник в свободный номер отеля, то местная охрана никогда не стала бы устраивать подобный цирк из обычного задержания. Значит, это кто-то посерьезней. Но зачем им я, вот в чем вопрос. Максимум, что мне можно пришить, это нелегальное пребывание в Штатах. Если вот так набрасываться на каждого нелегала, то наручников не хватит; не говоря уже о людях, входящих в группы захвата – или как они тут называются...

Фонарь опустился, но я все равно не видел ничего, кроме желтых кругов. И тогда раздался голос, от которого вся кожа покрылась мурашками и противно задергалось левое веко.

– Мурзин Александр Васильевич, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения, русский, беспартийный, место рождения – Петроградский район города Ленинграда. Разведен, детей нет. Образование неоконченное высшее. Без постоянного места жительства. Нынешняя кличка – Странник. Я не ошибся? – голос издевательски копировал ту протокольно-бюрократическую интонацию, с которой в покойном совке любили разговаривать все официальные лица – от учительницы начальных классов до генсека. Произнесено это было, конечно же, по-русски. Та-ак, понятненько...

Лежать на собственных руках, скованных за спиной, было чертовски неудобно, и я невольно поморщился. С тех самых пор, как я сделался странником, чекисты несколько раз подъезжали ко мне с разного рода предложениями, но всякий раз удавалось откосить: слава Штирлица со товарищи меня не очень устраивала. Пару раз били, с месячишко просидел на цугундере, столько же в дурке, а потом меня оставили в покое. Можно сказать, что до сегодняшнего дня меня по-настоящему не трогали. Хотя устраивать штурм гостиничного номера в чужой стране ради того, чтобы побеседовать с несчастным бомжом – это совершенно не их стиль...

– Слушай меня внимательно, козел! – прервал мои невеселые размышления тот же голос. Я напряг зрение и разглядел довольно мрачного типа примерно моих лет с тяжелым взглядом голодного дракона.

– Ты сейчас быстренько рассказываешь, как попал к их президенту и что с ним обсуждал, дешевка. Ты же не олигарх какой-нибудь. Давай, выкладывай, как это вышло! А за это я не трону ни тебя, ни бабу. Ну а если нет... Ты же мужик опытный, понимаешь: уколою чем нужно, и сам запоешь. Только после этого не могу гарантировать, что с головой все останется в порядке. Косить под дурака уже не придется. Так что ты лучше того... колись сам. Кто послал, зачем. У тебя еще есть возможность реабилитироваться перед родиной.

В другой ситуации я расхохотался бы. Только что я усиленно пытался вспомнить события вчерашнего дня, и до сих пор ничего, кроме каких-то смутных обрывков, в голову не лезло. Правда, здесь есть небольшая, но очень болезненная разница: одно дело, когда пытаешься ты сам, и совсем другое, когда пытаются тебя. Вот сволочь, и рука ведь не дрогнет: оставит после себя два трупешника и спокойно свалит. Я покосился на обмершую Настю. Секундочку, это ведь она работает в той самой конторе, которая и устроила мне встречу с президентом...

– Слушай, давай быстрее, приятель, у меня еще дел по горло, – перебил мои размышления наш незваный гость, по-хозяйски расхаживая по комнате. – Мы за этой конторой давненько следим. Есть у нас кадры... А тут вдруг сообщают: родимого бомжа везут на дачу к самому президенту США. Что за чудеса такие, думаю. Главное, проверили фотографию по своим каналам, и – надо же! – ты действительно бомж... Ай да Александр Васильевич!

Мужик остановился и резко сменил тон. В его голосе отчетливо слышались истерические нотки. Так разговаривают мелкие уголовники, взвинчивая себя перед первым убийством.

– Ты со мной дурака не валяй, слышишь! Я церемониться не буду. Знаешь, я передумал. Колоть... Вот еще, дурью маяться! Сейчас тебе по-быстрому заклею рот, петлю на яйца и все. Лучшая сыворотка правды, по опыту говорю. А показания свои записывать, чтобы пасть не разевалась, – смерив меня нехорошим оценивающим взглядом, он хмыкнул. – Стенографировать у меня будешь, блин, ручаюсь!

И я ему как-то сразу поверил. Тем более, что он, ловко крутанув меня, молниеносно перестегнул наручники так, что теперь я держал скованные руки перед собой. Мои шансы выкрутиться из этого тухлого дела стремительно падали до нуля. И – то ли от тяжелого безысходного страха, то ли от храбрости отчаянья – я неожиданно вспомнил все, что произошло со мной вчера. Все без исключения, включая свой безумный визит к президенту. И сразу сообразил, что теперь пропал окончательно. Потому что этот бандит не поверит ни единому моему слову...

– Слушаю вас, – довольно раздраженно произнес глава Белого дома, когда я растерянно опустился на стул. – Надеюсь, вас предупредили: в вашем распоряжении не более тридцати минут.

То, что мне, страннику и жителю Улицы, представилась возможность побеседовать с глазу на глаз с самим президентом США, было само по себе довольно занятно. Но не в той ситуации, когда он явно принимал меня за кого-то другого. Разоблачение грозило мне довольно серьезными неприятностями. Лучше уж неудачно «стрельнуть» в хорошем магазине, чем связываться с людьми такого уровня... Невольно сглотнув слюну, я принялся судорожно соображать. На лице президента явно отражалось нетерпение, и я понимал, что времени на размышление у меня нет. Ну почему, спрашивается, в самолете я не изучил содержимое папки более внимательно? Тот важный тип, на место которого я невольно угодил, очевидно, был как-то связан с поставками нефти. Значит, мне следует сказать об этом хоть что-нибудь.

– Мистер президент, – торжественно начал я и замолчал, потому что тот вдруг улыбнулся.

– Не знал, что мой близкий друг О'Хейли, попросивший принять вас сегодня, настолько симпатизирует славянам. Вы ведь из Венгрии, я угадал?

– Почти, – я колебался, не понимая, как лучше поступить: согласиться с президентом или открыть ему правду. И тут же подумал: контора, устроившая мне эту встречу, точно знает, откуда я родом. Не стоило попадаться на ерунде. – Я из России, мистер президент. По поводу нефти...

Глаза у сидевшего напротив человека сузились, и он почему-то сразу утратил сходство со своими собственными портретами.

– Это меняет дело, – с каким-то язвительным удовлетворением тихо произнес он. И начал подниматься из-за стола. – Я готов закрывать глаза на мелкие услуги, которые О’Хейли периодически оказывает своим приятелям с моей помощью. Но... просил ведь этого дурака, чтобы никаких переговоров по нефти! Я обязательно сообщу об этом разговоре президенту России! Благодарите бога, что я не собираюсь напускать на вас ФБР!

Глава Белого дома перевел дух, помолчал и вдруг рывкнул – совсем как российский вертухай.

– Все, аудиенция закончена! Не смею вас задерживать!

И когда я, добравшись на неверных ногах до двери, уже закрывал ее за собой, прибавил расхожее американское ругательство.

Только оказавшись в лимузине и взглянув в глаза невозмутимо поджидавшей меня Насте, я сообразил, что этот довольно нелепый и комический эпизод вполне меня устраивает: президент не пожелал выслушать гостя из России, и этот самый гость, сердечно поблагодарив заведение, устроившее ему такую встречу, отправляется обратно. Причем, чем быстрее, тем лучше. Потому что вот-вот объявится настоящий мистер Смит, и тогда...

Видимо, я так погрузился в воспоминания, что очнулся только от резкой боли в паху. Мой мерзкий соотечественник явно не бросал слов на ветер. Он огромной ладонью прихлопнул к моему лицу широкую полосу скотча. Ну все, промелькнула отчаянная мысль, теперь убьет, что бы я ему не рассказал. И меня убьет, и бедняжку Настеньку, затаившую дыхание за моей спиной. А я ведь даже и не помню, что у нас с ней было этой ночью...

Предвкушая удовольствие, мой мучитель склонился надо мной, и в этот момент щелкнул замок. Входная дверь распахнулась. На пороге стояла миниатюрная горничная-мексиканка в темном форменном платье с белым фартуком и кокетливой

наколкой на голове. В руках она держала гофрированный шланг пылесоса с насадкой. За ее спиной был виден громоздкий корпус этого самого пылесоса и пустой коридор.

– Я извиняться сильно, – залопотала горничная, невозмутимо оглядывая нашу живописную группку, – только здесь уборка сейчас начинаем!

– Какая еще уборка, дура? – на неплохом английском растерянно поинтересовался мой мучитель. – Ты чего?..

Его рука скрылась под полрой пиджака. Но он не успел. Горничная чуть пошевелила рукой, и из ее шланга один за другим вырвались короткие смачные звуки, похожие на шлепки. Мой мучитель рухнул на пол. Крови видно не было – а, может быть, она просто не успела натечь, – но и без того сразу стало понятно, что с этой стороны опасность миновала. Настенька зашевелилась и что-то сказала, но я не расслышал, потому что горничная повернулась к нам, и острый взгляд ее пуговичных черных глаз упал на меня. Неужели я следующий? Пропадаю, как дурак, по ошибке, ни за что!

Но девушка опустила свое оружие, коротко поклонилась и тут же исчезла. Вместо нее в комнате появились маленькие мексиканцы в синей униформе, вкатившие за собой огромный полотняный контейнер на колесах. В таких контейнерах в гостиницах обычно перевозят грязное белье. Словно не замечая нас с Настей, они ловко и бесшумно погрузили в контейнер труп и буквально через секунду исчезли вместе с ним, плотно закрыв за собой дверь. Я еще не успел сообразить, что так и сижу на кровати голышом со скованными руками, как передо мной снова возникла горничная. Ни слова не говоря, она отодрала скотч от моего лица и поковырялась каким-то крючком в замке наручников. Короткий щелчок, и блестящие обручи исчезли в кармашке ее фартука. Специалистка! Я только заметил, что она насмешливо покосилась на веревочную петлю у меня между ног. Еще секунда, и мы с Настей остались одни.

Конечно, уличная закалка – это великое дело, но в тот момент я был изрядно напуган. И страшно удивился, когда Настя как ни в чем не бывало улыбнулась мне, не спеша вылезла из-под одеяла и отправилась в ванную. Неужели эта милая московская девочка совсем не испугалась? Даже наши уличные мэри, и не подозревающие, что по утрам следует принимать душ, вели бы себя в такой ситуации не столь хладнокровно. Понятно, что и горничная, и мужички-мексиканцы – Настины, так сказать,

сослуживцы. Но все же... Неужели верны мои подозрения, что она скорее мой охранник, чем секретарь? Тогда вчера вечером я, кажется, совершил грандиозную ошибку...

После моей неудачной встречи с президентом мы с Настей отбыли из его резиденции, и она сообщила мне, что, поскольку мы в Техасе, то имеет смысл остаться здесь на ночь. И продолжить наше путешествие уже завтра.

– Ведь вы, Иван, ужасно не любите летать.

– Так же, как и вы! – тут же ответил я, чувствуя себя полным идиотом. Вместо того, чтобы кокетничать с этой девицей, нужно было срочно найти повод, чтобы, пока не поздно, свалить из-под ее опеки. Но, как назло, ничего не придумывалось. Хваленая интуиция Странника упорно молчала.

– Ну, вот и прекрасно, тогда мы переночуем в отеле! – Настя откинула крышку на панели, которую я принял было за передвижной бар, и вытащила оттуда большую телефонную трубку на витом шнуре. – Мы направляемся в отель, вариант четыре – двадцать один, спасибо.

Я посмотрел в окно: проносящиеся навстречу пейзажи более всего подходили для съемок фильма о первых переселенцах: ни деревца, ни домика, только плоские безжизненные уходящие вдаль поля. Интересно, как поступит эта милая барышня, когда узнает, что я – самозванец? Ладно, нечего распускать сопли. Отель, где бы он не находился, лучшее место для того, чтобы смыться, нежели эта пустыня. Я вспомнил, как мой давнишний приятель Базиль – абсолютно чернокожий плод дружбы народов, родившийся где-то под Ростовом – говорил, что лучший способ устроить «сквозняк» – это непредсказуемо дурацкое поведение. Он утверждал, что однажды ушел от двух насевших на него в какой-то квартирке «быков», просто написав в штаны. Пока «быки» брезгливо кривились, Базиль стянул с себя мокрые джинсы, притворился, что от страха у него еще и живот разболелся, отправился в туалет и преспокойно выпрыгнул в окно, благо, этаж был второй. Тут главное – скорость, утверждал Базиль, скорость и сообразительность. «Быки» были уверены, что без штанов он никуда не денется: один из стереотипов мышления... Железной логике следует противопоставлять сокрушительный парадокс! В свое время Базиль умудрился окончить факультет психологии Московского университета, так что на такие темы мог

говорить бесконечно. Но это теория, а вот на практике... Хорош бы я был, если бы выпрыгнул на ходу из лимузина, да еще и без штанов!..

– Ну вот, – повернулась ко мне Настя, – все устроено. Завтра вам предстоит большой и хлопотный день, не так ли? Нужно хорошо отдохнуть.

Я неопределенно кивнул. По моим подозрениям, хлопоты должны были начаться еще сегодня. Особенно, если объявится настоящий мистер Смит.

– Вот увидите, вам понравится и этот отель, и его кухня тоже. Знаете, Иван, там готовят типичные тexasские блюда. Они немного напоминают мексиканские, но куда более вкусные, – мой деловитый секретарь снова превратился в девочку-болтушку. – Вообще, еда здесь, в южных штатах, – это что-то необыкновенное! Совсем не то, что в Нью-Йорке или в Бостоне. Тут смешались французская, негритянская, индейская кухни...

Кажется, в последний раз я ел давным-давно – накануне вечером – в отвратительной столовой Армии Спасения. Обычно я стараюсь обходиться без их милосердия: слишком уж пестрая публика собирается в этих заведениях, да и кормят там черт знает чем. Но день был совершенно не «рыбный», и поэтому у гордого Странника не оставалось другого выхода, кроме как встать в очередь за бесплатным супом... В таких местах надо было следить еще и за тем, чтобы в многочисленных карманах пальто ничего не зазвенело. Я с тоской подумал о своем брошенном Росинанте: там остались совершенно уникальные инструменты. Потребуется несколько лет, чтобы восполнить утрату. Не говоря уже о самом пальто, которому просто сносу не было. Эх, такого мне больше не найти...

Я заметил, что Настя внимательно наблюдает за мной, и с равнодушным видом заявил, что не откажусь пообедать. Пожалуй, я бы съел бифштекс с кровью. Настя с готовностью кивнула и что-то записала в маленькую книжечку, неизвестно откуда появившуюся у нее в руках. Похоже, она и в самом деле профессиональный секретарь.

Мы въехали в какой-то довольно большой город, лимузин попетлял по улицам между небоскребами и очень скоро нырнул в подземный гараж. На лифте мы поднялись в большой номер, прислуга внесла мой чемодан. Настя прошла по комнате, выразила надежду, что номер мне подходит – я, разумеется, кивнул, – сказала, что через полчаса встретит меня в ресторане и выскользнула за дверь.

Ну вот, теперь самое время освободить девушку от лишних забот. В отличие от того отеля, в котором мы с ней познакомились, этот производил впечатление вполне обычной гостиницы. Так что вряд ли кто-то может помешать мне уйти отсюда. Значит, я должен немедленно спуститься в холл и на тот случай, если за мной все же наблюдают, сделать вид, что хочу прогуляться перед обедом. А затем смешаться с толпой, исчезнуть, раствориться в этом незнакомом городе. Вспомнив об обеде, я сглотнул слюну. Впрочем, голодать мне не привыкать. Странник не может позволить себе такую роскошь, как ежедневное трехразовое питание. Знакомство с тexasской кухней придется отложить до лучших времен. Зато здесь наверняка есть то, что мне так необходимо сегодня – закоулки, трущобы и необитаемые подвалы. В каждом большом городе, где мне приходилось бывать – вне зависимости от того, сытая ли это Швейцария или полуголодная Румыния – всегда находились районы, где заезжий Странник мог спокойно отлежаться. Я ведь уже говорил, что Улица – она всегда и везде Улица.

С сожалением взглянув на стоящий посреди комнаты чемодан с кучей отличных шмоток, я направился к двери. В коридоре никого не было. Я подошел к лифту и беспрепятственно спустился на первый этаж, в холл. Там тоже не было ни души, и только у стойки администратора, облокотившись на нее всей своей огромной грудью, стояла пожилая блондинка. Она приветливо мне улыбнулась и, заметив, что я направился к выходу, нажала какую-то кнопку. Раздался короткий звонок, и у двери появился почтительный молодой человек в форме швейцара.

– Вызвать вашего водителя, сэр, – вежливо спросил он, масляно при этом улыбаясь, – или вы поедете на такси?

– Ничего не нужно. Хочется просто прогуляться, – я намеренно говорил высокомерно, чтобы поскорее отвязаться от этого услужливого мальчишки. Если бы у меня были хоть какие-то деньги, я бы сейчас сунул ему пару бумажек.

– Но, сэр, прогуляться... – эти слова швейцар произнес с неподражаемым удивлением, – это совершенно невозможно!

– Невозможно? Почему же это невозможно? – я постарался изобразить гневное изумление, но в глубине души уже понимал, что делаю что-то несообразное ситуации и этим выдаю себя с головой. Сейчас мне менее всего хотелось привлекать к себе внимание.

– Да как же здесь гулять... – не отставал человек в ливрее, крепко придерживая меня за локоть. – У нас ведь и негде гулять. Разве что в парке, но попасть туда можно только на такси. Так что я прошу вас, сэр...

– Я хочу прогуляться по улице, понимаете, вы! – заорал я, уже не сдерживаясь. Мне очень не понравилось, что к нашему разговору внимательно прислушивалась толстуха за стойкой. Кто ее знает, какие еще кнопки имеются у нее под рукой? Самое правильное сейчас – это оттолкнуть дурака-швейцара и выбежать наружу...

– Иван, – у лифта стояла Настя, – не сердитесь! В этом районе улицы не приспособлены для пешеходов, понимаете? Мы же в Техасе. Здесь нет тротуаров, только проезжая часть. Ну и, конечно, считается, что гулять по скоростным дорогам равносильно самоубийству: запросто могут задавить, да еще и автомобильные выхлопы... Поэтому швейцар и решил, что вы сошли с ума. А отелю такие происшествия ни к чему: ему незачем портить себе репутацию. Да и потом, вы хоть наружу-то выглядывали?

По стеклянным стенам холла обильно струилась вода: на улице шел проливной дождь. Да-а, ну вот и сбежал... Красиво получилось, нечего сказать!

Не понимавший ни слова по-русски швейцар переводил взгляд с Насти на меня, но локоть все же отпустил. Я вздохнул и медленно пошел навстречу Насте. Неужели настоящий мистер Смит так и не появился? Однажды, еще в самой начале своей карьеры странника, я прошел по чужому пропуску на жутко охраняемую территорию морского порта. Достался мне пропуск накануне совершенно случайно, и я не был уверен, что его владелец – какой-то там таможенник – не заявил о пропаже. Пропустить-то меня пропустили, но ощущения были не из приятных. Я тогда еще не понимал, что на любом строго охраняемом объекте обязательно есть проход, где на тебя никто не обратит внимание. Главное – пошевелить мозгами. Но мне никак не удавалось сообразить, в какую сторону шевелить мозгами сейчас...

Мы с Настей прошли в ресторан при отеле, где я попросил принести мне огромный бифштекс по нью-орлеански. Но мои, казалось бы, закаленные нервы были взвинчены настолько, что я не мог проглотить ни куска. Пришлось заказывать коньяк, чтобы хоть как-то расслабиться. Настя быстро взглянула на меня, но тоже не отказалась от выпивки.

– Иван, а вы ведь совсем не тот, за кого себя выдаете.

Не поднимая глаз от тарелки, я думал о том, что нужно попытаться не торопясь доесть мясо: здесь, в ресторане, меня убивать явно не будут. А уж потом... Но коньяк, поспешно вылитый в пустой желудок, уже ударил мне в голову.

– А за кого, по-вашему, я себя выдаю? – нагло поинтересовался я, взглянув на своего бывшего секретаря.

– Ну-у, пьете коньяк залпом, прямо за обедом... – Настя прищурилась, смешно наморщив носик, – а выглядите как вполне приличный человек. Мне кажется, что с вами сегодня произошло что-то ужасное...

– Настенька, как я уже понял, вам не разрешается рассказывать о своей личной жизни. А расспрашивать меня – это случайно не противоречит вашему протоколу?

– Нет-нет, что вы! Я не собиралась лезть к вам в душу. Просто вы как-то очень заметно нервничаете. И, по-моему, собирались бежать из этого отеля куда глаза глядят, несмотря на проливной дождь. Без денег и без вещей. Если бы не я, вы наверняка сбежали бы. У вас что-то пошло не так, да? Может быть, я могу чем-нибудь вам помочь?..

В тот момент она показалась мне такой искренней, такой непосредственной, что я вдруг подумал: если она действительно подозревает, что я совсем не мистер Смит, то тут возможны только два варианта: или она не хочет закладывать меня начальству, или это самое начальство пока не желает поднимать шум. Ведь, судя по всему, Настина контора – организация серьезная. Кому охота брать на себя ответственность за такой промах? Вопрос только в том, что они собираются делать дальше. Внезапно я решился. А, может, всему виной был так не вовремя выпитый коньяк...

В общем, я рассказал Насте, как и почему попал в то самое подземелье, а потом и на прием к президенту. Голос рассудка упрямо твердил, что я полный идиот; но, поскольку предложить что-нибудь более оригинальное он не мог, то я решил к нему не прислушиваться и не остановился, пока не выложил этой милой девушке все, включая душераздирающие подробности моей встречи с президентом.

Что случилось дальше, я помню плохо. Кажется, я обещал Насте забрать ее с собой, сделать странницей, показать ей настоящую жизнь, вольную и красивую. Ведь она, милая домашняя девочка, ничего не знает о радостях и горестях свободных людей! Утром я проснулся с ней в одной постели, а потом меня собирались пытать. Если бы обслуживающий персонал этого отеля не принял своевременные, хотя и

несколько неожиданные, меры, я был бы уже покойничком. Причем, предварительно кастрированным. Интересно, кто он такой – этот мой кровожадный соотечественник?..

Настя все еще плескалась в душе, а я вдруг почувствовал себя без одежды крайне неловко. В стенном шкафу я нашел аккуратно разложенные вещи и с удовольствием натянул на себя джинсы и теплую рубашку в мелкий рубчик. Посмотрев на себя в зеркало, я решил, что неплохо бы причесаться. По-моему, во вчерашнем пиджаке лежала расческа. Но вместо расчески я обнаружил в кармане мобильный телефон – тот самый, который мне так понравился в Нью-Йорке. Стоило мне взять его в руки, как он заверещал, словно голодный младенец.

– Мы приносим свои извинения за все неудобства, – произнес уже знакомый бесстрастный голос. – К сожалению, в работе нашей системы иногда случаются досадные сбои. Обещаю: виновные в том, что вас так бесцеремонно побеспокоили сегодня утром, будут наказаны.

Я пробормотал что-то невнятное, пытаюсь осмыслить ситуацию. Неужели Настя не поделилась своими догадками с начальством, и мои вчерашние пьяные откровения так и остались между нами? Как минимум, этот звонок означает, что мистер Смит все еще не объявился, и я продолжаю оставаться в роли самозванца. А что, если?..

– Послушайте, – неожиданно сказал я в трубку, – я бы хотел отменить все запланированные мероприятия и уехать. Учитывая то, что произошло сегодня, в ближайшее время в ваших услугах я не нуждаюсь.

Это был выстрел наугад, но ничего лучшего в голову не пришло.

– Вы недовольны нашим сервисом? – после небольшой паузы поинтересовался голос, и мне показалось, что в нем проскользнула легкая ирония. – Ну что ж, в таком случае, мы, разумеется, сейчас же снимем охрану. Остается только один вопрос: секретарь вам, как я понимаю, тоже не нужен?

На сей раз мой невидимый собеседник говорил с откровенной издевкой. Понятно было, что о нашем с Настей стремительном любовном приключении им хорошо известно. Неожиданно я разозлился, хотя и понимал, что сейчас не время и не место для эмоций.

– Какого черта вы иронизируете?! От вашего бюро добрых услуг меня уже подташнивает! Забирайте себе вашу секретаршу и забудьте о моем существовании, понятно?

Телефон молчал. Похоже было, что мой собеседник, задав вопрос, сразу же отключился. Ну и черт с ним! Теперь я могу вполне открыто свалить туда, куда мне заблагорассудится. По крайней мере, можно попробовать. Я оглянулся на дверь в ванную комнату: что-то там Настя долго возится... Тем более, что вода уже давно перестала шуметь. Я и с мэри стараюсь утром расстаться по-дружески, а уж с ней...

Я постучал, но ответом мне было молчание. Почему-то оно мне сильно не понравилось. Изо всей силы толкнув хлипкую дверь, я влетел в ванную. Яркий свет, кафельная плитка, начищенные до блеска никелированные краны, влажное полотенце... Но Насти нигде не было. Я невольно огляделся, хотя в небольшой комнатке все на виду: спрятаться было негде. Да-а, только этого мне и не хватало...

– Настя! – позвал я, чувствуя себя полным идиотом.

Даже если предположить, что здесь имеется потайная дверь, у Насти не было никаких причин ею пользоваться. Далеко ли она могла уйти без одежды?

– Настя, ты где?

Я категорически не верю ни в какую мистику, а признаю только скучную причинно-следственную связь, на которой и построен наш мир. Ну и черт с ней, с Настей! Меня совершенно не касается, куда она исчезла из ванной. Если ее хозяйева решили таким образом поразить мое скудное воображение, то будем считать, что им это не удалось. Значит, попрощаемся с девушкой в следующий раз. Я выскочил из ванной, в раздражении громко хлопнув дверью. Все, пора уходить, пока не поздно.

Но за время моего недолгого отсутствия в комнате кое-что изменилось. В кресле сидел старик – милый дедушка лет восьмидесяти, если не больше. С румяными щечками и чуть выцветшими глазами. Только в Америке я встречал таких благостных старичков, доживающих свой век спокойно и весело. Увидев меня, он закинул ногу на ногу, покачал седой головой и тут же подпер ее сухой ладошкой с большущим перстнем на мизинце.

– Значит, говорите, президент очень ругался, узнав, что вы русский? – сказал он мне так, словно мы беседовали уже часа полтора, и я просто отлучился на секунду в туалет. – Ай-ай-ай, какая накладка! Даже как-то неловко перед мистером президентом. Да уж ладно, сделанного не воротишь. Не правда ли?

Он помолчал и добавил таким тоном, словно беседовал со мной о ком-то другом, постороннем:

– Пока вы мне нравитесь. Только вам не следует слишком уж гордиться собой.
Гордость – она вообще до добра не доводит...

Старик рассмеялся каким-то почти детским смехом и жестом предложил мне присесть. Я медленно опустился на кровать, понимая, что теперь мне спешить некуда. Что мои приключения только начинаются.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СТРАННИК

Самолет – эта отвратительная трясучая железяка – висел, словно привязанный ниточкой, над ослепительными облаками. Время от времени казалось, что кто-то сверху подергивал нитку, и тогда по всему корпусу пробегала отвратительная дрожь. Я давно научился чувствовать себя как дома практически в любой обстановке – даже в набитом бомжами российском подвале, где совсем недавно прорвало канализацию, – но только не в самолете. Стоит этой тяжелой крылатой машине оторваться от земли, и уже никакое знание законов аэродинамики не может успокоить мои натянутые как стрела нервы. Но сегодняшнее путешествие не показалось мне столь мучительным. Хотя никто не держал меня за руку, как вчера... Вспомнив о Насте, я вздохнул. Ее роль во всей этой истории до сих пор оставалась для меня загадкой. Как, впрочем, и многое другое. Всякую загадочность я ненавижу еще больше, чем летать. Даже в бытность мою оседлым законопослушным гражданином я терпеть не мог мистику или детективы. И то, и другое раздражало своей многозначительной бессмыслицей. Уже став странником, я старательно обходил все ситуации, в которых было много непонятого – слишком уж велик риск нарваться на неприятность. Но чаще всего жизнь на Улице довольно незатейлива. Если, конечно, строго придерживаться определенных правил.

К сожалению, на этот раз я оказался по уши завязанным в какую-то довольно таинственную историю. Разобраться в ней или попросту сбежать куда глаза глядят пока не удавалось. Впрочем, о бегстве лучше не думать. По крайней мере, старик, с которым я беседовал в том злополучном номере гостиницы, вполне доступно объяснил мне, что попытаться исчезнуть было бы с моей стороны непростительной глупостью и мальчишеством.

– Мне нравится, Иван, как вы вели себя все это время, – сказал он, постукивая себя мизинчиком по румяной щечке. Огромный камень в перстне поблескивал, ловя

скупой свет, пробивавшийся сквозь неплотно задернутые шторы. – Вы оказались, как говорится, в нужном месте и в правильное время. Как раз сейчас, когда у нас возникла острая нужда в русских сотрудниках. Мы тут уже думали и так, и сяк: русские переводчики совсем никуда не годятся, разве что какие-нибудь законсервированные агенты ЦРУ, много лет живущие в России. Но связываться с этой нелепой бюрократической машиной, у которой левая рука не знает, что делает правая – слуга покорный! А эмигранты, так называемые жители Брайтона... Нет, наверное, и среди них есть сообразительные люди, но слишком уж они американцы. Даже те, которые приехали сюда совсем недавно. Эффект неопита: каждый новообращенный немедленно старается стать, как говорится, святее самого Будды...

Старичок разглагольствовал с видимым удовольствием и, как бы мне ни хотелось поинтересоваться, зачем, собственно, я ему понадобился, голос рассудка подсказывал, что сейчас лучше помолчать – здоровее буду. Я только слегка поерзал на одеяле, вдыхая тонкий, но еще вполне различимый запах женщины.

– Кроме того, мы совершенно не кровожадны, поэтому убивать человека без особой нужды было бы непростительным варварством... ну и, конечно, разбазариванием потенциальных кадров. А кадры, как говорил ваш Сталин, решают все...

Видимо, старичок все же уловил мое нетерпеливое движение, потому что после небольшой паузы наклонился ко мне и продолжил уже более деловым тоном.

– В общем, сообразительный русский парень может нам пригодиться. Признаюсь, сразу заподозрив неладное, мы навели некоторые справки. То, что я узнал о вас, мне очень понравилось. Вы странник, человек Вселенной. Так вот, я и решил, что вы не откажетесь поработать с нами. Правда, вы уже и так работаете: вон как нашего президента перепугали! Думаю, что вы поняли: произошла довольно серьезная накладка. Встречу с президентом мы организовали для одного очень влиятельного русского бизнесмена... Но в жизни, как вы знаете, часто случаются самые невероятные вещи. Судьбе было угодно, чтобы вы угадали секретный код, полученный этим самым бизнесменом. Кстати, с ним тоже произошла загадочная история: из Англии, где он проживает в последнее время, он вылетел вовремя, а вот до Нью-Йорка почему-то так и не добрался. Занятно, правда? Ну, а вы просто попались под руку. Ваше умение выкручиваться из щекотливых ситуаций оказалось весьма кстати. Вот мы и

использовали вас как подставного болвана, уж извините. Но работать с вами таким образом и дальше мне представляется неразумным: слишком уж вы предприимчивы. Одно только ваше пальто, начиненное инструментами, чего стоит!

Старик рассмеялся и, наклонившись еще ближе, по-приятельски похлопал меня по руке. Его ладонь была холодной и гладкой.

– Кстати, меня зовут Джек Триммер. А вас мы будем называть Иваном, раз уж вам пришлось по душе это имя. Я прибыл сюда сегодня специально для того, чтобы побеседовать с вами. Так что, Иван, давайте-ка я познакомлю вас с некоторыми особенностями работы нашей фирмы.

Менее всего я стремился оказаться посвященным в их «фирменные» секреты. Горничная с ее жутким пылесосом все еще стояла у меня перед глазами. Кажется, я охотнее поссорился бы со всеми колумбийцами сразу, нежели добровольно связался бы с этой милой компанией.

– А если вдруг я кому-нибудь разболтаю ваши тайны? – стараясь, чтобы это прозвучало как можно более наивно, поинтересовался я. Вопрос был совершенно идиотским, но я простодушно рассчитывал, что именно поэтому старик и не станет со мной откровенничать.

– Дорогой мой... Кажется, я перехвалил вашу сообразительность. Вы совсем не представляете себе, о чем говорите. Даже если предположить, что вы окажетесь таким безмозглым болтуном, то вам просто никто не поверит. А самое главное, вы будете знать ровно столько, сколько вам полагается – не больше и не меньше. И потом... боюсь, стоит вам отказаться от работы в фирме, как ваши соотечественники – вроде того самого, который сегодня пытался побеседовать с вами, – тут же постараются вас найти, чтобы закончить начатое. Согласитесь, что вам куда спокойнее иметь дело с нами.

Старик внимательно посмотрел на меня и улыбнулся, обнажив прекрасные фарфоровые зубы. – А-а, теперь я, кажется, начинаю понимать! Вы просто опасаетесь, что окажетесь обладателем смертельно опасной информации, и поэтому валяете дурака. Ну-ну, не бойтесь: мы же не мафия, в конце концов...

Ага, не мафия... я уже обратил на это внимание! Только легче мне от этого не становится. Ладно, похоже, следует действовать по старинному уличному правилу: расслабиться и сыграть в поддавки.

– Поверьте, все довольно невинно. Вас никто не будет заставлять шпионить или стрелять из-за угла. Никаких таких глупостей. Да ведь и вы сами, насколько я понимаю, специалист в несколько другой области. Наша фирма – или, как мы ее называем, Бюро – занимается обслуживанием очень богатых людей. Повторяю, *очень* богатых. Таких, рядом с которыми обладатель ста миллионов долларов выглядит владельцем мелочной лавки. Если говорить откровенно, то наша работа состоит, в основном, в том, чтобы удовлетворять прихоти миллиардеров. Вы можете себе представить, чего именно не хватает людям, у которых есть практически все? Даже и не трудитесь отвечать, все равно не угадаете. Это только нуворишей – или скоробогачей, как их когда-то называли у вас в России – интересует роскошь: дворцы, машины, яхты... А если у людей все это было с рождения? Так вот, Иван, и у них тоже есть масса самых разных желаний. Иногда весьма... я бы сказал... необычных. Вот уже почти пятьдесят лет наша фирма занимается обслуживанием именно этих людей. А в последнее время у нас появились и русские заказчики. Представьте себе, ваши олигархи тоже заинтересовались тем, что мы можем им предложить. Но круг русскоязычных служащих у нас, увы, крайне невелик. Вот, собственно, и все.

Я снова вспомнил жуткий подвал, комнату с трупом молодой девушки... и подумал, что фантазии у господ миллиардеров довольно странные. А еще вспомнил того молодого человека с пистолетом за ремнем, спасаясь от которого, я и провалился в люк. Похоже, что у этого бюро добрых услуг действительно имеется довольно широкий круг возможностей, но и недоброжелателей им тоже вполне хватает. В частности русских...

– Вы, наверное, полагаете, что я рассказываю вам сказки, – старик смотрел на меня в упор, и в его глазах затаился какой-то сумасшедший пугающий смех. – У вас на родине говорят, что лучше один раз увидеть, чем несколько раз услышать. Собирайтесь, сейчас вас отвезут в аэропорт. Пару дней вы проведете в нашем специальном Центре. Уверен, вам там понравится. А потом Майер посвятит вас в детали вашего первого задания. Повторяю: не беспокойтесь, вам не придется делать ничего противоречащего вашим убеждениям...

...Чертов самолетик накренился на одно крыло и направился вниз, прямо в облака. Хрустальный стакан с коньяком медленно заскользил по столику, так что пришлось взять его в руки и выпить залпом. Кресло подо мной завибрировало. Когда

мы, наконец, вынырнули из облаков, я взглянул в иллюминатор: земля оказалась неожиданно близко. Но, сколько я не всматривался, не заметил ничего похожего на город. Пустыня уходила куда-то за край горизонта и отчетливо выгибалась дугой, как это ей и положено в соответствии с утверждением о том, что наш мир – довольно небольшой шарик. Насколько я что-либо понимаю в географии, это была либо Аризона, либо Невада.

Так что я не очень удивился, выйдя из самолета и вдохнув горячий, сухой, с легким привкусом песка, воздух. Солнце уже садилось, но над взлетной полосой застыло горячее марево. Не было видно даже привычной для любого аэропорта башни управления. Полосатая, без ветра сникшая, как использованный презерватив, кишка на высокой штанге – и все. А вокруг – пустыня. Хорошее местечко – тихое и безлюдное. И никаких тебе встречающих...

За спиной послышался лязг: это захлопнулась дверь самолета. Он явно не собирался здесь задерживаться. Интересно, подумал я, что мне следует делать дальше? В любом городе нашей планеты я чувствую себя как дома, но в пустыне в качестве отшельника не продержусь и двух дней: навыки не те. Я еще раз растерянно оглянулся на самолет и сразу же заметил стремительно приближающуюся прямо по взлетной полосе точку. Через минуту я разглядел, что мне навстречу движется небольшой открытый джип. И снова не очень удивился: за рулем в легкой маечке, белой бейсболке и огромных, закрывающих пол-лица солнечных очках сидела пропавшая было Настя.

– Извините, Иван, что заставила вас ждать, – произнесла она, лихо затормозив, так что машину слегка занесло на покрытом колючим песком бетоне. Любопытно, подумал я, кажется, еще сегодня утром мы были на «ты»... Хотелось бы знать, когда она успела переместиться в эту пустыню. Ну, только если предположить, что прямо из ванной ее отвезли в аэропорт... В общем, сейчас это и не имело никакого значения.

– Да что вы стоите столбом, вот смешной какой! Хоть бы пиджак сняли: жара же просто немилосердная! Вот вам очки, а то ослепнете, хоть и вечер уже, да и пыль тут ужасно летучая.

Она протянула мне темные очки – точно такие же, как у нее самой.

Этот ее легкомысленный тон как-то не слишком сочетался с окружающим нас суровым пейзажем и еще менее – с предстоящей мне миссией. Да и вообще я, хоть

убей, не помнил, что у нас с ней было прошлой ночью. Но, несмотря на свое глубокое предубеждение против вот таких фиф, был чертовски рад снова увидеть Настю.

Забросив чемодан на заднее сидение, я скинул пиджак и уселся рядом с ней. Джип рванул с места, и мы стали стремительно удаляться от самолета. Я постарался устроиться поудобнее, мельком подумав, что это отнюдь не комфортабельный салон лимузина. Мы успели доехать до конца взлетной полосы и свернуть на столь же пустынную асфальтированную дорогу, когда над нами пронесся взлетающий самолет. Я невольно пригнул голову, а Настя рассмеялась.

– Здесь ко всему следует привыкать быстро, – сказала она, как только гул реактивных двигателей перестал давить на уши. – Вообще я очень люблю бывать в Центре. Здесь гоняешь на машине просто с закрытыми глазами. Класс! А ночью можно ездить и вовсе без дороги, даже не включая фар... А вы любите водить машину, Иван?

– Предпочитаю, чтобы возили меня. Особенно, когда за рулем мой секретарь.

Настя рассмеялась и соблазнительно повела плечами. Под маечкой совсем ничего не было, и эта приятная картинка снова заставила меня вспомнить сегодняшнее утро... Черт, совсем размазней стал с этой бабой!

– Открою вам, Иван, один большой секрет. Я вовсе не секретарь. Просто захотелось пообщаться с вами: давно не видела соотечественников. Как узнала, что вы русский, сразу же предложила Майеру сопровождать вас. Знаете, как трудно изображать из себя эдакую деловую воблу-распорядительницу? Расписание, блокнотик, умное выражение лица...

– Но вы работаете в этом... Бюро? – спросил я, не отрывая взгляда от серой полосы дороги, ведущей в никуда. Смотреть налево было опасно: из-за жестких рессор проклятого джипа грудь Насти просто выскакивала из этой легкомысленной маечки...

– Я? Нет, конечно! Я тут... как бы вам сказать... отдыхаю, что ли. То есть, вообще здесь, в Америке. Как только услышала, что вас посылают в Центр, сразу попросила у мистера Триммера самолет. Хотелось все вам тут показать самой: очень приятно чувствовать себя в таком вот месте кем-то вроде хозяйки. Да погодите, вот приедем, и вы сами все поймете. Ну и мистер Триммер мне, конечно же, не отказал. Он вообще славный. Так что, если вы не против, я побуду с вами еще некоторое время.

Я промолчал. Тем более, что горячий, словно вырвавшийся из духовки ветер отчаянно жег кожу, спекая губы в сухую корку. В любом случае, я бы не стал

уточнять, что конкретно означает выражение «побыть с вами». Следовало еще переварить информацию о том, что Настя вовсе не работник Бюро. Если, конечно, она не врет. Будь на ее месте обычная уличная мэри, я бы быстренько во всем разобрался, но с фифами не общался довольно давно и поэтому чувствовал, что такой девушке ничего не стоит меня обмануть. Только для чего это ей? Или, может быть, не ей, а старичку Триммеру?..

Мы пронеслись мимо пары взлетных полос, и я мельком удивился: кому и зачем могли понадобиться все эти дорогостоящие сооружения посреди пустыни? Правда, если фирма действительно ублажает миллиардеров, то с расходами они явно не считаются.

– Мы почти на месте! – Настя довольно резко выкрутила руль и подъехала к невысокому длинному ангару, блестящему на солнце алюминиевыми пятнами там, где серая защитная краска выгорела и искрошилась. Вокруг было разбросано несколько похожих строений. Да-а, если это и есть их Центр, то выглядит он как-то совсем уж по-нищенски. Мне, в общем-то, все равно, но что привлекательного могла тут найти Настя?

– Вы, вероятно, ужасно устали от жары и хотите пить. Это я виновата: нужно было взять закрытую машину, там хоть кондиционер есть. Но я так люблю ездить с ветерком! – она нажала какую-то кнопку на панели джипа и длинная створка ангарной двери медленно поползла в сторону. – Ну вот, Иван, приготовьтесь: я привезла вас в настоящую страну чудес!

Мне казалось, что в бараке совершенно темно и, чтобы хоть что-то видеть, я стянул темные очки. Но все равно ничего не увидел. Не понимаю, как могла здесь ориентироваться Настя, но она уверенно завела джип внутрь. На секунду мы остановились, а потом Настя хихикнула и вдруг изо всех сил нажала на газ. Джип послушно подпрыгнул и понесся вперед. Мои глаза успели немного привыкнуть к полумраку, так что я заметил стремительно надвигающуюся на нас стенку с рядом узких окошек под самым потолком. И только успел покрепче сжать зубы, чтобы не закричать. Эта девушка сумасшедшая?..

Когда стена оказалась совсем рядом, нас подбросило еще раз, и у меня возникло странное ощущение, что мы проваливаемся сквозь землю. И только чуть позже я сообразил, что мы уносимся по длинному пологому пандусу куда-то в подземный

коридор, освещенный спрятанными в металлические «намордники» фонарями. Дались же им эти подземелья! То в Нью-Йорке, а теперь здесь, в пустыне...

– Ну вот, мы и на месте, – с удовлетворением заметила Настя, когда мы выехали в довольно просторное помещение, где стояло еще несколько машин – огромный «хаммер» армейского образца и парочка «седанов». В самом углу приткнулся длинный трехосный лимузин – родной брат того, на котором недавно возили меня.

– Сейчас пойдем в главный корпус, и вы сами увидите, как здесь здорово.

Очевидно, выражение моего лица было довольно скептическим. Кроме прохлады, от которой прилипшая к спине рубашка превратилась в холодный компресс, ничего чарующего в этом подвале я пока не заметил.

Настя притворно нахмурилась, но тут же рассмеялась и заявила, что я совершенно ничего не понимаю. Потому что, во-первых, на поверхности жуткая жара и песок, а здесь кондиционеры и свежий воздух; а, во-вторых, пещера Али-Бабы не идет ни в какое сравнение даже с главным корпусом Центра, не говоря уж об отдельных корпусах.

– Ну почему, Иван, в вас нет ничего романтического? А еще говорят, что все мужчины – немного мальчишки... Неужели вам ну совсем не интересно? Кстати, не забудьте чемодан: не буду же я нести его за вас.

Неожиданно я почувствовал поднимающееся во мне раздражение. Не знаю, кто такая эта Настя, но то, что представляется ей занятным приключением, для меня может оказаться смертельно опасной авантюрой. Я вспомнил, что поведал мне старик о русских клиентах. Интересно, какую именно услугу оказывает Бюро Насте? Или, скорее всего, ее папаше-олигарху. Девчушка-то, прямо скажем, необычная. Я вспомнил, как невозмутимо вела себя моя юная спутница в номере гостиницы... Другая бы на ее месте завизжала или в обморок грохнулась. А эта...

Настя открыла массивную двустворчатую дверь, и мы оказались в помещении, чем-то смутно напоминавшем холл нью-йоркского отеля «Мариотт», что на Таймс-Сквер. В вечерние часы из-за огромного потока посетителей швейцары совершенно не способны контролировать ситуацию, и поэтому я – изредка, чтобы не примелькаться, – заходил туда поработать. Лифты в прозрачной трубе прямо посреди огромного зала, идущие по кругу балконы на каждом этаже, пальмы в кадках и льющийся через

стеклянный потолок солнечный свет... Я посмотрел вверх: этажей было никак не менее восьми. Только, в отличие от «Мариотт», здесь, кроме нас с Настей, не было ни души.

– Ваша комната восемьсот двенадцатая. Она почти на самом верху, прямо у пирамиды. Видите свет? Это особая стеклянная пирамида, вроде той, что в Лувре. Сейчас мы оставим ваш чемодан, поужинаем и... – Настя загадочно улыбнулась, – я покажу вам такое, что сразу заставит вас поверить в чудеса.

А если я скажу ей, что чертовски устал, и больше всего на свете мне хочется поспать? Нет, это, конечно, глупость. Я вдруг подумал, что следует использовать энтузиазм этой девчонки в своих целях. Чем больше я буду знать, тем мне будет легче в недалеком будущем. При мысли о будущем я загрустил. Похоже, что эти люди действительно не стеснены в средствах. Насколько я понимаю, большие деньги возносят человека над любым законом. Что этим людям жизнь и судьба какого-то несчастного Странника...

Настя, совсем как маленькая нетерпеливая девчонка, потащила меня по коридору и распахнула дверь: номер был вполне уютный, хотя и небольшой по размеру. Впрочем, если сравнивать его с той нишей, в которой я провел несколько предыдущих ночей, преследуемый идиотом-попрошайкой... Черт, уже в который раз замечаю: неожиданное возвращение к благам цивилизации сказывается на мне крайне отрицательно. Страннику не следовало бы так расслабляться. Мой единственный дом – Улица. Да, когда-то я сам выбрал и этот дом, и этот мир отверженных – жестокий, но вполне справедливый...

– Вообще-то, – прервала мои размышления Настя, – все это было построено давным-давно, но народ съехался сюда сразу же после тех страшных терактов в Нью-Йорке. Ну, знаете, перепугались люди, вот и решили перебраться в это комфортное убежище. Правда, потом уж, когда страх прошел, это здание стали потихоньку использовать для других целей. А до этого тут была военная база... или что-то в этом роде. Мне Майер рассказывал.

Я запихнул чемодан в стенной шкаф.

– А теперь, – добавила Настя тоном старшей пионервожатой, – пойдете, я отведу вас в ресторан. Вы ведь, наверное, ничего не ели со вчерашнего вечера.

Вспомнив о вчерашнем, она смущенно улыбнулась. Ну, надо же, просто пай-девочка, да и только! В другое время я бы, конечно... Впрочем, в любое другое время я бы и близко к ней не подошел.

– А после ужина я покажу вам кое-что. Такое, что вы просто ахнете. Ну, не буду открывать секрет заранее. Страшно подумать, что бы началось, узнай об этом журналисты. Пойдемте, пойдемте, Иван, не пожалее! Тут недалеко совсем...

– А что, здесь никто не живет... кроме нас? – спросил я, пока мы шли по длинному, округлому, застеленному веселеньким зеленым ковром гостиничному коридору. Я так и не решился обратиться к Насте на «ты». Черт его знает, как отреагирует эта избалованная девчонка на такую фамильярность. Что-то в последнее время я сам себя не узнаю: теперь вот побаиваюсь какой-то фифы...

– Ну-у, это не совсем так, – недовольно ответила Настя, мысли которой явно были заняты предстоящим мне «сюрпризом». – Есть несколько постоянных жильцов. Такие чудачки, просто диву даешься! Две старые тетки и мужик – молодой, но уж очень странный. А так все время кто-то появляется и исчезает. Вот и сегодня приехала какая-то парочка, говорят, на медовый месяц. Только я их не видела. А еще здесь живет один древний дедок. Вообще-то он поселился в этих краях давным-давно – еще до того, как построили Центр. Такой противный! Как узнал, что я русская, так все время лезет с разговорами, несет какую-то чушь. Я стараюсь его избегать. Правда, это только один из корпусов Центра. Есть еще несколько, но туда меня не пускают. Чтобы попасть в них, нужно знать специальные коды. Все так таинственно... Говорят, там у них какие-то восточные дворцы, и живет в этих дворцах то ли султан, то ли шейх со своим гаремом. Только чудес и здесь хватает, честное слово! Вот, например, сегодня вечером состоится ежегодный бал. Говорят, это что-то необыкновенное! Я и сама еще не очень знаю, что там и к чему, но, по слухам, в этот день в Центр съезжается целая куча всякого интересного народа. По крайней мере, вокруг этого бала столько таинственности, недомолвок, столько всяких приготовлений, что мне даже страшно становится... Просто бал Сатаны, да и только! Вот, нам сюда.

Когда мы спустились вниз, Настя сдернула с лица темные очки и очень серьезно посмотрела на меня. А я вдруг – ни с того, ни с сего – ляпнул:

– Скажите, Настя, а почему утром, в отеле, вы сбежали прямо из ванны?

Мне показалось, что Настя смутилась.

– Понимаете, Иван, я ведь знала, что через несколько минут вы должны встретиться с мистером Триммером. Мне не очень хотелось присутствовать при этой беседе, потому что вы могли бы подумать, что я вас предала и заманила в ловушку. Но это не так: мистер Триммер почти сразу понял, что вы не тот, за кого себя выдаете. А тут еще это нападение... В общем, объясняться не было времени, и я решила, что проще исчезнуть. Кстати, насколько мне известно, сейчас ведется серьезное расследование: необходимо выяснить, кто именно на вас напал. Поэтому мистер Триммер и попросил вас провести несколько дней в Центре. Здесь совершенно безопасно. А мне захотелось помочь вам освоиться. Ну, чтобы вы не скучали, что ли. Но мне и самой очень нравится быть вашим гидом. Ведь, знаете, когда показываешь кому-нибудь что-то интересное, то кажется, будто сама на все это смотришь в первый раз. А вы... – Настя фыркнула и повела плечиком. – Ладно, пойдемте уже в ресторан, очень есть хочется.

В небольшом причудливо устроенном зальчике я увидел первых жителей этого Центра. Столики разделяли огромные, высотой в человеческий рост, плоские аквариумы с яркими тропическими рыбками. Сквозь толщу воды все предметы и лица казались искаженными. И только официант – рослый светловолосый парень с мягкими повадками нинзя – выглядел единственным нормальным существом в этом фантазмагорическом подводном царстве.

– Помните, я говорила вам про того ужасного старика? Ну, который все время пристает ко мне? – Настя наклонилась над тарелкой и заговорщицки скосила глаза на аквариум справа от нас. – Видите, вот он, всегда сидит один в том же углу. Вообще-то здесь не принято подходить к чужим столикам, но если он заметит меня, то сразу же полезет с разговорами, вот увидите!

Я взглянул на старика через аквариумное стекло. Лицо его – высокий лоб, мягкий подбородок, небольшие, близко посаженные глаза – показалось мне странно знакомым. Но где я мог видеть этого человека? Ведь, если верить Насте, он торчит тут уже много лет...

– Я обещала вам показать одно любопытное местечко. Пойдемте, только обещайте мне, что не будете бояться.

– Если мне там предстоит пообщаться с Лохнесским чудовищем или призраком Марии Стюарт, то должен вас заранее предупредить...

– Иван! Вы что, не понимаете, что Центр находится как раз на территории «Объекта пятьдесят один»? Я не шучу! В паре-тройке миль отсюда расположен военный аэродром. Но это так, для отвода глаз. Вернее, говорят, что когда-то его построил сумасшедший миллионер – авиатор Говард Хьюз. Слышали о таком, наверное? С него-то все и началось. Здесь, на этом аэродроме, в обстановке жуткой секретности он испытывал свои летательные аппараты. А когда произошла та история с НЛО – ну, вы, наверное, помните, об этом везде писали – пришлось выстроить ангар. Откуда-то привезли тарелку. Майер говорит, что и сам не знает, настоящая ли она. Но, по его словам, она служит отличным прикрытием для Центра. Какой дурак-журналист, обнаружив на поверхности вот такую летающую тарелку, полезет сюда, вниз? Хотя и до нее добраться практически невозможно: тут же на много миль вокруг сигнализация, не говоря уже о заграждениях и вооруженной охране на джипах...

Мне почему-то сильно не понравилось, что Настя так подробно рассказывает про охрану. Намекает на полную невозможность выбраться отсюда? Зачем, если я и так не собираюсь бежать, а собираюсь, наоборот, терпеливо ждать этого самого Майера? Я с тоской огляделся по сторонам. Спрашивается, что я здесь делаю? В мои планы посещения Америки входило путешествие через весь континент до Сан-Франциско и, если бы я случайно не задержался в Нью-Йорке на какой-то несчастный лишний денек... Впрочем, запоздалые сожаления – самое бессмысленное занятие на свете.

– Простите, что нарушаю ваше уединение...

Голос прозвучал прямо над моим ухом. От неожиданности я даже вздрогнул. Высокий плотный старик, опираясь на тяжелую старомодную трость, улыбался Насте.

– Признаться, Настя, я скучал без вас. Буду откровенен: всегда любил общение с умными женщинами. Надеюсь, ваш спутник не станет ревновать... – старик чопорно поклонился мне и снова повернулся к Насте. – Уж простите старого ловеласа за сентиментальность, но вы удивительно напоминаете мне мою жену.

– Познакомьтесь, Иван – принужденно улыбнулась Настя, – это Джон. Джон, это Иван, он тоже русский.

– О-о, вы знаете, Настя, что я всегда любил вашу страну и с удовольствием побеседовал бы со свежим человеком. Но мне, увы, пора: эти врачи просто измываются надо мной, заставляя соблюдать режим.

Старик широко улыбнулся и склонил голову.

– Мы еще увидимся с вами, не так ли? Всего доброго Настя, Иван.

Он еще раз кивнул и стал удаляться, легко пробираясь между аквариумами. Я не мог ошибиться: мне действительно знакомо лицо этого человека! Только, должно быть, я знал его немного другим – молодым и энергичным. Хотя старик и сейчас, похоже, вполне бойкий. Сколько ему лет? Восемьдесят? Девяносто? Нет, это совершенно невозможно...

Настя начала было что-то говорить, но я довольно невежливо вскочил из-за стола и бросился вслед за стариком. Словно из-под земли на моем пути вырос официант-нинзя, и я ударился о его грудь, словно о стенку. Каменно улыбаясь, он легко подтолкнул меня назад, к нашему столику, и я понял, что дальше мне не пройти. Тем временем старик вышел в холл и, словно почувствовав мой взгляд, обернулся и помахал мне на прощание рукой. Больше никаких сомнений не оставалось: передо мной стоял убитый почти полвека назад Джон Фицджеральд Кеннеди.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДЖОАН

Шум двигателей смолк, и в наступившей тишине Джоан услышала голоса. Еле уловимый сквознячок колыхнул занавеску, загораживающую закуток стюардессы, но в салон никто не вошел. Джоан посидела еще немного, прислушиваясь, а потом встала и решительно направилась к выходу. Ее, конечно же, будут встречать, но это вовсе не означает, что она обязана дожидаться встречающих в самолете. Тем более, что Джоан еще никогда не бывала в пустыне. Правда, если верить фильмам, смотреть тут особенно не на что. Но не сидеть же в душной кабине!

Джоан прошла мимо стюардессы, чем-то занятой в сверкающей чистотой крохотной кухне, выглянула в открытую дверь и полной грудью вдохнула свежий прохладный воздух. Вокруг, под низким черным небом, как будто провисающим от тяжести ярких крупных звезд, действительно раскинулась пустыня. Интересно, в какой стороне Лас-Вегас? Джоан поморщилась. Легкий ветерок донес до нее острые запахи разогретого металла и бензина: к самолету подъехал грузовик-заправщик. Двое парней в робах полезли под белое брюхо крылатой машины, таща за собой толстый гофрированный шланг. Мотор грузовика рыкнул и завыл на высоких оборотах.

Джоан спустилась по лесенке на землю и огляделась по сторонам. Застывшая в дверях стюардесса посмотрела на нее с удивлением, но ничего не сказала. Очевидно, подумала Джоан, у них не принято покидать самолет до того момента, когда подъедет машина. Ну и пусть думают, что она плохо воспитана! В конце концов, у нее, актрисы, могут быть свои причуды. Темноты Джоан не боялась: мощные фары бензозаправщика давали достаточно света.

Вдруг Джоан сообразила, что забыла позвонить Виктору, который наверняка ее разыскивал. Немного отойдя от самолета, она достала телефон. К ее удивлению, никто не ответил... Джоан помедлила, а потом вспомнила о разнице во времени: в Нью-Йорке была поздняя ночь. Вероятно, Виктор давно уже спит. Ну ничего, подумала она,

завтра он обязательно увидит, что она звонила – и перезвонит сам. Оставлять сообщение на автоответчике ей не хотелось. В конце концов, она не была уверена, что окончательно простила его.

Таких автомобилей Джоан еще не видела. Большой, приземистый, со смешными высоко поднятыми острыми крыльями, он появился неожиданно, и свет фар ослепил ее. Это приехали за ней! Стараясь держаться как можно более непринужденно, Джоан помахала рукой. Смешной автомобиль, как будто вынырнувший из фильмов пятидесятых годов, остановился неподалеку, но не подавал никаких признаков жизни. Сквозь темные тонированные стекла она не могла разглядеть сидящих внутри людей, но почувствовала, что за ней пристально наблюдают. Это довольно-таки невежливо, подумала Джоан, могли бы и дверь открыть. Но длинный автомобиль застыл и не подавал признаков жизни.

Внезапно разозлившись, Джоан подошла поближе. Она не позволит вот так себя разглядывать – как куклу или манекен. Она давно уже не та робкая простушка, которая приехала в Нью-Йорк несколько лет назад! Что взбрело ей в голову, почему она вдруг решила обойти автомобиль, Джоан и сама не очень поняла. Но, приблизившись, она увидела узкую темную полоску: стекло было слегка приспущено. Сейчас она покажет этому наглецу, что такое настоящая леди, подумала она. И тут дверь автомобиля беззвучно открылась. Какой-то худой старик пристально смотрел на нее из полутемной глубины салона.

– Я знал, что когда-нибудь увижу тебя снова. Столько лет, столько попыток, и все было не то, все ерунда... Но на этот раз получилось! Это я понял сразу. Ты шла... такая одинокая в этих песках... Совсем как когда-то, помнишь? Мне даже показалось, что это мираж, бродящий по пустыне с тех самых пор. Но ты – вовсе не мираж, теперь я это вижу...

Странный старик что-то еще говорил, но Джоан не слушала его. Если этот ненормальный был послан встречать ее, Джоан, то она могла бы засвидетельствовать: он очень плохо справляется со своими обязанностями. Словно спохватившись, он довольно проворно выбрался из машины.

– Я приношу свои извинения, но ты так похожа на Нее, что я забылся. Не пугайся, я не впал в маразм. Просто воспоминания...

Старик довольно ловко подсадил Джоан и, по-прежнему бормоча извинения, расположился напротив. Машина развернулась и, плавно набирая скорость, понеслась по пустыне. Джоан встретила глазами со стариком и вдруг почувствовала что-то вроде узнавания. Хотя могла бы поклясться, что никогда раньше его не видела. К тому же старик говорил о Той так, словно они были хорошо знакомы. Слишком хорошо знакомы... Странные подозрения охватили Джоан, она растерянно оглянулась, но вокруг раскинулась темная бескрайняя пустыня. Ладно, сказала себе Джоан, все не может быть просто. Это было бы уж слишком хорошо. Но странный старичок – это еще не беда. В конце концов, он совершенно безвредный и даже не дотронулся до меня... И Джоан любезно улыбнулась старику.

Центр оказался большой роскошной гостиницей экстра-класса, только почему-то расположенной под землей. Номер, в который старик привел Джоан, вполне подходил, по ее мнению, для приема глав правительств дружественных государств. Все те небольшие мотельчики, в которых Джоан доводилось останавливаться до сих пор, не выдерживали никакого сравнения с этим приютом миллионеров. Старичок показал ей спальню, гостиную и кабинет, внимательно посмотрел в глаза и вежливо сообщил, что придет за ней ровно в полночь, чтобы вместе отправиться на бал. У нее еще есть время для того, чтобы отдохнуть – ведь в самолете она, наверное, почти не спала. Джоан уже достаточно вошла в роль и спокойно кивнула. Старик помедлил еще немного, словно посыльный, ожидающий чаевых, но потом покачал головой, улыбнулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Джоан раздвинула дверцы стенного шкафа. У нее разбежались глаза. Это был не шкаф, а целая комната величиной почти со спальню, которую Джоан оставила там, в Нью-Йорке. Майер не соврал. В шкафу она обнаружила совершенно фантастические вещи: два-три десятка платьев и костюмов от самых известных кутюрье... А внизу на специальных полочках – туфли. Джоан оставила шкаф открытым и медленно, поглядывая на себя в большое зеркало напротив кровати, разделась. Ну что ж, она получила заслуженное. И получила вовсе не за то, что кто-то пялился на ее обнаженное тело. Это странно, что всего лишь за возможность смотреть на нее многие мужчины готовы были платить очень дорого... А она ведь за последние несколько лет совсем не изменилась. Она все та же Джоан, которая еще недавно бегала по своему захолустному Сейлему с хлюпающим носом и цыпками на руках...

Джоан наполнила огромную, напоминающую небольшой бассейн ванну и с наслаждением опустила в теплую убаюкивающую воду. Ну вот, теперь она довольна, а все ее глупые страхи и сомнения рассеялись окончательно. Никто и не собирался ее убивать или делать секс-рабыней. Смешно даже думать об этом! Теперь следует думать о другом...

Выйдя из ванны, Джоан еще раз попыталась позвонить Виктору. Автоматический голос сообщил, что абонент временно недоступен. Ну и ладно, подумала Джоан, кладя телефон обратно в сумочку. Оставшийся в Нью-Йорке Виктор вдруг показался Джоан очень далеким, смешным и незначительным человечком...

Когда они спускались в лифте, Джоан мельком оглядела себя в зеркале и осталась довольна. Она была готова к ожидавшему ее испытанию. Хорошо в такой важный момент, как сейчас, чувствовать себя в полной форме и знать, что ты способна доказать это всем окружающим. Сопровождавший ее старик, похоже, тоже уловил ее настроение. Во всяком случае, Джоан показалось, что она заметила в его взгляде восхищение и даже гордость за нее.

Двери лифта бесшумно распахнулись, гостеприимно впуская Джоан в новый волшебный мир. Джоан сразу почувствовала внимание мужчин, стоящих живописными группками в разных концах огромного холла. Странно, подумала она, стараясь выглядеть невозмутимой, почему не видно ни одной женщины? Пытаясь ни с кем не столкнуться взглядом, она огляделась по сторонам. На стенах, отделанных темными дубовыми панелями, висели тяжелые канделябры без свечей. Яркий свет шел откуда-то сверху, отражаясь на блестящем льду многоцветного паркета. Две пологие мраморные лестницы, огибая прихожую, вели на второй этаж. Сверху слышались звуки настраиваемых музыкальных инструментов. Это напомнило Джоан театр, и почему-то ей стало не по себе. Она и сама не очень понимала, что это такое: страх или предвкушение. Предвкушение чего-то необычного...

Старик, мягко улыбаясь, подвел ее к невысокому полноватому молодому мужчине с черными прилизанными волосами и в светло-сером смокинге. Тот коротко, почти автоматически улыбнулся Джоан и, похоже, собирался что-то сказать. Но как будто оборвал сам себя. Дежурная улыбка сменилась совершенно искренней.

– О-о, это какая-то фантастика! – сказал он, восхищенно оглядывая Джоан. – Майер просто волшебник... Нет, настоящая волшебница, конечно же, вы! Потому что

вы не просто похожи на Нее, вы – это Она и есть! Да-да, и не говорите ничего: я это вижу, я это чувствую...

Не переставая изумленно покачивать головой, он отступил на шаг, но тут же спохватился – картинно вытянулся, со значением насупил брови ... Джоан показалось, что он даже слегка прищелкнул каблуками.

– Позвольте представиться: барон Фон Любен, главный распорядитель сегодняшней вечеринки. Добро пожаловать! Очень рад, что вы изыскали возможность почтить нас сегодня своим присутствием.

Ну что ж, подумала она, вспоминая слова своего учителя актерского мастерства, преодоление трудностей на пути наверх – это всего лишь преодоление самого себя. Ей предстоит сыграть роль на этом балу, и она ее сыграет. Немногого она будет стоять как актриса, если это у нее получится хуже, чем у Той. Только у нее все получится замечательно! Джоан с вызовом оглядела пялившихся на нее мужчин и сразу же почувствовала удовлетворение: все они, один за другим, опускали глаза под ее взглядом. Тогда она улыбнулась – совсем как Та – беспечно и чуть плотоядно. И в эту минуту ощутила легкое прикосновение к локтю.

– Женщины уже наверху, а мужчины, как обычно, курят здесь, в прихожей. Не удивляйся, что я тебе никого не представил. Сегодня вечером никаких условностей. Тема нашего бала – богема шестидесятых годов.

Старик сделал приглашающий жест, и они стали подниматься на второй этаж. Зал был огромным. Вероятно, в старину именно в таких залах давали балы настоящие короли; именно в них танцевали менуэты чопорные придворные дамы и их благородные кавалеры. А сейчас... стоящие вокруг Джоан с бокалами шампанского в руках люди казались еще более обыкновенными, чем обычно. Ну, разве что, чуточку странно смотрелись женщины в не по моде коротеньких платьях и с высокими прическами в стиле Одри Хепберн. А ведь ей, Джоан, поначалу почудилось, будто она попала в сказку! Особенно когда нашла в своем роскошном номере наряды, которые не смогла бы купить ни в каком «Блумингдейле»... Хотя она старательно напоминала себе то, что знала чуть ли не с детства: если слишком сильно ждешь праздника, в конце концов он оборачивается чем-то скучным, пустым и ненужным, как оставленный ухажер. Но она – актриса, и отныне никто не посмеет делать ей гнусные

предложения сниматься в порнухе. На этом балу Золушка станет принцессой – раз и навсегда!

– В бальном зале мы не стали ничего менять или специально украшать его, ведь самое главное в таких случаях – не декорации, а люди... – старик неопределенно взмахнул холеной ладонью. – Впрочем, сейчас ты сама все поймешь.

По периметру зала под сдвоенными колоннами стояли слуги с подносами – неподвижные, словно атланты. Вдали, на невысокой эстраде готовился к выступлению оркестр. А в центре зала прохаживались и непринужденно разговаривали гости. Их было довольно много, может быть, несколько сотен, но все они казались статистами из совсем другого фильма, по ошибке попавшими в кадр. Оркестр негромко заиграл джаз.

Джоан все ждала, когда же, собственно, начнется сам бал, но потом вдруг поняла, что никакого торжественного открытия не будет: видимо, устроители решили, что именно так проходили богемные пирушки шестидесятых. Джоан выпила ледяного шампанского и немного успокоилась. Никто не бросался к ней, не приставал с разговорами. Постепенно ей стало казаться, что это обычная безликая нью-йоркская толпа, перенесенная сюда откуда-нибудь с Пятой авеню. Хотя несколько раз Джоан почудилось, что она видит смутно знакомые лица. Неужели, подумала она, пристально глядя на невысокого седого мужчину в очках, это сам Стенли Кубрик? Но нет, не может быть: она ведь читала в газетах о его смерти... Встретившись взглядом с Джоан, двойник известного режиссера поклонился ей. Джоан ответила улыбкой, которая тут же замерла у нее на губах: к ней приближался человек, лицо которого она прекрасно помнила с детства. Отец любил слушать записи этого великого черного гитариста, а она, Джоан, любила рассматривать отцовскую коллекцию старых пластинок... Она точно помнила, что трагический случай оборвал жизнь этого музыканта еще до ее рождения.

В эту минуту Джимми Хендрикс, совсем живой, только постаревший, дружески кивнул ей – совсем как своей. Но это же невозможно! Неужели она ошиблась? Она проследила взглядом за чудом ожившим гитаристом и невольно охнула: он подошел к высокой элегантной женщине с крупными чертами лица и поцеловал ей руку. Джоан очень хотелось избавиться от охватившего ее странного ощущения, словно все это происходит не с ней. Словно она – зритель, посторонний, и только наблюдает за легендарными покойниками, которые двигаются где-то там, на экране. Джоан

попыталась стряхнуть наваждение, взять себя в руки – и снова взглянула на женщину. Принцесса Диана... Джоан тысячу раз видела ее по телевизору и не могла бы ошибиться! Да, Майер был прав – это необыкновенный бал... Подкрадывающийся был испуг сменился приятной легкостью. Она попала в настоящую сказку, ну так что ж... Джоан жадно оглядела зал. Теперь многие лица казались ей определенно знакомыми. Вон там, у стены, стоит Фреди Меркьюри, лидер знаменитой рок-группы «Queen». Значит, это все неправда, что он умер от СПИДа!.. А вот – но нет, не может быть! – это же Джим Моррисон... полуобнял какую-то молоденькую девицу и шепчет ей что-то на ухо. Отец рассказывал, что вокруг его смерти ходили упорные слухи: единственным человеком, видевшим его тело, была подруга Памела, умершая несколько лет спустя. Позже Джоан прочитала о том, что Джим Моррисон похоронен в Париже, и что его могила стала местом культового поклонения фанатов, исписывающих соседние памятники надписями о своей любви к кумиру и строчками из песен «The Doors». И вот он стоит перед ней – постаревший, но вполне узнаваемый: все те же тёмные, почти не тронутые сединой волосы, серо-голубые глаза...

Пожилой длинноволосый мужчина в очках в тонкой круглой оправе, не скрывая интереса, бесцеремонно разглядывал Джоан. Потертые джинсы и ковбойка этого человека странно не гармонировали с великолепными нарядами окружающих.

– Эй, Мэрилин, вот здорово, что я тебя встретил, – сказал, наконец, длинноволосый, широко улыбнулся Джоан и помахал ей рукой. Улыбка странно изменила его лицо, он словно помолодел. Сердце Джоан оборвалось: она узнала этого человека, узнала его голос. Ведь она выросла под его песни, которые так любил отец. До чего же здорово знать, что он жив, что он вовсе не был убит тогда, много лет назад, прямо у подъезда своего дома в Нью-Йорке...

– Как видите, у нас сегодня собрались одни знаменитости... – старик гордо и нежно улыбался, поглядывая вокруг, и Джоан показалось, что он нарочно выставляет ее напоказ, словно какую-то диковинную собачку. Да нет, тут же решила она, ему просто приятно вести под руку молодую красивую женщину. А в том, что она сегодня необыкновенно хороша, Джоан не сомневалась.

– Да бросьте вы, президент! – отмахнулся Леннон. – Вот уж не стоило тащиться сюда из Тибета, чтобы выслушивать пустые комплименты.

– Я вас очень хорошо понимаю, Джон! – улыбнулся ему старичок и подвел Джоан к пухлому седому человечку, по виду, своему ровеснику.

– Позволь представить тебе моего старинного приятеля мистера О’Хейли.

Прохладной мягкой ладонью человек прикоснулся к руке Джоан, поднес ее к губам. Губы тоже оказались мягкими и прохладными.

– Польщен знакомством с вами, дорогая! – от О’Хейли исходил какой-то детский запах, да и сам он казался малышом, приклеившим лохматые брови и напаявшим седой парик. – Вы, кажется, впервые у нас в гостях. Позвольте показать вам замок? Надеюсь, Джон, вы не против?

– Ну отчего же, Питер. К тому же, мне нужно переговорить с несколькими весьма скучными людьми. А эти разговоры только утомили бы мою прекрасную спутницу. – Старик снова слегка дотронулся до локтя Джоан, и она ощутила, какие у него горячие пальцы. – Дорогая, я оставляю тебя в обществе мистера О’Хейли. Чуть позже я присоединюсь к вам.

Джоан кивнула, О’Хейли чопорно подал ей руку, и они неторопливо вошли под колонны, минуя кресла с высокими спинками. Джоан впервые видела стены, обитые, словно мебель, тяжелой тканью. Эта ткань слегка гасила шум толпы, находящейся всего в нескольких шагах отсюда. Джоан не успела удивиться, как мистер О’Хейли легко толкнул незаметную дверь. За ней оказалась мраморная широкая лестница, хотя и не такая роскошная, как в передней.

– Вы – наша почетная гостья. Джон... то есть, я хотел сказать, мистер Кей, – О’Хейли скорчил на пухлом личике презабавнейшую мину, – мой очень давний и близкий друг. Разумеется, я постараюсь показать вам все самое интересное. – с довольным видом заявил О’Хейли, пропуская Джоан вперед. Они поднялись этажом выше, и перед ней открылась анфилада комнат, отличающаяся от той, которую она видела в музее Метрополитен, только странной формой окон. Узкие и высокие, они были расположены слишком близко друг к другу, почти без простенков, как будто архитектор решил сэкономить на кирпиче.

– Перед вами, дорогая, точная копия интерьеров моего палаццо на Гранд-канале в Венеции. Но тому зданию более четырехсот лет, и поэтому жить в нем – несмотря на то, что оно было полностью переоборудовано – довольно неудобно. К тому же в Венеции такая сырость... Это, знаете ли, довольно противная штука – сырость.

Особенно, когда ты уже не молод. Вот я и выстроил себе новое палаццо. Здесь, в Неваде, где и представления не имеют о сырости. Здорово, правда?

О'Хейли рассмеялся, и Джоан тоже улыбнулась, не очень понимая, почему нужно было закапывать этот прекрасный дворец в землю.

– Прошу вас пройти сюда, я хочу показать вам наш зимний сад. Кроме обычных цветов, в специальной оранжерее я выращиваю орхидеи. Должен заметить, что орхидеи – необычные растения, с ними связано множество удивительных историй и легенд. В моей коллекции есть самые редкие виды... – Подойдя к неприметной двери О'Хейли набрал комбинацию цифр на кодовом замке и пропустил Джоан вперед. – Зимний сад и собственно оранжерея расположены за пределами моего, так сказать, поместья, в святой святых нашего Центра... но от вас, дорогая, – старичок сладко улыбнулся, – у нас, конечно же, не может быть никаких секретов.

Сопровождаемая О'Хейли, Джоан вошла в зимний сад. Ей очень хотелось вернуться в зал и пообщаться с такими потрясающими гостями. А вместо этого почему-то приходилось выслушивать нудные разъяснения нудного старика. Но, похоже, у нее не оставалось выбора. Возможно, такова была одна из ее сегодняшних обязанностей – сопровождать этого хвастливого болтуна. Ведь Майер ничего не сказал о ее роли на этом балу и поэтому приходится ориентироваться в обстановке самой. Джоан приготовилась выслушивать бесконечные речи О'Хейли, но тут у него в кармане ожил телефон. Пожилой младенец вытащил его, сокрушенно развел руками и попросил его извинить.

– О'Хейли! – коротко бросил он в трубку. – Да? И что теперь? Понятно.

Джоан удивило то, насколько тон разговора О'Хейли с невидимым собеседником не соответствовал его безмятежному виду. В голосе у старичка зазвенел металл. И это при том, что О'Хейли продолжал улыбаться Джоан, стараясь изобразить на пухлой розовой физиономии искреннее сожаление, что ему мешают наслаждаться столь бесценным обществом. Наконец О'Хейли попросил собеседника подождать и сделал Джоан приглашающий жест.

– Ни к чему вам слушать наши скучные разговоры. Идите в оранжерею, это прямо по дорожке, а потом налево. Там много интересного. А я догоню вас, как только покончу с делами, и расскажу о некоторых особенно редких орхидеях.

О'Хейли прижал ручки к груди, довольно комично поклонился и исчез за дверью зимнего сада.

Джоан огляделась по сторонам. Аккуратная выложенная гравием дорожка вела от двери к центру довольно большого помещения. Вокруг поднимались какие-то вечнозеленые кусты в человеческий рост, с блестящими маслянистыми листьями, от которых шел необычный пряный запах. Оранжерея, как ее представляла себе Джоан, это большая стеклянная коробка-теплица с яркими и жаркими лампами внутри. Но ничего похожего она не увидела, поэтому прошла еще немного вперед и остановилась у круглой клумбы с пестрыми цветами и фонтанчиком посередине. Налево вела одна дорожка – такая же, как и первая. Немного помедлив, она свернула на эту дорожку и неожиданно уперлась в стену. Джоан решила вернуться назад, к круглой клумбе. Ей пришло в голову позвать мистера О'Хейли, но эта мысль показалась ей слишком глупой: нужно быть полной идиоткой, чтобы заблудиться в зимнем саду – даже таком большом, как этот.

Джоан еще раз внимательно огляделась вокруг. Кажется, она вошла вон оттуда. Значит, здесь должна быть еще одна дорожка, ведущая налево. Но ее нет. А что, если старичок случайно перепутал, и оранжерея находится справа от входа? Джоан знавала вполне нормальных людей, которые в разговоре легко путали «лево» и «право», и только потом понимали, что ошиблись. Ну, это легко проверить. Джоан свернула направо, благо туда вела точно такая же дорожка. Конечно, в вечерних туфлях на высоких каблуках бродить по гравию не очень приятно, но что же делать? Нужно непременно отыскать эту проклятую оранжерею. За то, что она сегодня находится здесь, ей заплатят столько, что на эти деньги можно будет купить не одну пару обуви...

Раздвинув какие-то лианы с острыми жесткими листьями, Джоан наконец-то увидела дверь. Правда, она мало напоминала вход в теплицу, но кто знает, как в этом замке все устроено. За дверью оказался длинный коридор, освещенный почему-то вполне современными лампами дневного света. Ну да, подумала Джоан, она же находится за пределами того венецианского палаццо. Жаль, она никогда еще не была в Венеции... Ну и ладно, праздник все равно продолжается! Пусть он оказался не совсем таким, как она ожидала, но все-таки это был праздник. И об этом не стоило забывать. Откуда-то издали доносились звуки музыки и смех. Но где же старикашка О'Хейли?

Скорее всего, придется признаваться, что она потерялась. Ну, не рыскать же по кустам на каблуках в поисках пропавшего хозяина с его орхидеями? Глупость, конечно, но что поделаешь... Лучше она вернется в зал и подождет его там.

Она шла по коридору, надеясь, что он вот-вот приведет ее к какой-нибудь лестнице, к выходу. Но коридор только изогнулся под прямым углом, и конца ему не было видно. Джоан ускорила шаг, повернула еще раз... Музыка звучала теперь приглушенно. Хорошо еще, что слышны хоть какие-то звуки, нервно веселясь, подумала Джоан. Музыка поможет ей справиться с подкрадывающейся истерикой. Джоан на секунду представила себе, что заблудилась за кулисами театра в день премьеры. И, вместо того, чтобы блистать в свете рампы, уныло бродит между пыльных декораций, слыша, как на сцене повисла недоуменная тишина... Получается, что Виктор оказался прав: никакая она не актриса, а просто истеричная девчонка, которую следует повсюду водить за ручку.

После очередного поворота Джоан сообразила, что не имеет ни малейшего представления о том, где находится. Значит, что попасть обратно в зал, нужно либо вернуться в зимний сад, либо попробовать открыть наудачу одну из многочисленных дверей, мимо которых она проходила. Джоан остановилась и прижала палец к губам, забыв о помаде. Двери-то все одинаковые: темного дерева с литыми бронзовыми ручками. Побродив по коридору, она уже начала сомневаться, что сможет найти выход в зимний сад... Ну и ладно! Конечно, не очень красиво бродить по Центру без ведома хозяев, но выхода у нее все равно нет. Не сидеть же здесь до завтра! Тем более, что гости явно собирались веселиться всю ночь до утра.

За первой же дверью обнаружился выход на лестницу. Только почему-то она вела наверх. Джоан немного подумала и решила проверить соседнюю дверь. Но та была заперта. Ладно, решила Джоан, если и другие закрыты, попробую подняться выше, а уж оттуда... За третьей по счету дверью находилась довольно большая комната. В центре стояла низкая, застеленная темным шелком кровать со старомодным балдахинном. Джоан остановилась посреди чьей-то спальни, пытаясь сообразить, нет ли здесь другого выхода.

Взгляд Джоан натолкнулся на драпировку, полностью закрывающую одну из стен. Ухватившись за изящный шнурок с кисточкой на конце, она попыталась сдвинуть занавес. Что-то негромко щелкнуло, и занавес послушно поплыл в сторону.

Джоан даже не сразу поняла, что именно видит перед собой. На небольшом возвышении, в довольно большой полукруглой нише стоял широкий диван, на котором валялся смятый шерстяной плед; рядом с диваном – низкий журнальный столик... Больше Джоан ничего не успела рассмотреть, потому что, наконец, заметила то, на что не обратила внимание с самого начала: от спальни нишу отделяла тяжелая кованая решетка – от пола и до потолка. Джоан невольно сделал шаг назад: ниша напомнила ей огромную птичью клетку. Только оборудована она была вовсе не для попугая. Уже не страх, а скользкий холодный ужас зашевелился внутри, сползая к онемевшим ногам, приковывая их к полу...

В дальнем конце ниши открылась дверь, и на диван плюхнулся человек – худой мужчина в махровом банном халате с ярким журналом подмышкой. Джоан поразила необычная бледность его длинного лица с глубокими темными полукружьями под глазами, которые оттеняла аккуратная седая с рыжеватым отливом борода. Человек отложил журнал в сторону, поднял глаза и увидел Джоан. Но ни испуга, ни удивления стоящая по другую сторону решетки женщина у него не вызвала.

– Оп-па, – негромко, без всякого выражения, сказал человек. – А я и не знал, что у меня гости.

Он поправил халат на впалой безволосой груди и добавил:

– Вы, вероятно, прибыли посмотреть на говорящего попугая. Да, это я и есть. Но, боюсь, сегодня ничего не получится. Ни чирикать, ни прыгать по жердочкам я не собираюсь. Имею право, между прочим: голова болит. Так и передайте Генри.

Человек неторопливо перевернулся на другой бок и закрыл журналом лицо.

– Что... что вы там делаете? – хриплым голосом спросила Джоан. Вид мирно лежащего на диване человека совершенно не вязался с клеткой, в которой он находился. От этого явного несоответствия Джоан стало совсем плохо. Неужели это какой-то сумасшедший? Кого еще можно держать взаперти?

– Я? – человек отложил журнал и внимательно посмотрел на Джоан. – Я здесь живу. Скучновато, конечно, но вполне комфортно.

– В клетке?!

Он совершенно не походил на больного. Вполне нормальный человек с приятными манерами.

– Да, в клетке. А что вас, собственно, удивляет? Вы совсем не в курсе?..
Странно, обычно Питер показывает меня только собратьям – владельцам менпетов. А у вас, похоже, своего нет. Знаете, недавно Джону пришла в голову сумасшедшая идея подселить ко мне самочку. Не для выведения новой породы людей, а просто для того, чтобы мне было веселей. Ну, вы понимаете...

Он снова пристально оглядел Джоан с головы до ног и покачал головой. Нет, он все-таки ненормальный!

– Еле-еле уговорил его не делать мне такой «подарок»! Представьте себе: женщина в моей клетке! Нет уж, спасибо, пусть мучается кто-нибудь другой...

Человек за решеткой отбросил журнал в сторону, сел и звонко рассмеялся. Джоан показалось, что она сама сходит с ума. Ей очень захотелось, чтобы эта встреча оказалась кошмарным сном. Проснуться бы сейчас в том зале, полном скучающей публики. А еще лучше дома, в своей маленькой уютной квартирке...

– Я потерялась, – тихо сказала Джоан, – скажите мне, как отсюда выбраться. Пожалуйста!

– Выбраться? Это вы у менпета спрашиваете? Милая девушка, ну откуда же мне может быть известно расположение комнат? Как видите, сам сижу в клетке. Хотя это, разумеется, только вопрос точки зрения. Согласитесь, легко можно представить себе, что это не я отгорожен решеткой, а вы. Вместе со всем остальным миром. Вам кажется, что вы приходите в зоопарк посмотреть на меня, а мне... я, может быть, убежден в том, что это вы, бедные, маетесь в своем вольере. А величина клетки, право же, никакого значения не имеет...

– Но здесь должен быть какой-то выход! – Джоан старалась разговаривать с этим несчастным так, как будто ничего необычного в его сидении в клетке она не видела. Но губы предательски дрожали, а внизу живота плескалась нехорошая боль. Зачем Майер отправил ее сюда? От этих миллионеров можно ждать чего угодно. Неужели ее все-таки продали в рабство, и она – точно так же, как вот этот – будет сидеть в клетке и потихоньку сходить с ума? Джоан подумала о мистере О’Хейли и поежилась. Сейчас этот младенчески-бодрый старичок показался ей страшней Синей бороды...

– Эй, милочка, рыдать-то зачем? – странный узник в халате подошел поближе и протянул сквозь решетку белый комочек бумажного платка. Оказывается, по лицу Джоан катились слезы, а она и не заметила.

– Ну что вы как маленькая, честное слово! Терпеть не могу женских истерик. Ну, говорю же вам, хватит... Теперь вы понимаете, почему я отказался от самочки? Стоит появиться женщине, как сразу же начинаются недоразумения...

Не дослушав его, Джоан бросилась назад, к выходу. Но, уже переступив через порог, она оглянулась. Что ж, так и оставить этого несчастного в клетке? Узник, словно угадав ее мысли, хмыкнул и потребовал, чтобы она перестала изображать из себя благородную идиотку и поскорее уматывала отсюда. На секунду его худое лицо помрачнело, а пальцы с силой сжали прутья решетки.

– Менпеты, к своему несчастью, знают гораздо больше, чем им бы хотелось. Так уж получается: никто ведь не стесняется своего менпета. До Питера я жил у одной молодой парочки. Б-р-р... Они занимались любовью прямо у меня на глазах, словно я собака. А, по-моему, именно они...

– Как справиться с этой решеткой? – упрямо сжав губы, Джоан вернулась в спальню и теперь почти с ненавистью смотрела на его бледную физиономию. – Ну, хоть это вы знаете? Нужно выбраться отсюда и добраться до ближайшего городка. Там – полиция. Они помогут. Только объясните мне, как открывается эта клетка.

– Никуда я с вами не пойду! Да вы с ума сошли: украсть у гостеприимного Питера его менпета – это было бы просто... – он покачал головой и вдруг – резко, почти без перехода – закричал, брызгая слюной: – Убирайся отсюда, безголовая ты кукла! Видеть тебя не желаю! Что ты во всем этом понимаешь? Зачем лезешь, куда тебя не просят?!

Джоан отшатнулась и выбежала вон из спальни. За спиной продолжал орать сумасшедший. Только сейчас она сообразила, что его вопли могли привлечь чье-то внимание. А это уже означало не просто быть обнаруженной там, где ее не ждали. Тут все гораздо серьезнее. Люди, держащие других в клетках, как попугаев – должно быть, страшные люди...

Не разбирая дороги, Джоан неслась по проклятому, никак не желавшему заканчиваться коридору... Ей хотелось побыстрее вернуться в зал, к людям, смешаться с толпой и сделать вид, что с ней ничего не случилось. Но отыскать зал ей так и не

удалось. Вместо этого она почему-то оказалась в комнате, по виду напоминавшей гостиную. Обстановка была вполне современной: удобная кожаная мебель, огромный плоский телевизор на стене... Джоан медленно пересекла комнату по диагонали и попала в следующую, несколько меньшую по размеру. Там стоял массивный письменный стол с компьютером, и она поняла, что это хозяйский кабинет. Джоан почувствовала себя совсем нехорошо. Что будет, если ее обнаружат? Она, конечно, входит в число приглашенных; но приглашенных на бал, а вовсе не в чей-то личный кабинет. Так что лучше, пожалуй, здесь не задерживаться.

В этот момент послышались голоса. К кабинету, разговаривая на ходу, приближались группа мужчин. Джоан заметалась: спрятаться было негде, разве что под столом, но это показалось ей совсем уж неприличным. В последнюю секунду, когда ничего не подозревавшие собеседники уже стояли у двери кабинета, Джоан поняла, что еще немного, и она громко разрыдается от нелепости всего происходящего. Она судорожно огляделась в поисках выхода и увидела небольшую узкую дверцу стенного шкафа, почти сливающуюся со стеной. Если дверца заперта, она, Джоан, пропала. Ее обнаружат, и это будет ужасно. Она, конечно, постарается все объяснить, но... Створка двери легко подалась, и с каким-то детским ощущением облегчения и страха одновременно Джоан скользнула в темноту.

– Ну вот, джентльмены, здесь мы, наконец, можем поговорить спокойно, – произнес голос, который показался Джоан знакомым. – Давайте перейдем к делу...

Голос умолк, но Джоан уже успела сообразить, кому он принадлежит. Это был тот самый старик, мистер Кей, как его назвал О'Хейли.

– А мистер Триммер? – спросил другой голос. Несмотря на хороший британский выговор, в нем чувствовалось что-то восточное. – Я хотел бы все-таки переговорить с ним.

– Послушайте, дорогой мой! – в голосе мистера Кей прозвучало скрытое раздражение. – Вы что, по-прежнему сомневаетесь в том, что мы выполним свои обязательства? Но, по-моему, вы уже получили достаточные гарантии. Как вам известно, не далее как час назад диктатора доставили сюда, в Центр. Теперь он, безусловно, ваш. Вам также известно наше мнение: мы считаем, что убирать его было бы неразумно. Он может пригодиться – и нам, и вам. Что касается мистера Триммера,

то он еще встретится с вами сегодня. Сейчас он слишком занят приемом гостей, которые съезжаются на ежегодный бал.

– А почему, кстати, – раздался еще один голос с густым испанским акцентом, – нужно было назначать эту встречу именно тогда, когда у вас здесь полно народу?

– Это наиболее благоприятный момент, поверьте мне! – воскликнул мистер Кей.
– Легче всего затеряться не на безлюдной улице, а именно в толпе. Да и вообще, я уже сотню раз заверял вас в том, что никто ничем не рискует. Сегодня – как, впрочем, и всегда – мы гарантируем вашу личную безопасность и полную секретность вашего пребывания в Центре.

– Джон, – неторопливо продолжил тот же голос, – мы с вами знакомы уже много лет. Но, откровенно говоря, мне не совсем понятно, зачем я понадобился вам на этот раз. Брат, который временно заменяет меня в госпитале, к сожалению, недостаточно жесткий человек, и я не могу позволить себе оставить на него страну надолго. Кроме того, болезнь, больница – такие вещи плохо сказываются на моей репутации...

– Да бросьте вы! – возразил мистер Кей. – Вы находитесь здесь именно потому, что мы слишком давно знакомы. Кроме того, пригласить сюда русских не под силу даже мне. По крайней мере, тех русских, которые обладают нужными качествами и реальной властью. А у вас огромный опыт работы с ними. Мне нужно ваше содействие и, самое главное, мне нужны ваши связи. Что бы там не говорили, но вы, дорогой друг, знаете русских лучше, чем кто-либо еще. Точно так же, как вы, – мистер Кей явно обращался ко второму собеседнику, – знаете мусульманский мир. Поверьте, он остается такой же загадкой для Запада, как и Россия.

– Мусульманский мир! – презрительно протянул голос с британским акцентом.
– Вы действительно ничего в нем не понимаете. Но как только я получу реальную возможность что-то изменить... Вы прекрасно знаете, как эти собаки меня боятся! И очень правильно делают... Но я еще напомню им о себе – и в особенности этим трусливым жирным персам!

Зазвнев от злости, голос продолжил:

– ...Даже если для этого мне придется вступить в сделку с вашим христианским дьяволом! Давайте, президент, переходите к делу.

Джоан чувствовала себя ужасно неловко оттого, что поневоле подслушивает чужие и, вероятно, очень важные разговоры, но не шевелилась, боясь задеть что-нибудь в темноте и тем самым обнаружить себя. Трудно придумать положение, которое выглядело бы глупее: ведь чем дольше она стоит здесь, тем невозможнее будет в этом признаться!

– Из того, что мне уже известно, я делаю вывод, что, вы, Джон, хотите вернуть мир к временам холодной войны и железного занавеса, – нетерпеливо вступил в разговор Испанец. – Правильно ли я вас понял? И не кажется ли вам, что эта идея довольно наивная?

– Наивная? Обратитесь, мой друг, к истории! Когда Гитлер, почти не скрываясь, заявлял, что собирается завоевать мир и построить Третий Рейх, многие серьезные политики тоже считали его наивным идиотом. Потом это заблуждение довольно дорого всем обошлось... Холодная война, говорите? Нет, конечно! Но подумайте, разве противостояние двух сверхдержав не обеспечивало нам тогда относительную стабильность в мире? Вспомните тот же самый Карибский кризис! Единение нации, все мелкие вопросы и недоразумения отброшены в сторону... Да только ли это? Хотя тогда у меня было значительно меньше возможностей повлиять на ситуацию. Впрочем, как и сейчас – у нынешнего хозяина Белого Дома...

В этом месте человек, говорящий с британским акцентом, громко выругался на неизвестном Джоан языке. Чем больше она вслушивалась, тем меньше ей все это нравилось. Она мало что понимала: это были какие-то страшные политические тайны, явно не предназначенные для ее ушей. Джоан с ужасом думала о том, как отреагировал бы этот самый мистер Кей, узнай он о том, что она подслушивает. Но больше всего ей не нравилось то, что собеседники, похоже, и не собирались покидать кабинет. Если ее еще не хватились, то очень скоро хватятся, и тогда ей нелегко будет объяснить, где она пропадала все это время. Джоан подумала о том, где она находится на самом деле – в пустыне, глубоко под землей! – и почувствовала, что отпустивший было страх снова начинает скапливаться в душе и тяжелым металлическим шаром давит на сознание. Убежать бы поскорей отсюда, спрятаться в каком-нибудь безопасном месте...

– ...Схема довольно простая, – голос мистера Кей зазвучал тверже. – Две серьезные политические силы, как два полюса, притягивают и поглощают силы более слабые. Насколько стабильно напряжение между полюсами, настолько стабилен и мир.

Это – альфа и омега любой политики. Но сейчас, как мы видим, начались неуправляемые процессы. В результате, с одной стороны мы имеем полуразвалившуюся, голодную, воюющую со своими бывшими сателлитами империю, а с другой – страну, в которой демократию раздирают на части крайние либералы, намеренно дискредитирующие все ее основы. Если так пойдет и дальше, то они потребуют распустить армию, потому что, видите ли, солдаты могут погибнуть во время боя!

Испанец одобрительно хмыкнул, а мистер Кей откашлялся и продолжил:

– Теперь, разумеется, на сцену выступила доктрина террора. Хотим мы того или нет, но на сегодняшний день эти люди заставили мир считаться с собой как с политической силой. Политической! Но методов борьбы с террором не существует. По крайней мере, их нет у официальных властей. Государство может противостоять государству, но не террористам-невидимкам. Я старый человек и люблю свою страну, поэтому, надеюсь, вы оба поймете меня правильно, если я скажу, что не желаю повторения одиннадцатого сентября... Вот почему, Фидель, мы и решились на сотрудничество с мистером Би. Мы хотим иметь дело с реальной силой, а не с пустыми болтунами, даже если они занимают самые высокие посты.

Обладатель голоса с британским акцентом громко рассмеялся и заявил:

– Выполните все свои обещания, президент, и я наведу порядок на Ближнем Востоке!

– Именно на это мы и рассчитываем. Вы должны признать, что наше соглашение абсолютно взаимовыгодно. Вы занимаетесь Востоком, мы – Западом. Но дело в том, что политика не терпит суеты. Проект «Большой страх» мы с Джеком разрабатывали много лет, и только теперь приступаем к его осуществлению. Нужно подождать еще несколько дней, чтобы все выглядело совершенно естественно...

– Как же мне надоели эти ваши игры в демократию! – голосе того, кого называли «мистером Би», зазвенел от презрения. – Вот поэтому мне нравится иметь дело с Триммером. Тот хотя бы не верит во всю эту ерунду!

– Надеюсь, мистер Би простит меня, но я хотел бы узнать, почему ваш выбор, Джон, пал именно на него? Почему на его месте не сидит сейчас, скажем, тот же Насралла? – Испанец звучно рассмеялся. – Этот парень показал всем, чего он стоит!

– Этот, как вы выразились, парень пляшет под слишком много дудок, – тихо, но так твердо, что у Джоан побежали мурашки по коже, произнес мистер Би. – Но, может быть, вы, президент, предпочли бы иметь дело с этим недоумком?..

– Прошу вас, джентльмены! Давайте оставим в стороне мелкие разногласия и антипатии.

Джоан услышала, что мистер Кей встал и взволнованно зашагал по комнате.

– Я чувствую, что пора закончить с преамбулой и заняться делом. Давайте говорить прямо. Мусульманский мир в качестве одного из полюсов нас не устраивает: слишком мелкие страны, слишком разные интересы... По крайней мере, пока это так. К тому же, не следует недооценивать сложившиеся стереотипы. К чему придумывать нового врага, когда уже существует привычный? Либералам в Европе, да и в Америке, потребуется еще лет тридцать-сорок и моря крови, чтобы заменить русского арабом. Кроме того, мусульманское население у нас растет, и местные политики давно уже заигрывают с потенциальными избирателями...

– Ну, если накрыть ядерным ударом Мекку и Медину, то не поможет им никакое заигрывание: повальный джихад вам будет обеспечен, – небрежно заметил Испанец.

Мистер Би снова выкрикнул какое-то длинное ругательство, и Джон услышала глухой звук удара по столу. Мистер Кей приостановился.

– Сегодня ядерное оружие имеет значение только как потенциальная угроза. Стоит один раз его применить – и все, процесс окончательно выйдет из-под контроля. Бояться будет больше нечего. Есть куда менее радикальные способы вернуть все на свои места. И здесь я рассчитываю на вас. Я знаю, что в России найдется немало здравомыслящих людей, готовых поддержать наш проект. Им тоже надоела вся эта возня с Чечней, сложные отношения с Украиной, Прибалтикой, республиками Закавказья и Средней Азии. Но я не хочу сейчас слишком углубляться в теорию. Давайте перейдем к обсуждению намеченных операций.

– Вы планируете политические акции? – Испанец зашевелился, и кресло под ним скрипнуло.

– Нет, разумеется, – голос мистера Кей стал громче. – В отличие от этих бездельников на Капитолийском холме, мы занимаемся реальными делами, а не пустыми разговорами. Так вот, первая операция проекта «Большой страх» будет

проведена в Нью-Йорке. Вторая, соответственно, в Москве, Киеве и других крупных городах...

Дальше Джоан услышала такое, что просто не поверила своим ушам. Этот милый, робко ухаживающий за ней старичок – настоящий монстр! Но, решила она, этого просто не может быть! Либо все они тут монстры, и она стала свидетельницей сцены из какого-то фильма ужасов, либо... Сумасшедшие, обладающие деньгами и властью сумасшедшие! Чувствуя, что близка к истерике, трясаясь от ужаса, Джоан отступила назад, в темноту. Необходимо было срочно выбираться отсюда. Туда, где свет, где нормальные люди, полиция, наконец... Неважно куда, но только немедленно!

Она сделала еще один шаг назад, нащупала какую-то дверь и снова оказалась в гостиной. Голоса из кабинета звучали глуше, но она по-прежнему могла бы различить каждое слово. Бежать! Но куда? Джоан вспомнила длинные коридоры, по которым она совсем недавно блуждала, и поняла, что окончательно сойдет с ума раньше, чем доберется до людей – до той веселой равнодушной толпы, которая осталась где-то там, бесконечно далеко отсюда...

В кабинете скрипнули половицы. Судя по голосу, безумный мистер Кей направлялся в ее сторону. Джоан заметалась и, понимая, что снова попала в ловушку, по-детски прижалась спиной к большому шкафу с книгами. Мистер Кей, не замечая Джоан, вошел в комнату и плотно затворил за собой дверь. Он остановился возле сейфа, который она раньше не заметила, открыл его, вытащил большую кожаную папку. И только повернувшись, встретился с перепуганными глазами Джоан.

– Девочка моя... Что ты тут делаешь? – казалось, мистер Кей был сражен не меньше, чем она сама. Он растерянно оглянулся на дверь кабинета и шагнул вперед, протягивая Джоан слегка трясущуюся руку. – Тебе нельзя здесь оставаться. Это просто невозможно...

Джоан съежилась, понимая, что сейчас произойдет что-то страшное – значительно более страшное, чем все ее ночные кошмары. Она напряглась в безумной надежде, что, может быть, и это только сон, что она вот-вот проснется... А мистер Кей все приближался. Убийца, готовый стереть с лица земли...

Дрожа от омерзения, Джоан изо всех сил толкнула этого ужасного человека грудь. Мистер Кей оказался неожиданно легким. Он инстинктивно сделал шаг назад, но споткнулся и, не выпуская из рук папки, упал, ударившись головой о край низкого

журнального столика. Раздался противный хруст, а потом голова старика глухо, как баскетбольный мяч, стукнулась о паркет.

Что она наделала?! Джоан покачнулась, как будто ее тоже толкнули, и она упала перед стариком на колени. Он на секунду открыл помутневшие глаза и что-то зашептал сразу ставшими черными губами. Еще не до конца понимая, что она натворила, Джоан обхватила руками его голову и склонилась ниже.

– Девочка... я, кажется, умираю... Жаль, что так получилось... Я даже не успел... Скажи Триммеру, что все решено...

В горле у мистера Кей что-то булькнуло, он неестественно дернулся, и Джоан рефлекторно разжала руки. Из уха мистера Кей выкатилась светлая капелька, и только секунду спустя Джоан поняла, что это кровь. Уже не рассуждая и не думая ни о чем, она вскочила и бросилась бежать, не разбирая дороги, пока с разбега не налетела на тяжелую металлическую дверь. Дверь с лязгом отворилась, открывая проход на полутемную лестницу. Джоан споткнулась на пороге, чуть было не упала, потеряла свою изящную туфельку, но, охваченная паникой, побежала вниз.

Внезапно в глаза ударил яркий свет, Джоан вздрогнула и зажмурилась. Когда она открыла глаза, то сразу поняла, что встретила именно того, кого менее всего хотела бы сейчас видеть.

– Примадонна, – хихикая и облизываясь, произнес Масляный, – а мы уж с ног сбились, разыскивая вас. Мистер Майер как прилетел и узнал, что у нас такая пропажа, так просто места себе не находит от беспокойства. А вы вот, оказывается, куда забрались... Да-а, нехорошо получается, очень нехорошо.

Джоан мучительно хотелось, чтобы все это оказалось неправдой, сном, глупой шуткой. Но перед глазами продолжала маячить перекошенная морщинистая физиономия Масляного со сладострастно высунутым кончиком языка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДЖЕК

Несмотря на то, что день выдался хлопотным, настроение было превосходным. Удивительно, что печень не давала о себе знать с самого утра: он даже не ощущал вечно беспокоящей его тяжести в правом боку и ставшего уже почти привычным медного привкуса во рту. Но лекарство исправно проглотил – просто на всякий случай: от этих подлых болячек можно ожидать чего угодно. А Джеку не хотелось, чтобы однажды ему пришлось покинуть свой кабинет, согнувшись пополам, в самый ответственный момент, посреди заседания. Это дурно отразилось бы на его репутации. Такой человек как он не может стариться и болеть. Он должен казаться богом. Вернее, не казаться, а почти быть им. Это отлично понимали великие диктаторы прошлого, такие как Гитлер и Сталин.

Джек усмехнулся своим мыслям. Он не собирается впадать в идиотскую патетику и отнюдь не склонен был уподоблять себя ни богу, ни черту. Но внешне все должно выглядеть именно так. Публика, даже самая просвещенная и изысканная, любит дешевые эффекты. Просто удивительно, насколько скудная фантазия у большинства его друзей-клиентов! Впрочем, так было всегда. Даже великий злодей император Нерон не додумался ни до чего более оригинального, чем сжечь Рим. А сам Рим был тогда вряд ли больше нынешнего Манхэттена... Да, история определенно повторяется. Только заметить это дано далеко не каждому.

Зазвонил телефон. Джек с неохотой дотянулся до старинного массивного аппарата и снял трубку: по этому телефону звонили только пустяковые клиенты, вроде обладателей менпетов. Почему-то эти люди считали, что именно Джек должен решать все те мелкие проблемы, которые неизбежно возникают у современных рабовладельцев. Хотя, конечно, менпеты – это не совсем рабы, скорее, домашние животные... Джек сам придумал для них это название – «менпет». Хотя на счету Бюро

было достаточно куда более фантастических проектов, Джек очень гордился этой своей давней выдумкой.

В сущности, менпет мало чем отличается от обычного обслуживающего персонала. Разве что не должен вставать в пять утра и идти на работу. Вместо этого ему приходится время от времени беседовать с хозяевами. Впрочем, и это совершенно не обязательно: в клетке менпета есть специально оборудованный уголок с унитазом и душем, где он или она могут укрыться от назойливых расспросов. Правда, вся территория клетки хорошо просматривается сверху, что обычно выводит из себя наиболее нервных особей. Но из таких менпеты не получают. Идеальный кандидат вообще подбирается долго и тщательно. Более всего подходят одинокие люди без профессии, между тридцатью и сорока годами, психически уравновешенные, не склонные к активной жизни, с довольно высоким интеллектом или, по крайней мере, склонностью к чтению. Как это ни странно, красивые женщины для такой роли совсем не годятся: они привыкли к другому к себе отношению со стороны мужчин.

Поначалу идея сделать из человека что-то вроде говорящего попугая самому Джеку показалась несколько кощунственной. Но, с другой стороны, чем только не соглашаются заниматься людишки, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Правда, иногда приходится прибегать к разным дурацким уловкам, вроде имитации спасения будущих менпетов от каких-то таинственных бандитов. Но довольно часто замученные жизнью несчастные кандидаты, ознакомившись с условиями контракта, добровольно подписывают его на пять или даже десять лет. Заработная плата – миллион долларов в год – переводится на счет менпета. На время работы – регулярное медицинское обслуживание, прекрасное питание с хозяйского стола, телевизор, книги, газеты. По желанию – спортивные тренажеры. Единственное необходимое условие – прием транквилизаторов и специальных гормональных препаратов: сексуальные проблемы менпетов могли бы привести к самым непредсказуемым последствиям.

В периоды экономического спада, когда стремительно росла безработица или надвигалась угроза очередной войны, количество желающих убежать от суровой действительности – пусть даже в клетку – стремительно увеличивалось. Именно тогда у Джека появилась идея продавать менпетов парами, как канареек. Первый же опыт оказался на редкость удачным. Очень скоро оба менпета понравились друг другу, у них даже возникло что-то вроде влюбленности, и они только делали вид, что

принимают лекарства. Зрелище их любовных утех было, конечно, на любителя, но зато через некоторое время – от безделья и невозможности ни на минуту остаться в одиночестве – парочка начала ругаться. Порой дело доходило до драк. Великолепное шоу! Вскоре для работы с менпетами пришлось создавать специальную группу психологов и психиатров. В общем, идея Джека пришлась потенциальным покупателям по вкусу. Менпеты вошли в моду практически по всему миру. Говорили, где-то даже появились подражатели-конкуренты, но Джека это не беспокоило. Коммерческие соображения интересовали Бюро в самую последнюю очередь. Возможно, именно поэтому основную массу проектов им удавалось разрабатывать в практически полной тайне. Здесь важны были не деньги, а тесные, хорошо проверенные связи. Старые семьи умеют хранить свои секреты!

Мысли о семье вернули его к личным проблемам. Джека беспокоила судьба Весли. Когда ему доложили, что внук, уже уйдя за кулисы, встречался со своей давней подружкой, идея совместить вопросы безопасности с решением еще одной серьезно волнующей Джека проблемы возникла сама собой. Конечно, Джек знал, что эксперимент достаточно рискованный, но обстоятельства складывались настолько удачно, что грех было этим не воспользоваться. Весли решил увезти девушку из Нью-Йорка, рискуя тем, что информация может просочиться вовне, и этот факт говорил Джеку о многом. Пусть в бескорыстную дружбу между мужчиной и женщиной верят наивные домашние хозяйки! К тому же и врачи подтвердили, что из этой истории может выйти толк. Семьдесят процентов – вероятность вполне достаточная для того, чтобы пойти на риск. Вдобавок, Весли пора хоть немного повзрослеть. Говорят, сильные переживания очень этому способствуют.

В последнее время вокруг Весли творилось что-то неладное. Джек тщательно проанализировал поступающие доклады и долго не мог решить, как ему следует поступить. Это довольно несвойственное ему состояние неуверенности длилось до тех пор, пока относительно недавно не выяснилось, что русская разведка каким-то непонятным образом вышла на след людей Джека и даже пыталась проникнуть в самые отдаленные отделения Бюро, работающие с семьями на Востоке.

Новость не была из разряда сенсационных: русские давно уже ходили кругами вокруг Бюро. Более того, такое положение вещей вполне устраивало Джека. Ведь Россию всегда было выгодно использовать в своих целях: страна с мутным прошлым и

непредсказуемым будущим вполне годилась для его игр. Кроме того, русские почему-то были уверены, что Бюро действует исходя из собственной экономической или политической выгоды, и поэтому с ними удобно было иметь дело. Джека давно интересовала Россия. Временами ему даже казалось, что его гордость и любимое детище – Бюро – далеко не первая организация, занимающаяся воплощением в жизнь фантастических фантазий. Читая историю России, он частенько натыкался на столь удивительные, ничем, кроме злой и прихотливой воли «заказчика», не объяснимые факты, что поневоле чувствовал зависть к возможным исполнителям. Вот это размах!.. Но, так или иначе, русские были не в силах помешать ему. Для этого они слишком предсказуемы. Другое дело, когда речь зашла о безопасности его единственного внука. Джек хорошо изучил стиль работы русских. Их привычная схема «сначала сделать, а потом подумать» могла оказаться для него роковой. Джек не хотел рисковать внуком. Проще было вывести Весли из-под удара. Благо, отлаженная система сработала без сбоев. Да, пусть мальчик и его подружка пока отсилятся в Центре. В этом только одни плюсы.

Ладно, пора возвращаться к делам! Джек решительно поднял тяжелую трубку.

Оказалось, что звонит Фрэнк из Лас-Вегаса. Джек приготовился к тому, что на него сразу вывалят какие-то неприятные новости, но сегодня, по-видимому, был удачный день. Фрэнк сообщил, что операция «Адам и Ева» продвигается по плану и что, скорее всего, не сегодня-завтра можно ожидать положительного результата. Вот и отлично, подумал Джек, не хотелось бы прибегать к по-настоящему суровым мерам – не время, да и жаль, честно говоря: все-таки внук – родная кровь... Но Джек не может позволить себе расслабиться. Особенно перед столь важной операцией. Ему немного не по себе, и это, конечно, потому, что, впервые за много лет, он использует Бюро в личных целях. Хотя, если поразмыслить, Бюро всегда – так или иначе – действовало по его собственному сценарию. И только совсем уж изредка, под давлением обстоятельств, Джек выполнял прямые заказы. Но чаще скучающие заказчики просили его сначала придумать, а потом исполнить что-нибудь эдакое... Принято считать, что деньги и власть, которую эти деньги приносят, две самые притягательные вещи на свете. Да, наверное, это так – для тех, кто не обладает ни тем, ни другим. Но не для членов семей с их огромными капиталами и тайным влиянием на сильных мира сего. У них есть один, но могущественный враг – скука...

А началось все случайно, как это всегда и бывает. Однажды, приехав по делам на Кони-Айленд, он забрел на территорию Луна-парка. Перед аттракционами толпился народ. Особенно длинная очередь стояла у фанерного павильона, изображающего старинный замок. Изнутри раздавались «замогильные» голоса и стоны, многократно усиленные динамиками. Джек, сам не очень понимая, зачем ему это нужно, постоял в очереди и уселся в шаткую тележку, которая повезла его по темному лабиринту мимо освещенных синим светом скелетов из папье-маше, качающихся могильных крестов и привидений в заляпанных красной краской простынях.

Конечно же, эти самодельные «страхи» не произвели на Джека никакого впечатления. Куда больше удивило его другое: услугами этого балагана пользовались не только прыщавые подростки, но вполне взрослые и, судя по виду, далеко не наивные люди. Надо же, подумал тогда Джек, неужели в поисках развлечений посетители готовы удовлетвориться столь незатейливым зрелищем? Потом Джек специально понаблюдал за поведением людей в музеях, парках аттракционов, кинотеатрах, да и просто на улицах. И пришел к неожиданному выводу: толпа неразборчива и готова с восторгом проглотить любое зрелище. Как ни странно, чем это зрелище примитивней, тем лучше. Как будто люди, собравшись в кучу, вдруг стремительно молодеют и начинают воспринимать мир словно семилетние детишки. Надо отдать должное Уолту, он тоже об этом догадался и тщательно продумывал устройство своих Диснейлендов. Но у Диснея всегда были замашки и фантазия дельца средней руки – в отличие от него, Джека.

Впрочем, теперь Джек понимал, что самая первая акция Бюро тоже не отличалась особым размахом. Все началось с разговора в клубе. Один из приятелей Джека, Фил – скучный, более всего на свете увлеченный гольфом и поло толстяк, неожиданно разоткровенничался и заявил, что отдал бы все на свете, чтобы избавиться от надоевшей ему вздорной жены.

– Оказаться бы где-нибудь одному и пожить в свое удовольствие без всех этих дурацких условностей, – мечтал он вслух. – Боюсь только, для этого мне придется сначала умереть.

Фил отхлебнул виски и поморщился:

– Эта безмозглая дрянь найдет меня даже на краю земли. Спрятаться от нее можно только в раю. Да и то...

Вот тогда-то у Джека и родилась идея устроить ему такой земной рай. Самый настоящий рай, с прирученными животными, всегда великолепной погодой, полями для гольфа... Ну и, конечно, с Евой – а, может быть, даже не одной. Был незамедлительно куплен небольшой остров в Атлантике – достаточно далеко от любопытных глаз, но всего лишь в двух часах лета от Восточного побережья. Остров очень понравился Филу. Он тряс Джеку руку и без конца уверял, что ни за что на свете не расстался бы с обретенным раем, если бы только не эта проклятая семейная жизнь. Именно тогда Джек и предложил ему умереть: великолепный способ избавиться разом от всех проблем. Да и вообще, в рай ведь как раз и попадают после смерти. Вдобавок, поддавшись вдохновению, Джек пообещал прислать слюнтяю Филу небольшой кинофильм, снятый на его панихиде. Ведь возможность увидеть собственные похороны представляется далеко не каждому...

Личный самолет Фила разбился в пустыне, при подлете к Лас-Вегасу – прекрасное место для акций такого рода. Финансовые вопросы были решены на редкость просто: для семей с их огромными капиталами и анонимными вкладами в швейцарских банках такие дела устраиваются без особых проблем. Хотя, конечно, пришлось тщательно продумать всю схему. Джек вправе гордиться собой: эта схема еще ни разу не дала сбоев. Его давно перестало удивлять то, насколько привлекательной оказалась идея мнимых похорон для многих его знакомых. Может быть, в этой иллюзии есть что-то от желания обмануть реальную, настоящую смерть?..

Джек никогда больше не виделся с Филом – как-то не испытывал желания. Совсем недавно его исполнители доложили, что приятель умер. Умер на своем острове совершенно счастливым. А тогда, много лет назад, Джек неожиданно для себя почувствовал: ему нравится быть тем, кто способен придумывать все эти невероятные развлечения для ленивых и неизобретательных членов семей. Набор предоставляемых Бюро услуг рос с каждым днем. Но, в отличие от появившихся значительно позже подражателей, предлагавших своим клиентам лишь жалкие розыгрыши, его размах был куда более значительным. Все делалось всерьез, в обстановке полной секретности. Услуги Бюро пользовались высоким спросом. Особенно после того, как к нему, Джеку, обратились члены Клана.

Джек принципиально не лез в политику – глупую игру для надутых и кровожадных болванов, – но отказывать Клану было бы неразумно. Его глава Джон-

старший был давним приятелем отца Джека, и хотя, строго говоря, не относился к представителям старых семей, считался человеком весьма уважаемым и влиятельным. Тем более, что в тот раз ничего особенного от них и не требовалось. Разыграть спектакль такого уровня было для Бюро делом довольно простым. А Джон-младший со временем стал близким другом и партнером Джека. Впрочем, в те идиллические времена Джек еще не задумывался ни о чем более масштабном. Это уже потом, когда ЦРУ попыталось использовать связи Бюро для своих целей, Джеку поневоле пришлось иметь дело с семьями Европы, Японии и даже Ближнего Востока. Поскольку в его игры играли как раз те люди, от которых, как это принято говорить, зависели судьбы мира, то в результате часто случалось так, что их развлечения выливались в серьезные политические катаклизмы.

Сначала, слушая выступления мелких государственных деятелей и комментаторов, рассказывающих доверчивым телезрителям о безумии, творящемся в мире – о войнах, терактах, политических скандалах, – Джеку с трудом удавалось сдерживать смех: он четко выполняет заказы, а что из этого получается – это уже не его дело. Он-то прекрасно знает, что, как и почему происходит на самом деле. Только глубоко невежественные обыватели всерьез верят в то, что судьбы мира зависят от мудрых соблюдающих законы правителей, глав государств. Что особенно занятно, все заказчики были уверены, что сам Джек и его Бюро – простые исполнители. Джек никогда никого не разубеждал, но веселился от души. Люди, с которыми ему приходилось иметь дело, напоминали Джеку наркоманов: он поставлял им жизненно необходимое зелье. И, в точности как это происходит с наркоманами, ответ на вопрос, кто здесь от кого зависит, был для Джека не особенно очевидным. Но в глубине души Джек осознавал, что и для него самого игры, в которые играло его Бюро, приобрели характер какой-то нездоровой зависимости.

Особенно интересно стало работать сразу после Второй мировой войны: политическая карта мира в очередной раз перекраивалась. Не стало больше опасного Гитлера, зато появился не менее пугающий русский медведь. Заказчики просто раздирали Джека на части, требуя невысказанных, совершенно несовместимых между собой вещей.

Создание целого государства в Палестине показалось ему вполне достойной задачей. Тогда он предложил выкупить где-нибудь в Южной Америке большой кусок

земли и строить новую страну не в безводной пустыне, упирающейся в Средиземное море, а именно там – подальше от потенциальных недоброжелателей. Но у заказчиков были совсем другие намерения.

– Вы не знаете мой народ, – коверкая английские слова и размахивая руками, говорила ему грузная некрасивая женщина. – Нам непременно нужны внешние враги. Непременно! Иначе мы никогда ничего не построим...

Джек ни за что не стал бы иметь дело ни с этой женщиной, ни с ее коллегами, но именно тогда поступил заказ от восточных семей. Им тоже необходимо было новое государство – как полигон для проверки на деле свежих идей, которые подстегнут начинающие угасать религиозные и национальные чувства простого народа. Джек понимал: арабским семьям ужасно надоели мелкие внутренние перевороты и мятежи, коих в той части света всегда было более чем достаточно. Вот они и решили: пусть лучше революционеры займутся новыми соседями... Ну что ж, государств он до этого еще не создавал...

Впрочем, бывали в работе Бюро и досадные неудачи. Вроде кубинского переворота, когда нанятый артист после сыгранного им спектакля отказался покидать сцену. До сих пор играет в пламенного революционера, дурачок! И никто даже не догадался, каким образом кучка оборванцев смогла захватить власть на этом цветущем острове. В тот раз Джека попросили вмешаться, чтобы сбить спесь с надутых самоделок – владельцев кубинских курортов. Вот теперь народ и ездит отдыхать в Доминиканскую республику или на Карибы. Но Джек умел использовать с выгодой для себя даже очевидные неудачи... Мир до сих пор уверен, что независимым государством сделали Кубу именно коммунисты. В принципе, это было Джеку на руку...

Но самой большой своей удачей Джек считал последнюю операцию с Шейхом. Непредсказуемый и неуправляемый Шейх получит то, к чему давно стремился. К сожалению, Джек достаточно долго нянчился с ним и его людьми. Слишком много там было амбиций и любви к красивым эффектам. К счастью, они с Джоном заблаговременно позаботились о *серьезном* предложении, от которого Шейх отказаться не смог. Правда, чтобы осуществить задуманное, пришлось спровоцировать войну, что дало возможность нынешнему президенту помахать кулаками. Джек усмехнулся. Старушке Европе, сколько она ни ворчала, пришлось смириться. Даже

когда выяснилось, что никакого оружия массового поражения в стране нет. Нет и не было никогда. Джек не хотел рисковать и давать в руки местным патриотам-психопатам хоть что-нибудь, даже отдаленно напоминающее серьезное оружие. В результате вялотекущая война поддерживает необходимую ему нестабильность в мире, но, самое главное, нужный человек будет теперь работать на них. А еще через некоторое время этот человек получит желанную страну на блюдечке. Изящная и остроумная операция, к тому же, дающая возможность восстановить равновесие сил на Ближнем Востоке! Но говорить о полном успехе еще рано. К сожалению, Джек хорошо знаком с восточными нравами. От этих изнеженных набобов всегда следует ждать какой-нибудь неприятности... Впрочем, очень скоро он, Джек, уйдет за кулисы, исчезнет вслед за Весли, и тогда... Вот тогда посмотрим!

Поговорив с агентом из Лас-Вегаса, Джек приказал подавать обед: перед заседанием следовало подкрепиться. Конечно, в его возрасте уже можно было отойти от дел, но это означало бы, что Бюро прекращает свое существование: передавать руководство взлелеянной им компанией было пока еще некому. Ну, не совету же директоров, которого у него, кстати, никогда и не было. Джек прекрасно знал, что стоит Бюро обзавестись сложным управленческим аппаратом, как оно превратится в бюрократическое болото. Нет, Джек всегда сам продумывал все операции, считая, что только так и следует поступать. Конечно, в случаях, когда требовалось разработать политическую акцию, он привлекал к делу старину Джона, но только потому, что в глубине души сам терпеть не мог большой политики. А Джон, наоборот, блестяще работал именно на этом поприще. Так что, только он и Джон, вот и все. А теперь еще и приглашенные консультанты, вроде Шейха, которые в принципе не могли бы нарушить сложившегося в Бюро равновесия сил.

Относительно недавно Джек нанял туповатого исполнительного немца, Майера, но, разумеется, не посвящал его во все детали. У этого Майера был один маленький, но серьезный недостаток: полное отсутствие воображения. Впрочем, *всех* деталей предстоящего проекта, кроме старины Джека, не знал никто.

В принципе, система, которую создал Джек, не требовала большой армии работников. Но без хорошо соображающего руководителя она не могла бы существовать. Джек все еще чувствовал себя в силах обходиться без посторонней помощи. А если с Весли все получится так, как он рассчитывает, то проведение

последующих фаз операции «Большой страх» он сможет поручить внуку. Весли сообразительный и, хочется надеяться, достаточно циничный молодой человек. Джек просто уверен: когда внук во всем разберется, то поймет его и простит. Хотя на такие «мелочи», как чувства других, Джек никогда не обращал внимание. Ему нужен достойный наследник, и он его получит. К тому же, игра, в которую Джек заставит поиграть Весли, право, стоит того, чтобы немного помучиться.

Пока дворецкий накрывал на стол, Джек неподвижно сидел в кресле. У обслуживающего персонала тоже должно складываться впечатление, что хозяин – не простой человек. Обедал Джек обычно в одиночестве и не любил, чтобы ему мешала снующая с блюдами прислуга: все ставилось на стол сразу. Джек где-то вычитал, что Сталин поступал точно так же, и очень удивился схожести их привычек. Только, в отличие от тирана, он, Джек, совершенно не кровожаден. Бюро никогда не устраняет ненужных людей без особых на то причин. Ведь не мафия же они, в самом деле!

На сей раз ожил сотовый, который соединял Джека с Майером. Пунктуальный Майер обычно докладывал ровно в полдень, но только недавно вернувшийся из Техаса Джек перенес разговор на четыре часа дня.

– С русскими все в порядке, – коротко заявил Майер, и Джек услышал в трубке голоса. Вечно этот Майер включает у себя в кабинете телевизор! Ему, чудаку, до сих пор кажется, что следует быть в курсе всех мировых событий.

– Это, должно быть, случайность, что они вышли на нас. Только до сих пор не могу понять – это разведка, КГБ или бандиты? Хотя у них сейчас так все перемешалось, что они, должно быть, и сами запутались. Я не исключаю, что поначалу охотились за девочкой, – Майер не то рассмеялся, не то закашлялся. – У них сейчас принято похищать детей олигархов. А этот Иван случайно попался под руку. Вечером я буду в Центре и допрошу этого шпиона сам. Меня беспокоит только одно: каким образом русским стало известно о визите к президенту? Утечка информации? Впрочем, с вами, Джек, никогда не знаешь, где прокол, а где намеренная импровизация...

– Весь наш бизнес строится на импровизации.

Джек перебил Майера, потому что знал: сейчас тот начнет себя выгораживать за прокол с «этим Иваном». Пусть считает, что это действительно прокол: подгоняемые чувством вины люди начинают работать особенно усердно. А, в

принципе, получилось даже лучше, чем предполагалось изначально. Судьба бесследно сгинувшего русского бизнесмена Джека не волновала. Пусть они там сами разбираются... Зато у этого Ивана просто талант. Теперь президент вполне готов к тому, что должно произойти дальше. Русская угроза, будь то атомная бомба или аферы с нефтью, – то, что работает всегда. А с нынешним президентом церемониться не следует: чем проще, тем лучше. Сейчас, когда Джек спокоен за Весли, можно начинать играть с русскими всерьез.

– Все нормально, Майер. Вы поступили правильно.

– Насчет Пятого номера, – выдержав паузу, которая заменяла признательный кивок, заговорил Майер. – Все хвосты подчищены, контракт заключен, осталось только продумать несколько мелочей, чтобы все выглядело натурально. Правда, мы немного замешкались, и этот идиот Питерсон успел ее напугать. Следовало брать его сразу после того, как он сбежал из Центра. Питерсона мы вовремя блокировали, но девочка занервничала. Я отправил ее на бал к О’Хейли: нужно было действовать, пока она не сорвалась с крючка. Пусть почувствует себя кинозвездой. К тому же, у меня появились подозрения, что нам ее подсунили. Но это пока всего лишь предположение, которое нуждается в серьезной проверке...

«Пятым номером» они назвали ту девочку-актрису, которая столь похожа на номер Первый. Просто удача, что удалось ее найти! С годами это становится все труднее и труднее! Времена меняются, вкусы тоже, в актрисы теперь подаются широкоплечие женщины с крохотной грудью. А он, Джек, почему-то должен быть опекуном всех обратившихся к нему клиентов – от владельцев менпетов до умерших знаменитостей! Да, из увлекательной игры его работа потихоньку превратилась в изматывающую рутину. Если Старик протянет еще десяток лет и не утратит иллюзий молодости, в поисках очередной кандидатки придется, пожалуй, рыскать по маленьким заброшенным городишкам, куда еще не добралась современная мода. Какая трогательная история вечной любви... Впрочем, завидовать тут особенно нечему. Просто потому, что ничего вечного на этом свете не существует.

После смерти Софи Джек уже много лет жил один и никогда не жалел об этом. Нельзя сказать, что он был влюблен в свою невесту. Но семья хотела, чтобы они поженились, и Джек рассудил, что Софи – невысокая полноватая девушка с милым личиком и пухлым ротиком – вполне подходящий вариант. Ему было даже приятно

осознавать, что выбор сделан кем-то другим: это снимало с его плеч груз ответственности за такое решение. К тому же тогда он был занят по горло делами нарождающегося Бюро. Как, впрочем, и сейчас...

А потом все они – и Софи, и сын с невесткой – погибли в авиакатастрофе. Джек был абсолютно уверен в том, что катастрофа настоящая: он тогда специально приехал на Кейп-Код взглянуть на то, что осталось от его семьи. Джек устроил тщательное расследование, и оно показало, что в самолете вышла из строя система контроля рулей высоты, и он упал в море в нескольких милях от берега. Такое иногда случается. А своего тогдашнего помощника Аберкомбера Джек сразу убрал. Это было необходимая мера: слишком уж странно тот поглядывал на Джека в ходе расследования. Только полный идиот мог заподозрить его в убийстве собственной семьи! К тому же на руках у него оставался маленький Весли. Но, несмотря на подлинность трагедии, Джеку иногда казалось, что его жена и сын повторили им же придуманный трюк и сейчас наблюдают за его жизнью откуда-то издалека... Умом Джек понимал, что такие мысли – не более чем побочный эффект его работы. А, может быть, просто возраст сделал его глупым и сентиментальным...

Джек одобрил решение Майера отвезти девочку в Центр, на бал к этому надутому болвану О'Хейли – пусть старый Джон порадуетея и хоть ненадолго отвлечется от дел. Его теперь легко обрадовать... слишком легко. Сам Джек терпеть не мог этих ежегодных мероприятий, требовавших массы организационных хлопот, а в этом году вообще ситуация осложнилась до предела. Впрочем, отменять бал было бы неразумно. Всем этим знаменитостям, окруженным непроницаемой тайной, – тем самым знаменитостям, которым он помог исчезнуть и тем самым спастись от бремени славы, долгов, семейных обязательств – невыносимо хочется хоть иногда, хоть чуть-чуть приоткрыть завесу. Появиться в обществе – пусть даже в обществе таких же «мертвецов», как они сами. К тому же сама вероятность, что об их существовании узнают и посторонние, приятно щекотала нервы... Джеку было знакомо это ощущение. Он порой и сам боролся с глупым желанием проболтаться. Просто для того, чтобы появился еще кто-то, кроме клиентов и помощников, – человек, способный оценить масштаб проделанной им работы. Вот старина Джон – тот способен работать в полной неизвестности. Славы ему с лихвой хватило при жизни. Теперь его интересует только результат.

Джек помолчал, чувствуя, как нервничает Майер на другом конце провода, и приказал передать в Центр, чтобы с «русским Иваном» обращались как с обычным гостем, но не спускали с него глаз. Хитрый Майер сразу уловил нетерпение в его голосе и, прервав себя на полуслове, стал прощаться. Джек намеренно ничего не спросил о Весли. Нельзя, чтобы подчиненные почувствовали твою слабость. Если бы что-то пошло не так, как было запланировано, Майер упомянул бы об этом сам. Но он промолчал. Он вообще в последнее время стал куда более замкнутым, как будто чувствовал за собой какую-то вину. Странно, раньше он не замечал за Майером подобной чувствительности. Для такого человека операция «Большой страх» могла оказаться слишком серьезным испытанием... Джек брезгливо поморщился. Он не любил, когда поведение подчиненных ставило его в тупик. Но сейчас у него не было времени разбираться в этих психологических изысках. Да, Майер явно нервничает, но со своими обязанностями пока справляется, а это важнее всего. Все-таки следует почаще бывать в Центре самому. Вон Джон сидит там почти безвылазно. Так и с ума сойти недолго! Особенно в столь преклонном возрасте... Ну, да ладно, с Весли в Бюро придут новые люди, начнутся новые дела. А пока что можно закрыть глаза на мелочи. Теперь это уже не так важно.

Джек нахмурился, сунул трубку в карман домашней куртки, взглянул на почти нетронутый обед и подошел к сейфу. Просматривать документы не было никакой нужды: он в прекрасной форме и способен удержать в уме всю необходимую информацию. Но Джек твердо знал, что на людей, которых он пригласил сегодня на совещание, разложенные на столе бумажки произведут нужное впечатление. Да и сам он покажется им фигурой более значительной. Люди, в массе своей, мыслят готовыми кирпичиками стереотипов. Даже самые сообразительные из них редко пытаются смотреть на вещи без предубеждения и вечно пользуются подготовленными для них полуфабрикатами, словно консервами из супермаркета: пусть не так вкусно, как самостоятельно приготовленное блюдо, зато быстро и удобно... Нет, сейчас он должен сосредоточиться. Пустую философию можно оставить для бессонной ночи. Пора было идти переодеваться: Джек совершенно не умел опаздывать.

Отель «Плаза», в котором обычно проходили деловые встречи, всегда ужасно раздражал Джека своей помпезностью и навязчивым подобострастием обслуживающего персонала. Если бы не его нелюбовь к коммерции, он давно купил

бы этот отель и сделал из него нормальную современную гостиницу. Но было глупо тратить время на подобные мелочи; да и люди, с которыми он здесь встречался, как правило, считали «Плазу» оплотом старых добрых традиций. Ну и пусть себе тешатся! В самом деле, не приглашать же их на «Объект пятьдесят два», как его называет Майер. В огромный подвал, куда можно попасть с улицы через хитро устроенный канализационный люк. Майер так гордился этой своей детской выдумкой, считая, должно быть, что подобная наивная шпионская ерунда в стиле Бэтмена придаст всему делу необходимое очарование. В принципе, он был прав: Джек давно знал, что всяческая таинственность, вроде подземных ходов, отъезжающих в сторону книжных шкафов, тайников и секретных хранилищ, производит должный эффект даже на самого здравомыслящего человека. Жаль только, что такие объекты, да еще прямо посреди Нью-Йорка, привлекают к себе ненужное внимание. Джеку уже несколько раз докладывали, что вокруг подвала крутится какая-то пуэрториканская банда.

Конечно, раздавить этих парней ему ничего не стоило. Но он все медлил отдавать приказ, потому что в последнюю секунду решил, что для предстоящей операции такие вот мелкие самостоятельно действующие наглые мафиози могут оказаться весьма полезными. Он распорядился устроить на объекте «пещеру Али-бабы» с комнатой-сейфом, куда положили с полтонны отлично изготовленных фальшивых купюр. Пусть мучачи потешатся – если, конечно, сумеют туда добраться. Джек подумал даже, что неплохо бы спровоцировать этих мальчишек, раз уж они оказались под рукой. Не сейчас, конечно, а чуть позже...

Сухо кивнув выскочившему ему навстречу приторно улыбающемуся управляющему, он, минуя лифт, торопливо поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Два огромных номера, соединенные в один, по приказу Джека были специально переоборудованы в офис для приема гостей. Правда, прямо под окнами шумела Пятьдесят девятая улица, и даже сквозь фильтры кондиционеров пробирались ароматы автомобильных выхлопов и конных экипажей, поджидавших клиентов на ее противоположной стороне, у Центрального парка. Самому Джеку это почему-то очень нравилось, а с точки зрения безопасности и утечки информации никакой разницы между этим номером и расположенным глубоко под землей бункером не было. Джек знал это точно.

Как он и ожидал, все было готово к заседанию. Он уселся за огромный письменный стол – тоже дань традиции, – положил на тщательно отполированную поверхность тоненькую кожаную папку и взглянул на небольшой монитор. Приглашенные уже ждали его в соседней комнате: Маккинли вяло крутил в руках кофейную чашечку, разглядывая оставшуюся на дне гущу, а Форберг, важно поджав узкие губы, смотрел в окно. Ну, разумеется, оба противника, еще не наигравшиеся в свои политические игры, ведут себя словно двое только что подравшихся мальчишек. Джек невольно почувствовал злорадное удовлетворение. Оба – богачи-самоделки, самоуверенные, болтливые и глуповатые. Вот, кстати, и еще один стереотип: почему-то считается, что чем больше удалось человеку заработать денег, тем он умней. Как бы не так! Но Джеку всегда нравилось подыгрывать и льстить самолюбию «самоделок». Пусть потешатся! В свое время он даже поддержал избрание на пост губернатора одного из штатов этого ловкого циркача... черт, он все время забывает его фамилию! Тоже из самоделок – и, что характерно, абсолютно уверен: управлять целым штатом так же легко, как разбираться с делами на своей конюшне. Впрочем, скорее всего, разница и действительно невелика...

Джек еще немного понаблюдал за своими гостями. Пусть погадают, зачем они ему понадобились, да еще и вместе. Что ж, он приготовил для них очаровательный сюрприз... Ну все, пора! Джек, выключил монитор и нажал на вмонтированную в крышку стола кнопку. Секретарши в этом офисе не было: он пользовался им крайне редко и скучающая девица, сидящая на страже его кабинета, была ему совершенно ни к чему. Для того, чтобы подать гостям напитки, вполне хватало гостиничной obsługi.

После ритуальных рукопожатий гости расселись в креслах напротив, и Джек еще раз мельком подумал о том, насколько неприятна внешность обоих политиков, чего не могли скрыть даже отлично сшитые костюмы. Тот циркач-губернатор хотя бы выглядел как приличный человек! Хотя в глазах массы избирателей это было скорее недостатком, чем достоинством.

– Ну-с, – произнес Джек после небольшой паузы, – я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам исключительно важную информацию.

Толстяк Маккинли чуть округлил глаза, изображая внимание, а худощавый Форберг сложил руки на коленях и напряженно улыбнулся. Жаль, подумал Джек, что эти недоучки не знакомы с классикой мировой литературы. Они не интересовались

вообще никакой литературой, занятые сначала зарабатыванием денег, а затем политикой. Иначе эта преамбула напомнила бы им сценку, давным-давно описанную одним русским классиком. Это внесло бы в его сообщение хоть какую-то долю иронии.

Но никаких культурных ассоциаций у его гостей подобное вступление не вызвало. Они даже не проявляли нетерпения. Ну, это понятно. Они справедливо считают Джека Триммера представителем старых семей, по сравнению с которыми Морганы и Ротшильты кажутся жалкими нуворишами. Все, что он скажет, будет воспринято более чем серьезно. Вот и прекрасно. Но, несмотря на уверенность, Джек почувствовал, как вспотели руки: он волновался. Впрочем, показать свое волнение в этом случае будет, наверное, вполне оправданно.

Пока Джек говорил, оба гостя не сдвинулись с места, не пошевелились. Только у Форберга побелели костяшки переплетенных пальцев. Джек на секунду представил себя на месте этого еврея. Он помнил, что то ли дед его, то ли прадед эмигрировал с семьей из царской России. Джек плохо разбирался в таких вещах, но, кажется, у русских евреев страх перед безудержным российским погромом заложен в генах. Они боятся его даже сильнее, чем немецких газовых печей. Иначе не бежали бы из России во внешне благополучную сытую Германию...

– Мистер Триммер, вы уверены, что... – толстяк Маккинли решил заговорить, но тут же закашлялся, по-женски прикрывая рот платочком. – Разумеется, я не сомневаюсь в достоверности вашей информации, но, честно говоря, в это слишком трудно поверить. Просто пытаюсь уяснить для себя, что в этой ситуации можно сделать...

Джек прекрасно понимал Маккинли: попытка политика его уровня скрыть такую информацию от официальных властей города была бы расценена как преступление. Особенно после трагедии со Всемирным торговым центром. С другой стороны, о терроризме сегодня столько кричат на каждом углу, что куда разумней противопоставлять этой истерии спокойный взвешенный подход: да, такая угроза существует, но в настоящий момент ситуация находится под контролем, поэтому незачем понапрасну нервировать людей. Обывателю нравится, когда его пугают, но еще больше нравится, когда успокаивают...

– А почему вы не обратились прямо к президенту? – спросил осторожный Форберг. – С вашими возможностями и связями... Вы думаете, это как-то связано с Бен-Ладеном?

Поморщившись, Джек пожал плечами. Ну, зачем такие дураки лезут в политику? Он бы еще спросил, почему до сих пор не оповещен директор ФБР! Вот было бы славно рассказать им об еще одной старой семье – семье Бен-Ладенов... Но даже если эти двое догадываются о подоплеке многих процессов, происходящих в так называемой большой политике, пугать их до смерти совершенно не входило в планы Джека. Кажется, еврей все-таки что-то сообразил. Он склонил рано начавшую лысеть голову и нервно рассмеялся. Хорошо еще, что он не задал вопрос, почему Джек пригласил их с Маккинли вместе!

– В общем, господа, надеюсь, что вполне могу на вас рассчитывать. В жизни бывают ситуации, когда следует забыть о межпартийных разногласиях. Поскольку информация неофициальная, я предоставляю вам возможность делать свои выводы. И действовать соответственно этим выводам. Разумеется, упоминать мое имя было бы излишне.

Произнося эти пустые, ничего не значащие слова, Джек поднялся и, глядя, как торопливо встают гости, подумал, что правильно угадал уровень, на котором следовало распространять информацию. Оба противника сейчас судорожно соображают, как бы выгодней ее использовать. Они будут вертеться как ужи, но – так или иначе – уже через несколько часов и Сити-холл, и офис губернатора начнет лихорадить. Вот и славно. Джек посмотрел на часы. Время пошло. Теперь он может назначать дату операции. В зависимости от некоторых деталей и труднопредсказуемых организационных сложностей, в запасе у него от пяти до семи дней.

Уже спустившись вниз и вызвав машину, Джек внезапно переменял решение ехать домой. Лучше немного прогуляться в парке: он уже давно пренебрегает советами врачей побольше бывать на свежем воздухе. Хотя погода была довольно неприятной, зато серое, вот-вот грозящее разродиться дождем небо разогнало любителей посидеть на парковых скамейках, и это обрадовало Джека. Он не выносил эту суетливую гомонящую толпу.

Итак, механизм запущен, подумал он, устроившись на жесткой скамейке. На Майера, конечно, полагаться нельзя: слишком уж велик риск. Ладно, он справится сам.

У него имеется достаточное количество исполнителей. Тем более, что все детали операции уже тщательно разработаны стариной Джоном. А сразу после окончания операции «Большой страх» он умрет, исчезнет... В его возрасте для этого даже не нужно устраивать никаких катастроф, да и в такой момент никому не будет дела до старого Триммера. Привычно просчитав детали, Джек усмехнулся. Кому-то их с Джоном размах мог бы показаться достойным Герострата. Но Герострату очень хотелось остаться в истории, а ему, Джеку, на историю наплевать. Он не столь наивен. И именно поэтому знает, что все самые важные мировые события и катаклизмы начинаются всего лишь с желания одного-единственного человека. Постороннему наблюдателю это желание могло бы показаться глупым, наивным, ничего не значащим капризом, и тем не менее...

Он вспомнил, как однажды для своего приятеля-авиатора устраивал «нашествие инопланетян». Тот считал, что таким образом сможет повлиять на аппаратчиков в правительстве, которые отказывались размещать на его заводах государственные заказы. Но эти сволочи прислушивались к общественному мнению и чутко держали нос по ветру. Приятель был убежден: стоит им убедиться, что инопланетный разум действительно существует и даже засылает свои тарелки в воздушное пространство Соединенных Штатов, как развитие американской авиации получит серьезный толчок, а он сам – такие выгодные заказы, каких у него не было со времен Второй мировой войны. Джек мало верил в действенность этой авантюры, но занялся ей с воодушевлением. В тот момент ему было любопытно проверить, насколько легко сформировать общественное мнение с помощью прессы. К тому же, это был просто занятный проект, напрямую не связанный с политикой. Они тогда славно повеселились, запуская в воздух «неопознанные летающие объекты»... Впрочем, в то время Джек был значительно моложе и беззаботней. Но все же не забыл позаботиться о том, чтобы выкупить огромный кусок никому не нужной земли в Неваде. Объект «Пятьдесят один» до сих пор считается лакомым куском для любопытных ученых и безмозглых журналистов.

И все-таки Джек вынужден был себе признаться, что ему особенно интересно продумывать вовсе не масштабные, а мелкие забавные проекты вроде «Дома вне времени». Обычный шестнадцатизэтажный дом в самом центре Манхеттена он превратил в увлекательнейший аттракцион для богатых людей, ищущих острых

ощущений, но не желающих, чтобы их приключения были слишком уж опасными. Никто из прохожих и представить себе не может, что творится внутри типичной для Нью-Йорка многоэтажки. Переступив порог Дома, гость оказывается в совершенно ином мире с массой ловушек, фальшивых дверей и окон, ведущих в никуда коридоров и прочей откровенной ерундой, мысли о которой появились у Джека еще тогда, в Луна-парке, в том самом памятном лабиринте. Проведя неделю в таком месте, где утро или вечер наступают по желанию, а века меняются в зависимости от этажа, на котором находишься; где можно встретить кого угодно – снежного человека, средневекового рыцаря, мага, – где каждый имеет возможность воплотить в реальность свои самые смелые фантазии, некоторые посетители решают поселиться там навечно. И как только они не сходят с ума? Джек рассмеялся. Относительно недавно он переправил туда принцессу Диану с ее любовником и очень гордился тем, что оставил в дураках саму английскую королеву – а вместе с нею и весь мир...

Люди – и мужчины и женщины – всегда дети, даже если не готовы это признать. Этот грозный и весьма образованный Шейх – или, как принято называть его в Центре, мистер Би, – тоже всего лишь наивный ребенок, со всей своей восточной страстью падкий на красивые жесты. Упорно отказывается от разумных мер безопасности, создавая этим Джеку массу дополнительных проблем. Вот бы кому понравился Дом! Место, где он мог бы немедленно воплотить в жизнь все свои безумные идеи. И так ли уж велика разница между ощущением могущества в пределах земного шара и всего лишь одного здания... Но Шейх, к сожалению, все же предпочитает действовать снаружи, в реальном мире. Впрочем, как и сам Джек... Ну что ж, тогда будем играть дальше. Тем более, что ждать своей последней игры ему осталось совсем недолго. Им с Джоном давно пора на покой, пока они еще в состоянии контролировать ситуацию. Об остальном позаботится Весли.

Джек еще раз глубоко вдохнул пахнувший прелыми осенними листьями воздух и неторопливо направился по аллее к выходу. Перед ужином он должен принять свои лекарства: пренебрежение мелочами порой приводит к катастрофическим последствиям.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ФЕЛИСИЯ

Все, что происходило с ней в таинственном подземелье, Фелисия поначалу воспринимала как очередной фокус, придуманный для нее Весли. Люк, в который она прыгнула, напоминал кроличью нору Алисы, и это тоже было вполне в стиле ее друга. Вот только самого Весли в подземелье не оказалось. Фелисию встретил какой-то мужчина в вызывающе дорогом костюме – приторно вежливый, словно гостиничный администратор. Он торжественно провел Фелисию по длинному коридору в небольшую комнату и попросил немного подождать. Фелисия почувствовала, что невольно начинает нервничать: Весли обещал, что встретит ее сам. Да и обстановка этой комнатенки с низким потолком и облезлыми стенами спокойствия не прибавила. Впрочем, в прошлый раз Весли выбрал для встречи место не менее экзотическое...

Фелисия начала считать в уме: кто-то говорил ей, что это помогает расслабиться. Но не успела она досчитать до ста, как перед ней предстал довольно занятый субъект. В первую секунду Фелисии даже показалось, что это переодетый Весли. Но, в отличие от Весли, его физиономия была довольно неприятной: большая, почти безволосая голова, какие-то неправдоподобно маскарадные морщины на лбу, растянутый в преувеличенной улыбке рот...

Почему-то он напомнил Фелисии престарелого лысого тролля. Тролль смешно шаркнул ножкой и заявил, что безумно – Фелисию еще позабавило это словцо – «безумно» – извиняется перед мисс, но он вынужден... Не договорив, тролль молниеносным движением ухватил Фелисию за руку, перед глазами что-то сверкнуло, она успела почувствовать укол и провалилась в глубокую холодную тьму без начала и конца...

Когда Фелисия очнулась, ей показалось, что обморок или кошмарный сон все еще продолжается. Раздетая, она лежала на жестком, напоминавшем собачью подстилку матрасе в каком-то полутемном помещении. Из небольшого зарешетчатого

окошка в него проникали жалкие лучики электрического света. Да это же самая настоящая тюремная камера! Вернее, каморка – крохотная и ужасно холодная. Это показалось Фелисии настолько невероятным, что она даже не испугалась. Не веря своим глазам, она села и охватила руками колени. Как она сюда попала? Ее украли? Фелисия попыталась вспомнить хоть что-нибудь. Странно, но в памяти, словно кадры немого кино, всплывали какие-то обрывки: она сидит рядом с Весли сначала в самолете, а потом в машине, несущейся в ночи неведомо куда... Ярко освещенный зал, где какие-то люди приветливо улыбаются им. Потом опять ночь... Она в постели, а рядом почему-то лежит Весли. И все, дальше ничего – пустое пятно. А теперь вот эта камера...

Нет, неправда. Ей приснилось, а, может быть, просто почудилось что-то еще – невероятное, жуткое до дрожи и до дрожи приятное. Никогда раньше, даже в самых откровенных эротических снах, Фелисия не чувствовала такого порочного от преступления всех мыслимых запретов восторга, такого грубого и, в то же время, легкого, пенящегося страдания... Несмотря на все воспитательные усилия мисс Фиби, Фелисия считала себя вполне сложившейся женщиной, чуждой предрассудков. Но тут было что-то другое... Может быть, дело было в том, что ей снился Весли. Надо же: она и Весли... Фелисию передернуло, но она и сама не поняла – почему.

Нужно взять себя в руки, подумала она. Ее видения, конечно же, следствие наркотика, который ввел ей этот проклятый тролль. Сейчас нужно сосредоточиться на другом. Наверное, было бы нелишне припомнить все школьные наставления на тему «как себя вести в случае, если вы попали в заложники»... Тогда, в школе, ей казалось, что это сплошная ерунда; ведь даже их дипломированный учитель – бывший специалист ФБР по переговорам с похитителями – был не в состоянии выдать им точную инструкцию, как себя вести в плену. Просто потому, что такая инструкция и не могла существовать. Никто не способен высчитать и предсказать действия бандитов, проникнуть в их психологию. Это все только так, общие рассуждения, теория. Например, предложение определить свое местонахождение или завязать доверительный контакт с преступниками... Интересно, как бы это могло пригодиться ей сейчас?

Осторожно ступая босыми ногами по холодному полу, Фелисия подошла к окошку. Но ничего, кроме противоположной стены, рассмотреть не смогла. Да это же

вовсе не окошко, а нечто вроде большой прямоугольной форточки в железной на ощупь двери! Нет, школьные инструкции можно забыть. Кем бы ни были те люди, которые засадили ее в эту тюрьму, они явно не собирались дать ей возможность пообщаться с собой. Интересно, как получилось, что Весли невольно оказался их пособником? Фелисия была абсолютно уверена, что сознательно заманить ее в ловушку Весли не мог. Но ведь позвал ее в тот подвал именно он ... Значит, доверчивого Весли просто обманули? Да, это вполне возможно. Только получается, что тут действовала все та же загадочная организация, устроившая Весли фиктивную катастрофу. На секунду Фелисия усомнилась в том, что в жутких катакомбах под вокзалом Гранд-сентрал – издали, в полутьме – видела именно его. Но голос... Ведь по телефону с ней говорил именно Весли. Может быть, еще можно сымитировать голос, но подделать его интонации, манеру разговаривать... Нет, ошибиться она не могла!

Стоять на холодном полу было неприятно, и Фелисия вернулась на подстилку. Ну что ж, если похитители хотят получить за нее выкуп, то, по крайней мере, могли бы устроить ее с большим комфортом. Ведь обычно дело с выкупом тянется не один день. Если верить бывшему специалисту из ФБР, бандиты часто обещают жертве оставить ее без воды и хлеба, но до последней минуты стараются не исполнять свои угрозы: отчаявшаяся жертва способна создать массу сложностей. А эти сразу же бросили ее раздетой в холодную камеру... И вот еще вопрос: где Весли, что будет с ним? Фелисия удивилась невозмутимости, с которой она думала о собственной судьбе. Почему-то ей совсем не было страшно. Она и сама не ожидала от себя подобного мужества.

Фелисия попыталась устроиться на жесткой подстилке поудобнее. Она начинала замерзать. Да, мужество – это замечательно, но все-таки нужно попытаться отвлечься и от этой мрачной каморки, и от мыслей о будущем. Потому что неизвестно, надолго ли ее хватит...

Из-за двери послышались голоса. Фелисия внутренне напряглась: кажется, пришло время познакомиться с бандитами. И снова удивилась самой себе: перспектива предстать перед похитителям в чем мать родила ее не смущала. Если бы ее хотели изнасиловать, то возможностей у них было более чем достаточно. Но тот же школьный учитель уверял, что жертвы обычно не подвергаются физическому насилию. По крайней мере, до получения денег.

Голоса звучали все громче. Раздался пронзительный крик, и через секунду Фелисия узнала этот голос: кричал Весли. Неужели бандиты мучают его? Но почему, за что?! Фелисия уже ничего не понимала, только почувствовала, что ее охватывает ужас, которому она столько времени сопротивлялась. Громыкнуло железо, и дверь каморки широко распахнулась. Глаза Фелисии еще не привыкли к яркому свету, поэтому она увидела в проеме только две огромные черные фигуры, в руках которых извивался хрупкий, поразительно белый на их фоне Весли. И только когда они втолкнули его в камеру, Фелисия сообразила, что на Весли тоже нет никакой одежды. А еще она успела узнать того самого мерзкого Тролля...

Дверь с грохотом захлопнулась, и Весли как будто ожидал этого сигнала: он стал медленно опускаться на пол, заваливаясь набок. Фелисия бросилась к нему, попыталась подхватить, но Весли оказался неожиданно тяжелым, и ей пришлось волоком тащить его на подстилку. При этом ее соски, ставшие на холоде очень чувствительными, то и дело прикасались к его телу, чиркая по безволосой груди и лицу. Фелисия уложила его и вдруг – совершенно не ко времени – подумала, что никогда не видела Весли голым. Не то, чтобы их отношения были совсем уж братскими. Начиная с тех самых пор, когда Весли предложил потрогать ее в темноте туалета, между ними порой пробегала какая-то странная щекощущая искорка, но оба, не сговариваясь, мгновенно отстранялись, гасили ее. Фелисии казалось, что потом, когда она догадалась о подлинных сексуальных пристрастиях Весли, их отношения стали проще: из них напрочь исчезла даже потенциальная возможность чего-то другого, кроме хорошей дружбы.

Он лежал перед ней, одурманенный каким-то наркотиком – возможно, тем самым, который вкололи и ей самой. Фелисия отвела глаза от лица Весли и тут же отвернулась. Ошибиться было невозможно: в эту минуту Весли чудилось что-то сходное с тем, что видела она сама. Фелисия где-то читала, что агония у повешенных сопровождается мощными эротическими галлюцинациями. Возможно, действие этого наркотика вызывает сходную реакцию. Ну что ж, она подождет, пока Весли проснется. А вообще это большая удача, что бандиты решили держать их вместе. Вместе значительно проще. Отвратительно только то, что действие проклятого наркотика, по всей видимости, еще не закончилось: ей почему-то мучительно хотелось дотронуться до спящего Весли, крепко сжать, потом накрыть его своим телом и... наплевать на все!

От этой мысли легкая судорога свела бедра так, что Фелисии пришлось встать. Она отскочила в сторону и прижалась горячим, как будто кипящим телом к ледяной двери, ощущая затылком твердые прутья форточки. Фелисии показалось, что скользкий пол под ногами круто накренился, приподнимая ее все выше и выше, и ей пришлось схватиться руками за решетку, чтобы не съехать вниз, не соскользнуть обратно – к Весли, в сладкий и мутный кошмар наркотического видения...

Почувствовала чье-то дыхание на онемевших от напряжения пальцах, Фелисия чуть было не закричала. В форточке, совсем рядом, ей привиделась огромная лысая голова злобного тролля. Тролль нагло хихикнул, и тогда Фелисия поняла, что это не видение: что это он, ее мучитель, и есть. Она повернулась к нему, даже немного обрадованная его появлением: сейчас в этой истории с похищением хоть что-то станет понятным. Но, даже пытаясь сосредоточить взгляд на покачивающемся морщинистом лице, Фелисия спиной – всей своей горячей воспаленной кожей – чувствовала присутствие Весли. Это было каким-то сумасшествием...

– Эх, мисси, – сказал тролль, заглядывая в узкую форточку, словно в глубокое декольте, – кабы не приказ, я б тебя враз успокоил. Ох, невезучий же я человек... Ничего, мисс, все еще может быть. А пока нужно выполнять приказы, иначе никак.

Тролль наклонился и почти исчез из виду. Снова раздался железный грохот, и Фелисия испугалась: что, если отвратительный тролль откроет дверь и... Но прутья решетки, за которые она все еще держалась, вдруг стали сдвигаться вниз. К тому времени, когда Фелисия опомнилась, в двери образовался узкий – на ширину форточки – открытый проем, нижний край которого упирался ей прямо под пупок. Фелисия не успела отпрянуть: как и в первый раз, тролль молниеносно и цепко ухватил ее за руки. С невероятной силой потянув Фелисию на себя и заставив сильно наклониться вперед, он протиснул ее плечи в проем и тут же вцепился твердыми пальцами в шею, не давая шевельнуться.

– Ну вот, мисси, так-то. Сейчас твой молодой женишок очухается и оприходует тебя, как нужно. Ты уж потерпи, зато потом-то одна только сласть и останется.

Тролль опять захихикал, и Фелисия почувствовала, как в ней, кроме злости и боли, поднимается ощущение какого-то еще не изведенного унижения. Распластал ее, как лягушку, мразь! Дурноту и отвращение вызывало и это его липкое словечко

«сласть». Фелисия попробовала пошевелиться, но пальцы у нее на шее тут же сжались сильнее.

– Э-э, мисси, ты лучше не шали. Я корову руками удерживаю, когда на нее быка распалют, так-то. Я ведь когда-то ветеринаром был, мисси. Да-а... Так что уж с тобой-то справлюсь...

Тролль продолжал что-то бормотать, но Фелисия уже не слушала его, потому что почувствовала сзади какое-то движение, как будто к ней неумолимо приближался не знакомый и привычный шалун Весли, а кто-то неведомый, огромный и горячий. Фелисия и сама не понимала, что она ощущает, но раскаленный зверь позади и пугал, и привлекал ее одновременно. А она не могла пошевелиться, согнутая немилосердной рукой. Вокруг головы сжимался обруч, а в низ живота все сильнее впивался, почти гася сознание, острый металл...

Фелисия почувствовала крепкий хлопок, ожегший щеку, и открыла глаза. Весли склонился над ней, с тревогой ожидая результата пощечины. Фелисия улыбнулась и поймала его ладонь. И тут же увидела, как страдальчески скривились его губы. Ох, Весли... Несмотря на тупую головную боль, Фелисия чувствовала себя значительно лучше. Действие наркотика, похоже, закончилось, но она ничего не забыла. Она помнила, как тролль пытался спарить их с Весли, словно быка с коровой. И сейчас по лицу Весли поняла, что попытка удалась, что та грязная тварь всласть налюбовалась результатом своих усилий. Весли не ответил на улыбку, а только сел рядом с ней на подстилку и отвернулся. Конечно, ему значительно труднее. Но, в конце концов, их ведь накачали какими-то отвратительными наркотиками, поэтому отвечать за свои действия никто из них не может. Непонятно только, зачем это нужно было троллю. Гад, извращенец! Но, удерживая Фелисию, он бормотал что-то про приказ. Неужели ему действительно приказали такое? Но для чего? И потом, Фелисия никогда не слышала, чтобы транквилизаторы, которые обычно вводят человека в полуобморочное состояние, давали еще и такой странный эффект. Фелисия на секунду вспомнила свои ощущения и поежилась...

– Послушай меня, Весли, – сказала она и уже хотела было положить руку на его голое плечо, но вовремя передумала, – нас похитили, теперь это ясно. Если мы сейчас начнем раскисать и комплексовать из-за всяких мелочей, то долго здесь не продержимся.

Весли слушал, не оборачиваясь, и Фелисия вдруг почувствовала себя значительно старше и мудрее. Ну что ж, решила она, сейчас следует избегать недомолвок. Эту мысль она повторила вслух и почувствовала, как напрягся Весли.

– То, что произошло – уже произошло. Плюнь на это! Подумаешь, трагедия... Давай лучше решать, что нам делать дальше.

Весли покачулся; Фелисия видела, что он хотел встать, но пересилил себя и повернулся к ней лицом.

– Гады, – прошипел он сквозь зубы, – какие они гады! Это все Майер! Купил меня, как последнего мальчишку. А я позволил себя заманить. Проклятье, проклятье! Я последний идиот, Рыжка! Самый последний...

То, что Весли назвал ее Рыжкой, показалось Фелисии хорошим признаком. Значит, он не воспринял все происшедшее настолько трагично, как ей показалось вначале. Ну что ж, уже неплохо. И хотя было очевидно, что все угрозы голого Весли, сидящего рядом с ней на жесткой подстилке в крохотной закрытой на замок камере не стоили ни гроша, Фелисия дала ему выговориться. И только когда Весли замолчал, чтобы перевести дух, она мягко сказала, что все это эмоции, но, если он расскажет ей подробнее о тех людях, которые устроили ему автокатастрофу, то у них с Весли будет шанс хотя бы понять, чего от них хотят. Чего им следует ожидать в самом ближайшем будущем.

Весли пожал худыми плечами, немного помолчал, а потом заговорил, стараясь не встречаться взглядом с Фелисией. По его словам получалось, что однажды некий мистер Майер обратился к нему с весьма заманчивым предложением. Назвав несколько имен, известных Весли по курсу психологии, Майер предложил ему поработать вместе с этими людьми над грандиозным проектом. Если не вдаваться в подробности, речь шла о полном переустройстве мира.

Конечно, это звучит и смешно, и высокопарно. Но ведь любая великая теория вначале кажется странной и даже наивной. Были привлечены огромные средства. В это трудно поверить, но Весли был свидетелем целого ряда акций, приведших к совершенно неожиданным результатам. Достаточно будет упомянуть хотя бы теорию парникового эффекта и озоновых дыр. У них это называется «легендой». Трудно сказать, действительно ли это является результатом деятельности человека: такие явления, как глобальное потепление, все еще мало изучены. Но правильно

проведенная пропаганда, в нужный момент задействованные люди – речь идет об ученых, политиках, журналистах – и вот уже «легенда» сработала и привела к образованию Европейского Союза, например.

– Понимаешь, Рыжка, – Весли в первый раз взглянул Фелисии в глаза, – когда я узнал, какими вещами буду заниматься, у меня закружилась голова. Ведь социальная психология – моя профессия. Тем более, ты же знаешь, мне совсем не хотелось по окончании университета положить свой диплом на полочку и проводить жизнь в клубах или на полях для гольфа. Ну вот и... Мне показалось, что, работая в группе психологов, я могу посвятить свою жизнь чему-то по-настоящему достойному. Да что я тебе рассказываю...

Весли горько усмехнулся и снова хотел встать, но вспомнил, что не одет, передумал и продолжил рассказ. В общем, его полностью увлекла предложенная работа. Не смутило даже то, что она требовала соблюдения определенных правил. В частности, по целому ряду соображений, работающие на этот проект люди должны были имитировать собственную смерть. В этом был и ритуальный, и практический смысл. Многие разведки мира дорого бы заплатили, чтобы добраться до их организации.

– А ты никогда не поинтересовался, почему Майер выбрал для такой работы именно тебя? – спросила Фелисия, но ее вопрос был скорее риторическим. Наверняка эти люди хотели впрямую или косвенно использовать тот факт, что Весли был отпрыском одной из самых старых семей.

Уловив, на что намекала Фелисия, Весли хмуро усмехнулся.

– Ты не понимаешь, Рыжка! Ты ничего не понимаешь! – он сокрушенно посмотрел на нее, как будто в том, что их похитили, была его вина. – Да я и сам перестал что-либо понимать. Так голова болит... Ну, как Майер мог, как он посмел?! Нет, это невероятно... Но не волнуйся: я втянул тебя в эту историю, и я должен придумать, как нам из нее выбраться!

Фелисия была уверена, что Весли просто пытается ее подбодрить. Вряд ли он знал что-то такое, что могло бы стать ключиком к освобождению. Ну что ж, по крайней мере она отвлекла и его, и себя от воспоминаний о диком издевательстве, которому они здесь подверглись...

Снова послышался грохот отпираемой двери, и в камеру ворвались люди. Фелисии показалось, что для такого крохотного помещения их слишком много, что своими потными телами они вытесняют несвежий застоявшийся воздух. Ни Весли, ни Фелисия не успели даже сдвинуться с места, пошевелиться. Но теперь, прежде чем отключиться, Фелисия почувствовала резкую боль от иглы, которую грубо вводили в вену...

И снова все повторилось. Почти так же, как в первый раз. Только теперь не было проклятого Тролля. Никто не сжимал ей твердыми пальцами шею. Но Весли... Весли был. И снова Фелисия умирала от ужаса, унижения и боли, замешанной на таком пронзительным удовольствием, что ей казалось: она вот-вот сойдет с ума. А, может быть, она и действительно сходила с ума... Как долго все это продолжалось, Фелисия не знала. Она вообще потеряла счет времени. Бледное, словно светящееся в полутьме лицо Весли временами как будто бы истаивало, отдалялось и вновь приближалось – то с закушенными губами, то с открытым в неслышном крике ртом. А страшная камера вертелась вокруг них все быстрее и быстрее...

– Я так больше не выдержу, – чуть слышным шепотом сказал Весли, когда они лежали на подстилке, не в силах пошевелиться. – Не понимаю, зачем им это нужно, чего они добиваются.

– Я тоже, – ответила ему Фелисия, – но в их действиях все же чувствуется какая-то цель. Может быть, они хотят сделать нас наркоманами?

Весли промолчал. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, но теперь это не вызывало у них ни протеста, ни смущения. Да и головная боль на этот раз была настолько сильной, что мешала сосредоточиться. Фелисия осторожно повернулась, чтобы взглянуть на Весли. Похоже было, что он задремал. Неожиданно у Фелисии появилась мысль – такая неожиданная и невероятная, что она даже вытеснила тупую изматывающую боль. А что, если дело обстоит совсем не так, как они думали? Если никакого похищения, в обычном смысле этого слова, и не было? Просто кто-то решил избавить Весли от извращенного, по его мнению, пристрастия к мужчинам? А для этого – что может быть проще? – попытаться «спарить» Весли с его лучшей подругой? Сначала инсценировать похищение, напугать их до смерти всеми этими жуткими троллями, использовать специальный наркотик... ведь наверняка такие существуют! А

потом, глядишь, возникшее под влиянием наркотика и пережитых опасностей чувство приведет Весли к гетеросексуальной любви...

Только вот кому это могло понадобиться? Майеру с его организацией? Вряд ли: сексуальная ориентация работающего на них человека никого не должна была интересовать. Тогда кто же? Ответ мог быть только один... Фелисия вспомнила последнюю встречу с Триммером-старшим. Она так и не поняла тогда, зачем он пригласил ее: до «гибели» Весли дед не очень-то интересовался друзьями внука. Значит, он просто решил оценить, насколько Фелисия привлекательна как женщина... Разумеется, для такой роли можно было нанять и проститутку, но – кто знает? – возможно, дед хотел, чтобы в конце концов они поженились... Предположение, конечно, диковатое... но разве то, что с ними сейчас происходит, не дикость? Фелисия знала, что дед Весли, как, впрочем, и многие другие представители семейств – это люди, которых учили соблюдать только один закон – собственный. Мог ли мистер Триммер пойти на такой шаг, узнав, что Весли гомосексуалист? Без всякого сомнения, мог бы! Фелисия слишком хорошо знала обычаи этих людей. Но тогда получается, что этот всемогущий Майер – просто подставная фигура; что вся его организация – сплошная фикция, придуманная дедом для того, чтобы обмануть внука. Но не слишком ли хлопотная и дорогостоящая инсценировка?..

Фелисия снова посмотрела на Весли. Он спал, постанывая во сне. Видимо этот наркотик действует на него немного иначе... Фелисия осторожно встала, подошла к форточке и прислушалась. За дверью было тихо. Конечно, не исключено, что она ошибается, и старый Триммер тут совершенно не при чем. Фелисия вспомнила, как давным-давно, еще подростком, принимала участие в одном глупом розыгрыше, устроенном любящими родителями ее одноклассницы специально к шестнадцатилетию дочери. Тогда из Голливуда были вызваны профессиональные каскадеры и спасатели, которые привезли с собой специальные приспособления. Приглашенных детей погрузили на большой прогулочный катер, который, как объяснили виновнице торжества, уйдет в море на целый день в поисках китов. Именинница – бледная некрасивая Саманта – давно мечтала посмотреть на китов, которые часто подплывают к Кейп-Коду – курорту, где находилось поместье ее родителей.

Но когда катер отошел на несколько миль от берега, детей позвали с палубы вниз, на банкет. Пока все угощались, катер аккуратно подогнали к плавучему сухому доку и загрузили внутрь. Как именно все это было сделано, Фелисия не знала, да и не интересовалась. Но когда раздался дикий вой ветра, катер стало швырять из стороны в сторону, а потом сверху полилась вода, перепугались все – даже те девочки, которые знали о розыгрыше... В общем, сюрприз удался на славу: не день рождения, а просто какая-то гибель «Титаника»! Было страшно, мокро и противно, но нужно было делать вид, что розыгрыш замечательный, и что все они повеселились от души. Ведь, чтобы осуществить эту затею, сил, времени и денег наверняка было потрачено немало...

Розыгрыш... Неожиданное решение, которое приняла Фелисия, было непонятным образом связано с той давней историей. Она оглянулась на спящего Весли и снова, прижавшись лицом к прутьям форточки, прислушалась. Совсем ничего не слышно. Но это вовсе не означает, что там, за дверью никого нет. Где-то обязательно сидит охрана и, вполне возможно, видит и слышит их благодаря устройствам наблюдения. В любом случае, она ничего не потеряет, если попытается сблефовать.

– Эй! – негромко крикнула Фелисия. – Эй, вы там! Слушайте меня внимательно!

За спиной беспокойно заворочался Весли, но Фелисия не обращала на него внимания. Если она сейчас начнет объясняться с ним, то может потерять уверенность в правильности своего решения. Ведь теперешний Весли довольно сильно отличался от прежнего – веселого и склонного к авантюрам.

– Эй, спите вы, что ли?! У меня есть важное сообщение для мистера Майера. Слышите? Пусть немедленно свяжется с Триммером и скажет ему, что затея провалилась: мы его раскусили! Все, игра окончена. Теперь ему придется придумать для своего внука что-нибудь поостроумней. И, кстати, пусть озаботится каким-нибудь правдоподобным объяснением для моего отца. Очень ему рекомендую, так и передайте!

Фелисия внимательно прислушалась. За дверью по-прежнему не слышалось ни звука. Либо она ошиблась, и тогда никому нет дела до ее криков, либо переполошившаяся охрана побежала докладывать начальству. Фелисия очень надеялась, что она права, и что все происходит именно так. Но все равно было

непонятно, что должно за этим последовать. Как далеко может зайти мистер Триммер в своем желании «исправить» внука? Этому не может знать никто...

– Рыжка, – тихо позвал ее Весли, – ты что? Ты правда думаешь, что нас сюда запрятал дед? Тогда получается, что Майер... предатель! Но зачем это нужно было деду?!

Он оборвал сам себя, и Фелисия поняла, что Весли набрел на те же соображения, что и она. Бедняга Весли... нелегко ему будет пережить еще и это. Весли немного посидел молча, как будто переваривая свою невероятную догадку, а потом вскочил и подошел к Фелисии.

– Ну вот, – сказал он, странно улыбаясь, и Фелисия почувствовала, что его настроение существенно переменялось, – а я-то считал себя великим психологом. Ты меня обскакала, Рыжка! Если ты права, то все не так уж плохо. Только ты немного поторопилась, можно было сделать иначе...

Что именно можно было сделать, Весли договорить не успел. За дверью послышались гулкие шаги: к их камере кто-то приближался. Не сговариваясь, они одновременно отскочили назад, подальше от решетки. Может быть, это мерзкий палач Тролль, который собирается снова... С грохотом упала вниз форточка, открывая узкий проем в двери. Фелисия почувствовала, что кожа у нее на руках покрывается пупырышками... Но вместо ожидаемой морщинистой рожи в образовавшемся прямоугольнике показалась чья-то рука. Она просунула в камеру довольно большой сверток, который упал на пол и раскрылся. Это была одежда: джинсы, легкие маечки и две пары кроссовок. Никакого нижнего белья, но сейчас это уже не имело значения. Им дали одежду!

Натянув на себя вещички, Фелисия и Весли почувствовали себя значительно увереннее. Похоже, их мучители больше не собирались продолжать свои опыты. А это могло значить только одно: она, Фелисия угадала, и их похищение – дело рук Триммера-старшего.

– Ну ладно, – мстительно сказал Весли, завязывая кроссовки, – сейчас я им устрою. Дед напрасно решил сунуться в это дело. Он еще пожалеет, вот увидишь! Наверное, ему лучше было подстроить мне настоящую катастрофу, чем такое...

Весли легко подтолкнул Фелисию плечом, быстро чмокнул в щеку и зашептал ей на ухо:

– Только не обижайся, Рыжка, ты же знаешь, как я к тебе отношусь! Наверное, мне следовало рассказать тебе обо всем раньше. Да что толку сейчас оправдываться? Я слишком заигрался в их игры, даже вовлек в них тебя, и вот теперь... Но ты помни одно: я хотел спасти тебя, Рыжка! Видишь ли... Это большая тайна, очень большая, поверь мне. Организацией, о которой я тебе рассказывал, руководит мой дед. Но подожди, я ему еще...

Весли воровато оглянулся и замолчал. Ну да, подумала Фелисия, он опасается, что нас слушают. Наверное, ей следовало ненавидеть Весли: ведь он фактически признался в том, что вместе с дедом организовал ее похищение. Но почему-то она не почувствовала никакой злости. И неожиданно улыбнулась: наконец-то Весли стал похожим на себя-настоящего... Словно прочитав ее мысли, он легко вскочил на ноги и снова подошел к двери.

– Эй вы, ослы! С вами говорит Триммер-младший! И вам лучше внимательно выслушать то, что я собираюсь сказать, потому что, поверьте, Триммер-младший стоит двух Триммеров-старших! Так вот, я желаю немедленно говорить с Майером. Пусть покажет мне свою гнусную физиономию. Я сказал «немедленно», вы хорошо поняли?!

Весли сделал паузу и, прислушавшись к тишине за дверью, в раздражении сильно пнул ее ногой. Дверь лязгнула и медленно распахнулась настежь. Весли застыл от неожиданности. Первым побуждением Фелисии было схватить Весли и бежать из этой отвратительной каморки как можно скорее. Но она тут же испугалась: как-то слишком уж легко у них все получается. Не здесь ли кроется ответ на вопрос, далеко ли может зайти мистер Триммер? То, что Весли рассказал о своем дед, не сделало его личность более привлекательной в глазах Фелисии. Она подошла к застывшему на пороге Весли и взяла его за руку. Они переглянулись. Нужно было срочно решать, что делать дальше.

Фелисия вспомнила: изучая историю испанской Инквизиции, она натолкнулась на чей-то рассказ о том, как в ночь перед казнью осужденный обнаруживал, что дверь его камеры открыта. Потом была еще одна дверь, и тоже не запертая. Не веря своей удаче, бедняга выбирался на улицу. И уже там, когда свобода казалась так близка, попадал прямо в объятия Великого Инквизитора, который по-братски обнимал его и

вел молиться перед смертью... А что, если местные палачи придумали для них нечто подобное?..

Осторожно выглянув наружу, Весли сделал знак Фелисии, и она подумала: глупо стоять перед открытой дверью из опасения, что это очередной трюк. Вполне возможно, что этот Майер решил предоставить им возможность бежать. И его легко понять: ведь не вызывать же их к себе в кабинет и не выпроваживать на свободу с извинениями за случившуюся накладку... Значит, нужно уходить.

Тем не менее, они еще немного постояли в дверях, прислушиваясь. Фелисия быстро оглядела узенький коридорчик, выкрашенный унылой бурой краской. Да, настоящая тюрьма, подумала она, вроде тех, которые показывают по телевизору в фильмах о Вьетнаме или Корее. Словно в подтверждение этой мысли взгляд Фелисии наткнулся на дверь еще одной камеры, наискосок от той, куда находились они сами.

– Пошли, Рыжка, – Весли слегка дотронулся до нее, но тут же одернул руку, как будто обжегся, и добавил, пряча глаза. – Нам еще предстоит кое с чем разобраться.

Фелисия уже двинулась было за ним, но тут заметила, как из решетчатого окошка напротив высунулась чья-то рука.

– Эй, погодите! – мужской голос показался ей охрипшим и несчастным. Фелисия вопросительно посмотрела на замершего Весли. – Не бросайте меня здесь.

Иностранец, подумала Фелисия и решительно направилась к закрытой камере, они мучают здесь какого-то несчастного туриста. Судя по акценту, славянина.

Славянин оказался куда менее измученным, чем это можно было вообразить себе по голосу. Он коротко взглянул на Весли, который возился с задвижкой, и Фелисия заметила такой странный блеск в его глазах, что на какую-то долю секунды засомневалась, и ей захотелось остановить Весли. Но после всего того, что они сами перенесли здесь, бросить человека в беде было для нее невыносимо. Даже если он опасный сумасшедший.

Пленник проворно выскочил из камеры, радостно улыбнулся Фелисии, и она снова отметила в его взгляде что-то настораживающее. Но в следующее мгновение пленник благодарно пожал Весли руку и, оглядевшись, увлек их за собой.

– Теперь уходим отсюда, ребятки. Нельзя терять ни секунды. В здешних лабиринтах легко потеряться. Нужно двигаться как можно быстрее.

Весли, казалось, вполне разделял это мнение. Он кивнул, и они побежали по коридору к железной вертикальной лестнице, уходящей в широкий люк в потолке. Да, подумала Фелисия, определенно славянин. В университете ей приходилось сталкиваться с выходцами из Восточной Европы. Очень характерный акцент.

На следующем этаже их ждал очередной безликий коридор. После короткой заминки славянин махнул рукой направо и, не дожидаясь их с Весли согласия, подтолкнул их в выбранном направлении. У Фелисии сложилось впечатление, что этот человек не знает, куда он направляется, но старательно это скрывает. Его уверенность в себе, его прирожденная или приобретенная властность бросались в глаза. Так себя ведут какие-нибудь полковники из фильмов про войну. Интересно, за что Триммер-старший посадил его в свою тюрьму? И не совершили ли они сейчас непоправимую ошибку, поддавшись жалости и солидарности, присущей всем жертвам. Фелисия поймала взгляд Весли, и ей показалось, что он думает о том же. Но Весли покачал головой и проказливо улыбнулся, как улыбался в детстве, когда придумывал свою очередную выходку. И только глаза его горели жестким мстительным огнем.

Они бежали по коридорам, и Фелисия снова поразила уверенность, с которой «полковник» вел их вперед. В какой-то момент он остановился и сделал предостерегающий жест. Один неуловимо короткий прыжок, и вот он уже скрылся за поворотом. В ту же секунду послышался шум борьбы. Фелисия заметила, как Весли – ее привычный миролюбивый и беззлобный Весли – нетерпеливо повел плечом, как будто соперживая невидимой короткой схватке. Неужели он все-таки изменился? Что же так подействовало на него – наркотик или то, что случилось после? Фелисия усилием воли отогнала от себя эту ненужную и несвоевременную мысль. Тем более, что их загадочный «полковник» уже вернулся, волоча за собой какого-то растерянного парня. К удивлению Фелисии, «полковник» вполне дружелюбно заговорил с незнакомцем, помог ему подняться на ноги.... Русские, подумала она, точно русские. Причем, оба. Любопытное совпадение!

– Это свой, – по-английски сказал «полковник», обращаясь к Весли. – Еще один узник. Мы берем его с собой.

И снова, не дожидаясь их согласия, двинулся вперед. Впрочем, теперь «полковник» выказывал некоторые признаки беспокойства. Фелисию удивило, что и новый член их компании поглядывал на «полковника» с явной опаской. Интересно,

что связывает этих людей, кроме языка? И какой реальной властью должен был обладать «полковник», чтобы без труда заставить этого человека идти вместе с ними?

Теперь они двигались намного медленней: «полковник» осматривал все попадающиеся им на пути двери. Наконец, поднявшись еще на несколько пролетов, он остановился у массивной железной двери, потер руки и что-то сказал второму русскому. Тот подошел поближе и с сомнением покачал головой. Фелисия поняла, что они размышляют над тем, как открыть снабженный цифровым кодом замок. Только для чего им это нужно?

– Слушай, – сказал «полковник», поворачиваясь к Весли, – нам необходимо попасть туда, – он постучал пальцем по двери. – Там нас будут искать в последнюю очередь, понимаешь? Это же проще простого: понятно, что обычным смертным туда хода нет – да и камер слежения там, скорее всего, тоже нет. А потом посмотрим...

Его речь прервал возглас второго русского, который изумленно повернувшись к ним, указывал на порог. Из-под двери торчала узкая светлая полоска. «Полковник» криво усмехнулся, а его земляк присел, ухватил длинными пальцами полоску и осторожно потянул за нее. Раздался короткий цокающий звук, и дверь медленно открылась. Фелисия увидела, что она и не была полностью закрыта: на пороге лежала изящная женская туфелька, ремешок от которой и не дал замку сработать.

По мере того, как они продвигались вперед, Фелисию охватывало очень странное ощущение. Как будто они не уходят от опасности, а, наоборот, только приближаются к ней. Фелисия попыталась поймать взгляд Весли, но тот шел, погруженный в свои мысли, и поэтому ей ничего другого не оставалось, кроме как молча наблюдать за происходящим.

Откуда-то доносился отдаленный мерный шум льющейся воды. Весли вопросительно взглянул на «полковника», тот кивнул, и они двинулись на этот шум. Фелисия увидела стеклянную дверь и за ней – искусственный водопад. По каменной стене струилась вода, образуя внизу небольшое озерцо, берега которого заросли густой тропической зеленью.

Следуя за мужчинами, Фелисия добежала до водопада и с удивлением увидела, что Весли полез в воду. На середине озера он обернулся и уверенно махнул рукой остановившемуся «полковнику».

– Не волнуйтесь, я еще не сошел с ума, – сказал он, стараясь перекрыть шум воды. – Я наконец-то сообразил, где мы находимся. Это довольно глубоко под землей. Просто эти безмозглые кретины не нашли ничего лучше, как поместить нас на «Объект пятьдесят один». Слышали о таком, нет? Так вот, я был тут несколько раз и поэтому кое-что о нем знаю. «Объект пятьдесят один» – это, по словам Майера, еще одна «легенда». В свое время – в шестидесятые годы, что ли – они тут разрабатывали какой-то проект, связанный с инопланетянами и летающими тарелками... Но дело не в этом. Кажется, я знаю, как отсюда выбраться. Пошли, не бойтесь! Где-то здесь должен быть проход...

Фелиси очень не понравилось то, что Весли так открыто говорил о своей причастности к этому объекту и, следовательно, к Триммеру-старшему. Этим людям совершенно ни к чему знать, кто такой Весли.

В стене – прямо под льющей водой – действительно открылся узкий проход. Они прошли по нему гуськом и оказались в огромном, величиной с футбольное поле, зале с очень высоким потолком. Под этим куполом, прямо посреди сказочных цветущих деревьев, напомнивших Фелисии о райском саде, стояло самое настоящее двухэтажное здание. Не здание, а дворец – восточный дворец с открытыми галереями, витыми колоннами и мозаичными узорами, поблескивающими и переливающимися в ярких лучах льющегося откуда-то сверху искусственного солнца.

– Тебе не кажется, что мы попали в сказку из «Тысяча и одной ночи»? – шепотом спросила Фелисия у растерявшегося Весли. Похоже было, что он удивлен не меньше, чем все остальные. Фелисия снова почувствовала себя значительно старше и мудрее. В ее отношении к нему есть что-то почти материнское, подумала она, но тут же вспомнила о том, что произошло в подвале, и побыстрее отогнала эти мысли. Сейчас их куда больше должны были волновать свалившиеся им на голову русские.

– Ну что, отправимся на разведку? – весело спросил «полковник». Весли неуверенно пожал плечами. – Не стоять же нам тут вечно, правда?

Фелисия взяла Весли за руку, они медленно вошли в сад и, петляя между деревьями, приблизились к дворцу. Странно, подумала Фелисия, поднимаясь на террасу, кому могла прийти в голову странная мысль выстроить здесь все эти чудеса? Она искоса посмотрела на идущего за ними «полковника», и напряженное выражение его лица неприятно ее удивило.

– Мы сейчас вернемся, – сказал «полковник» Весли и подтолкнул второго. Они перебросились несколькими короткими фразами на русском и исчезли за углом.

Фелисия взяла Весли за руку. И в ту же секунду оба вздрогнули.

– Вы совсем-совсем не можете здесь быть! – визгливо прокричал голос с очень сильным акцентом. – Иди-иди! Мужчина – нельзя! Хозяин убьет! Придет и убьет!

Голова совсем отрежет!

Обернувшись, Фелисия увидела невысокую женщину, с головы до ног укрытую в черную паранджу. Там, где должно было быть лицо, колыхалась от дыхания густая сетка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ СТРАННИК

Заниматься не своим делом довольно утомительно. По малодушию я еще какое-то время пытался бы, наверное, изображать из себя некую таинственную личность, вроде агента ноль-ноль-семь, но вовремя спохватился. Не то чтобы я так уж пренебрегал всеми преимуществами, которые получил, оказавшись в этой подземной гостинице для давно умерших американских президентов и полупомешанных миллионеров, спасающихся от всего на свете. Просто хорошо понимал, что лезть не в свои игры – дело неверное и, чаще всего, смертельно опасное. На Улице я всегда был готов постоять за себя и свое место под солнцем, но никогда не стал бы претендовать на чужое. Конечно, не из моральных соображений, но из осторожности. Деньги, одежда, даже уличные мэри – это все вещи, которые легко меняют хозяев. Но лезть в чужую жизнь... Нет уж, спасибо! Чувствовал я себя довольно отвратительно. Потому что, несмотря на все заверения милого старичка Триммера и болтушки-Настя, меня по-прежнему не покидало ощущение, что лучше всего было бы незаметно исчезнуть: чем глубже я проникал в тайны этой конторы, тем меньше мне хотелось здесь оставаться.

Когда я объяснил Насте, кто этот привязчивый старичок, которого мы только что встретили, она сначала просто не поверила. Интересно, чему ее учили в школе? Рассказывала, что на этом их «объекте» полным-полно невероятного, а, столкнувшись с настоящим чудом, округлила глаза и стала качать головой – совсем как китайский болванчик!

– Впрочем, – сказала она, немного подумав, – все может быть. Этот мистер Триммер вообще не человек, а сплошная загадка. Никогда не знаешь, чего от него ожидать.

Настя рассмеялась и стала рассказывать, что, впервые познакомившись с главой этой конторы, решила, будто папа отправляет ее в какой-то закрытый клуб – что-то

вроде дома отдыха для избранных. Очень уж мистер Триммер напомнил ей одного профессора из Оксфорда, где она успела немного поучиться. Потом, правда, науки ей надоели, и она вернулась в Россию. Но там началось такое, что... В общем, папа решил, что проще отправить ее сюда, в Америку, чем вытаскивать из всяких переделок в Москве. На самом деле ни в никакие особые переделки она не попадала. Ну, пару раз ее хотели похитить, но она же в этом не виновата! Конечно, это было просто ужасно, но ей очень не нравилась перспектива провести остаток жизни под охраной. А у папы были какие-то дела с мистером Триммером, вот так она и попала сюда. Ну, то есть, в гости к мистеру Триммеру. Когда она в Америке, папе значительно спокойней. А ей самой очень нравится и в Нью-Йорке, и здесь, в Неваде...

Взглянув на часы, Настя заявила, что до открытия бала еще масса времени, и что я обещал не противиться и дать ей возможность показать мне объект. Я подумал и решил, что и действительно было бы неплохо осмотреться на местности. Знания окрестностей всегда могут пригодиться. Изобразив на лице приличествующее случаю заинтересованное выражение, я кивнул и галантно пропустил Настю вперед.

– Только давай выйдем из ресторана через черный ход. У них тут есть классный черный ход, ужасно интересный.

Ее физиономия, когда она говорила это, была самой невинной, но она явно не хотела, чтобы нас видели вместе в холле. Это я вполне мог понять. Наверняка папа-миллионер велел кому-то из здешних приглядывать за своей легкомысленной дочуркой. Ну, через черный ход, так через черный ход. Совсем не мешает изучить здешние черные ходы. Просто так, на всякий случай.

Мы пересекли зал ресторана, оказались у другого – грузового – лифта, поднялись на самый верх, прошли по каким-то пересекающимся друг с другом коридорам... Я старательно пытался запомнить дорогу, но очень скоро понял, что это бесполезно: несмотря на прекрасное, выработанное многолетним опытом умение ориентироваться, после третьего или четвертого поворота я окончательно потерял представление о том, где нахожусь. И только удивлялся тому, что эта девчонка так уверенно вела меня вперед.

Словно угадав мои мысли, Настя насмешливо улыбнулась.

– Вы тут без меня моментально потеряетесь. Так что, – она шутливо погрозила мне пальчиком, – даже и не вздумайте убежать, договорились?

Я покорно кивнул, пытаюсь сообразить, что скрывается за ее развеселой угрозой. Ясно было одно: никакой полезной информации мне тут не получить. В этих лабиринтах мне могли бы помочь только карта и компас.

Наконец мы добрались до железной лесенки, упирающейся в широкий люк в потолке.

– Ну вот, – с сюрпризом в голосе заявила Настя и первой полезла наверх, – мы и пришли. Вы ведь никогда еще не видели пустыню ночью, не правда ли? Тогда не отставайте, Иван!

Я вылез следом за Настей и остановился как зачарованный. Ночная пустыня – это и в самом деле захватывающее зрелище. Вокруг не было ни огонька, и даже стеклянная пирамида центрального холла мрачно темнела в звездной ночи. По словам Насти, она была закрыта специальными шторами.

– Они и в номерах на верхнем этаже заставляют зашторивать окна. Говорят, что «Объект пятьдесят один» нельзя рассекречивать. Но так даже интересней, когда вокруг такая темень... Знаешь, только здесь я поняла, что звезды действительно могут светить. Видишь, вот эта россыпь называется Млечный путь...

Песок слабо отсвечивал, как будто флуоресцировал, усиливая сходство с океаном. Во время моих морских путешествий мне приходилось наблюдать это таинственное свечение. Правда, тогда меня больше занимало другое – чтобы никто не заметил моего появления на палубе. Зайцев не любят ни на пассажирских теплоходах, ни на сухогрузах. Матросики, как и все мающиеся в ограниченном пространстве люди, существа нервные и жестокие. Но, честно говоря, я предпочел бы иметь дело скорее с грубыми матросами, чем с тем милым интеллигентным старичком... кажется, его зовут мистер Триммер. Впрочем, от меня сейчас мало что зависело...

Я неопределенно кивнул и сразу почувствовал в своей ладони ее прохладную ладошку. Идти было довольно легко; после искусственной свежести кондиционеров остывающий ночной воздух казался каким-то особенно вкусным; песок приятно похрустывал под ногами. Настя, уверенно ориентируясь в темноте, вела меня куда-то, и через пару минут мы добрались до огромной, покрытой бетонными плитами площади. Здесь в полном беспорядке были разбросаны невысокие темные и довольно мрачные строения, вроде того алюминиевого ангара, через который мы попали в Центр. Настя схватила меня за руку и потащила в сторону ближайшего. На его

рифленой стене я заметил ослепительно белый круг, и в нем две огромные цифры – пятерка и единица.

– Только одна просьба, – Настя остановилась перед дверью и внимательно посмотрела на меня. Раскаленный за день металл на ощупь напоминал только что вынутый из духовки противень. – Никому не рассказывайте, что я вас сюда водила, ладно? А то они тут все перекроют. Для гостей существует Центр и корпуса, но меня предупреждали: наружу вылезать нельзя. Только я, конечно, все тут разведала от нечего делать. Жутко интересно же! Но если Майер узнает, он будет ужасно ругаться. Ну что, пошли – или все-таки боитесь?

Внутри было совсем темно. Немного повозившись, Настя щелкнула выключателем, и свет мощных прожекторов, установленных под самым потолком, залил все огромное помещение. В самом его центре, в сетке металлических поблескивающих конструкций и опор, висел огромный серебристый диск.

– Ну как? – нетерпеливо спросила Настя, и ее голос гулким эхом пробежался по ангару. – Нравится?

– Пока не очень, – честно ответил я, приглядываясь к диску. Эта штукovina напоминала декорации к какому-то дурацкому фантастическому фильму про летающие тарелки.

– Идемте поближе, можно даже заглянуть внутрь! – Настя безбоязненно подошла прямо к «тарелке» и, нагнувшись, пробралась между опор к ее сверкающему боку. Я не подвержен глупым мистическим страхам, но в этом ангаре почувствовал себя неуютно, как будто оказался ночью один в морге. Кроме того, у меня появилось ощущение, что за нами наблюдают.

– Это и есть та самая тарелка. Понимаете, Иван? Та самая! Да вы что, никогда телевизор не смотрите? Ну, «Объект пятьдесят один»! Таинственное место в пустыне, где спрятан космический корабль пришельцев... Вот это он и есть! Да не бойтесь вы так, никто вас здесь не укусит...

Проклиная себя одновременно и за страх, и за нежелание его показать, я приблизился к Насте. Конечно, мне приходилось слышать про таинственный «Объект пятьдесят один». Правду о нем тогда рассказывали или нет, но, судя по всему, охраняться такой объект должен был очень серьезно. Вряд ли даже могущественному Бюро удалось бы незаметно построить подземные сооружения прямо под носом у

охраны. Но ведь мы с Настей вошли сюда беспрепятственно. Значит, это действительно декорация, подделка для развлечения простодушных богачей, и бояться мне особенно нечего. Я ведь почти работник Бюро, если верить старику Триммеру. И нахожусь здесь легально.

– Иван, – позвала меня Настя из люка, который я даже не сразу заметил, – идите сюда, тут здорово.

Внутренние помещения летающей тарелки, должно быть, полностью соответствовали представлениям среднего обывателя о космическом корабле инопланетян: по кругу висели разноцветные проводки, в центре вогнутого потолка висел большой блестящий многогранный светильник, слегка напоминающий страшный дефицит советских времен – чешскую хрустальную люстру; прямо под ним находился пульт управления с экранами и множеством разноцветных кнопочек. Вокруг него веером стояли кресла, более всего походившие на пляжные лежаки.

– Настенька, – сказал я как можно ласковей, – я вас, наверное, разочарую, но научная фантастика – не мой конек. К тому же, у человека, который все это создал, явно не хватило сообразительности. Посмотрите: лежа в этих креслах, дотянуться до пульта управления невозможно. Ну, только если предположить, что руки у инопланетян в два раза длиннее туловища... Понимаете? Это же явная липа!

– Да ну вас! – Настя в раздражении отвернулась от меня и стала пробираться между опор к выходу. – Строите из себя черт знает кого! Липа! Много вы знаете об инопланетянах! Между прочим, тут неподалеку есть хранилище, где в холодильнике держат их тела. Хотите взглянуть? Только это очень противно, и я туда не хожу... Говорят, по ночам там вообще творится что-то невообразимое... Вот видите, левее – это тот самый ангар. Я тут от одного из охраны слышала, что некоторые инопланетяне еще и сейчас не умерли. Их заморозили, но они все равно живые...

– Но вы же сами говорили, что все это – декорации, ненастоящее...

– Настоящее или ненастоящее – это никому толком не известно. Может быть, даже самому мистеру Триммеру. А то, что тут всякое нехорошее творится – это вам любой охранник скажет, – затараторила Настя с убежденностью деревенской дурочки. И куда, спрашивается, подевалась милая интеллигентная москвичка? – Там, в ангаре, поначалу кто-то еще работал... исследователи какие-то, врачи. Но потом все разбежались, потому что... – увидев мою скептическую физиономию, Настя запнулась.

– А вы просто какой-то непробиваемый супермен-интеллектуал! Видели бы себя, когда вас собирались пытаться. Вас что, можно поразить только удавкой на яйцах?

Я промолчал. Довольно неприятно слышать подобную грубость от милой, хотя и вздорной девчонки. Тут уж надо выбирать что-то одно: или ты законченная фифа, или мэри, для которой не существует лингвистических изысков. Но с мэри я бы и сам вел себя немного по-другому. Собственно, вся прелесть уличных мэри в том и состоит, что с ними не нужно притворяться. Они и сами никогда не притворяются. И уединение с этими женщинами – вещь всегда строго функциональная. Встали и разошлись. Ни одной мэри и в голову не придет просто так прижаться к тебе гладким теплым телом... Да и черт с ними со всеми! Не помню, чтобы мне было приказано потакать капризам этой дуры с выпрыгивающей из маечки грудью. Хотя, возможно, сама она всерьез верит, что летающая тарелка самая настоящая. И этот факт, по ее мнению, должен был поразить наповал простодушного и недалекого Странника. Да-а, если забавы миллиардеров сводятся к такого рода аттракционам... Хотя аттракцион, с которым с столкнулся, провалившись в люк на тихой нью-йоркской улочке, был, должен признать, куда более впечатляющим...

– Да нет, я, конечно же, понимаю, в чем дело! – Настя посмотрела на меня с некоторым превосходством. – Это я по психологии проходила. Если чего-то очень боишься, то обязательно нужно убедить себя, что этого «чего-то» просто не существует в природе. Я вас хорошо понимаю, Иван. Я бы и сама в тот ангар с холодильниками ни за что на свете не сунулась, хоть убей!

В этот раз моими поступками руководила не хваленая интуиция, а, как ни постыдно это признавать, собственная слабость. Или, может быть, просто непривычно сытная еда и великолепный коньяк.

– Милая Настенька, – сказал я как можно небрежней. – Трудно бояться того, что действительно не существует. Так что вы там со своей психологией что-то перемудрили.

Эта очаровательная мерзавка так лукаво взглянула на меня, что я почувствовал, как во мне поднимается раздражение.

– Обычно я не ловлюсь «на слабо», но для вас, пожалуй, сделаю исключение. Пойдемте!

В ответ Настя энергично замотала головой и ответила, что даже с таким героем как я ни за что не войдет в тот ангар.

– Ну и ладно, – сказал я, по-дурацки ухмыляясь, – ждите меня здесь, и я вернусь к вам живой и невредимый. Да еще и с каким-нибудь сувениром.

– Ой, вот это не надо!

Восхищение Насти было настолько явным, что отступить я уже не мог и решительно направился к приземистому ангару, чувствуя себя просто-таки Индианой Джонсом.

Вблизи ангар показались мне еще более мрачным, даже каким-то угрожающим. Ну-ну, подбодрил я себя, не хватало еще, чтобы ты струсил, как эта вздорная девчонка. Впрочем, поспешил я заверить сам себя, дело просто в том, что существует опасность быть пойманным охраной. Ведь говорила же Настя, что ходить сюда запрещено. Но мне тут же стало стыдно. Взрослый здравомыслящий человек, а все пытаюсь найти оправдание собственной слабости! Я решительно подошел к двери и на всякий случай осторожно потянул ее на себя. Как обращаться со скрипучими петлями, я знал давно – это умение относится к разряду самых элементарных навыков любого уважающего себя странника. Равно как и привычка закрывать за собой дверь. Ангар был совершенно пуст, если не считать нагромождения каких-то странного вида коробок в дальнем его конце. Там же находился и длинный стол, над которым висела мощная лампа-прожектор, освещавшая почти все немалое помещение. Я постоял у входа и, понимая, что мое быстрое возвращение может быть истолковано Настей как постыдное бегство, не спеша направился к коробкам. В принципе, подумал я, действительно неплохо бы узнать, что они здесь хранят. В моем положении никакая информация не будет лишней.

Я был уже примерно на полпути, когда лампа вдруг погасла без видимой причины. В огромном ангаре мгновенно стало непроницаемо темно. Я остановился и перевел дыхание. Кому-то вздумалось меня напугать? Или это всего лишь простое совпадение, и выключивший лампу не подозревал, что я нахожусь внутри? Это мне еще предстояло выяснить. Обернувшись, я понял, что совершенно не представляю себе, где находится плотно прикрытая мной дверь. Привычка к аккуратности в данном случае сыграла со мной дурную шутку. Ладно, подумал я, вслушиваясь в глубокую тишину, в каком бы направлении я не шел, обязательно дойду до стены, и потом уже,

двигаясь по периметру, на ощупь, доберусь до выхода. Главное не паниковать. Не хотелось бы выглядеть перепуганным идиотом в глазах ожидавшей меня снаружи Насти. Действительно, через некоторое время я прикоснулся вытянутой вперед рукой к еще теплой металлической поверхности и медленно пошел, касаясь плечом стены.

Внезапно раздался шорох, потом скрип. Я замер, пытаюсь сообразить, откуда идет звук. К сожалению, понять это было непросто. Скорее всего, кто-то осторожно крадется в темноте вдоль стены – точно так же, как это делал я. Вот только не очень понятно, внутри или снаружи. Если внутри, то еще немного, и этот «кто-то» обязательно натолкнется на меня! Я прижался к стене спиной, и, ощущая лопатками ребристый металл, сделал еще несколько осторожных шагов и замер. Испугавшие меня звуки приближались. Только теперь они стали более определенными. Как будто человек старался воспроизвести движения конькобежца, не спеша катящегося по льду и только время от времени лениво перебирающего ногами.

Положение становилось все более неприятным. Я стал медленно опускать на корточки. Не потому, что меня не держали ноги, а просто исходя из того разумного соображения, что лучше всего уйти с линии взгляда, чей бы этот взгляд ни был. Обычно люди держат фонарь или пистолет на уровне груди, редко ниже, но это если уж совсем не повезет...

Необычное шарканье становилось все отчетливее. Поняв, что не могу определить направление звуков, я не отводил взгляд от того места, где, по моим предположениям, должна была находиться дверь. Если человек сунется в ангар снаружи, то я его увижу. Но если он находится внутри, то это гораздо хуже: он вполне мог заметить меня и специально выключить свет. Вот только непонятно, зачем? Но не успел я принять какое-то решение, как что-то больно ударило меня в плечо, а прямо над головой раздался странный высокий звук, напоминающий сиплый кашель. От ужаса и неожиданности я стал заваливаться на бок, одновременно стараясь то ли отползти, то ли отпрыгнуть в сторону.

– Ну и чего тебе надо?..

Голос был настолько не похож на человеческий, что на какую-то секунду времени я даже поверил в инопланетян, о которых рассказывала Настя. Кто его знает, что на самом-то деле происходит там, в космосе?..

– Хотел посмотреть на моих поклонничков, да? Только от страха в штаны наложил! – в голосе послышался диковатый смех. – Засранец! Все вы тут засранцы, скажу я тебе. Тыкаетесь куда не просят, лезете не в свое дело, а потом к Марте – помощи, выручай... Помоги! Я-то помогу. Только когда уже не нужна, сразу: пошла отсюда, дура старая. Ну-ну, это мы еще посмотрим, кто здесь дурак, а кто нет...

Ничего не понимая, я стал осторожно отползать на четвереньках в сторону воображаемой двери. Страх еще не до конца улетучился, но, по крайней мере, ко мне вернулась способность соображать. Кем бы ни был тот, на кого я натолкнулся, это явно не охрана. Будь это охрана, помещение было бы сейчас освещено как днем.

Стоило мне подумать о свете, как он загорелся у меня за спиной. Не яркий свет прожектора и даже не тусклый свет фонаря, а какой-то необычный – вялый, чуть колеблющийся, как мне показалось, немного зеленоватый. Я обернулся и чуть было не закричал во весь голос. По коже поползли мурашки. Передо мной, держа в протянутой руке плоскую металлическую зажигалку, стояло страннейшее существо. Длинные седые волосы, вместо глаз что-то непонятное – две коротких трубочки, в которых поблескивали зрачки, – а под ними широко раскрытый беззубый рот. Вся эта нелепая фигура в черном сплошном комбинезоне в неверном свете зажигалки показалась мне совершенно фантастической. Застыв на месте, я пытался сообразить, что делать дальше.

– Говорю же, засранец...

Страшное существо хихикнуло, а потом, схватило то, что я с перепугу принял за глаза, и опустило его вниз. Я тут же сообразил, что это очки ночного видения.

– Марта я, ты что, не понял? – Существо характерным женским движением поправило длинные волосы и подняло зажигалку чуть повыше. – А-а, так ты захотел поглядеть на моих поклонничков? Тогда ты попал прямо туда, куда надо. Поставить их в том ангаре было бы невозможно – с электричеством там никак нельзя: тарелка, она все притянет, насосется и – вжик, улетит. Ее тогда ничем не удержишь. А у меня морозильники на сто киловатт. Большое хозяйство, да... Когда-то моему проекту уделялось серьезное внимание. Но потом кто-то решил, что возня со всеми этими инопланетянами никому не нужна. Что-то там у них пошло не так, не знаю. Вот все и уехали. А меня, патологоанатома высочайшего класса, оставили здесь...

Теперь мне показалось, что я узнал ее. Только в ресторане этой подземной гостиницы она, конечно, была одета в более подходящий ей по возрасту костюмчик. Старуха сдвинулась с места, и я понял, что странные шаркающие звуки издавали огромные бесформенные подошвы ее комбинезона. С чего это она взяла, что я пришел полюбоваться на покойничков? Но задавать вопросы в моем положении было как-то неуместно. Под взглядом этой сумасшедшей я поднялся и, чувствуя себя полным болваном, пробормотал, что мне, пожалуй, пора. Старуха, по-птичьи наклонив голову, внимательно оглядела меня с ног до головы и снова хихикнула.

– Молодой еще вполне. Да, вполне... Уйти хочешь? Конечно, о чем тебе болтать с Мартой? Марта теперь хороша только для своих покойничков-поклонничков. Я же сама их придумывала, своими руками собирала, сшивала... Тебе и не понять... А теперь вот иногда просыпаюсь посреди ночи и думаю: а что, если они и впрямь прилетели? Понимаешь, нет? Ну, не на этой, конечно, тарелке, а как-то по-другому – бестелесно, что ли... А для того, чтобы потом стать по-настоящему живыми, им необходимо было внушить нам эту идею – ну, чтобы мы их как будто фальшивку всем подсунули. Вот мы и старались... Как, спрашивается, из обычных жмуриков у меня вдруг такие странные поклоннички получились: улыбаются, подмигивают? Совершенно необычный фацис гиппократикус! А почему? Не знаю. И никто не знает. Вот я и наблюдаю за всем этим здесь, в темноте. Больше никому не интересно. Новых жмуриков давно уже не привозят. Майер вообще думает, что я сумасшедшая. А поклоннички-то мои, они ведь оживают помаленьку. Точно тебе говорю, оживают. И тарелка эта тоже. Электричества ей только не хватает, а поклонничкам и еще кой-чего...

Кажется, пора было отсюда убираться. Только сумасшедших старух мне и не хватало для полного счастья. Я сделал шаг к двери. Заметив это, старуха вдруг погасила свою зажигалку. Я приостановился, ожидая, когда глаза немного привыкнут, но тут же скорее почувствовал, чем услышал, как старуха проскользнула мимо меня. Остался только странный едкий запах, который тянулся за ней шлейфом. Еще секунда, и раздался щелчок: похоже, эта сумасшедшая закрыла дверь на замок. Ничего, замок для меня не проблема. Я решительно двинулся на звук, но тут жесткая рука ухватила меня за пояс и резко толкнула. От неожиданности я чуть было не упал; для того, чтобы удержаться на ногах, мне пришлось развернуться. Теперь стало значительно сложнее

понять, где находится выход. Но стоило мне сделать шаг в сторону, как старуха снова толкнула меня. На этот раз в спину. И захихикала своим отвратительным голосом. Наугад вытянув руки, я попытался схватить ее, но она мастерски ускользнула. Ну и черт с ней! Нужно было торопиться: не хватало еще, чтобы Настя сунулась сюда, обеспокоенная моим долгим отсутствием.

– Убежать хочешь от Марты, да? Только ничего у тебя не получится...

Она кружилась вокруг меня совершенно неуловимая, и темнота не была для нее помехой.

– ...Пока сама тебя не выпущу. Только ты сначала хоть руку-то мне оставь. Ну, зачем тебе две, а? – и она опять заскрипела-захохотала.

– Ну все, хватит!

Я постарался придать голосу как можно больше уверенности. Бабка, хоть и психическая, это все-таки не мужик.

– Пошутили и хватит. Давай-ка я тихо уйду отсюда – и все. Только дверь откройте. Слышите, вы? – и я на всякий случай резко взмахнул рукой.

– Слышу-слышу, – прошипела старуха. Похоже, она не стояла на месте, выписывая вокруг меня сложные восьмерки. – Только ты руками особенно не размахивай, парень. У меня тут как раз скальпелек с собой имеется. Ампутирующий секатор... ты таких, наверное, и не видел. Руку, если точно попасть, отрезает чисто. Почти ничего и не почувствуешь, не бойся. А моим поклонничкам как раз пригодиться. Я же чувствую; им жмурики не совсем годятся – энергия не та. А вот живой – дело другое...

Я представил себе старуху, затаившуюся в темноте со скальпелем, и мгновенно вспотел. Вряд ли можно было рассчитывать, что кто-нибудь придет мне на выручку. Внезапно я разозлился. Меня, Странника, побывавшего в самых разных переделках, пугает из темноты как пацана какая-то сумасшедшая бабка?! Ни хрена у нее не получится! Я прислушался, стараясь уловить хоть малейший звук, указывающий на то, где могла находиться эта ведьма, но ничего не услышал. Тогда я замер и попытался хоть как-то определиться в пространстве. Главное, сказал я себе, это неожиданность. Старуха, конечно, ждет, что я, пытаясь поймать ее, начну двигаться неуверенно. Она-то меня видит, а я ее нет. Значит, я мог использовать только одно свое преимущество. Я рванул с места изо всех сил. Нужно двигаться так быстро, как только возможно,

тогда старухе за мной не угнаться. Даже если бабка со своим скальпелем решит бежать следом, то обязательно запыхается, и тогда по дыханию будет легче ее вычислить.

Бежать в полной темноте было очень странно. Я полагал, что буквально через несколько мгновений доберусь до стены. А если бежать, касаясь рукой стены, довольно легко обнаружить дверь. Но рука, которую я на всякий случай выставил вперед, ни на что не наткнулась. Что ж, это тоже неплохо: чем большее расстояние останется между мной и ненормальной бабкой, тем лучше.

– Правильно, молодец! – голос старухи прозвучал где-то совсем рядом, хотя, по моим представлениям, она должна была остаться далеко позади. Наверное, это акустика играет со мной в такие игры. – Беги, милый, беги! Только никуда не сворачивай, как раз и попадешь туда, куда нужно. Я у тебя только руку взять хотела, а ты, видно, решил, что и остальное тело тебе ни к чему. Правильно, им оно нужнее...

Скорее всего, хитрая бабка блефовала, но я почему-то резко остановился. А что, если я не заметил какой-нибудь дырки в полу и сейчас провалюсь черт знает куда? Ладно, поступим по-другому. Я, как солдат на плацу, развернулся кругом и снова ринулся в темноту. Если бы старуха сейчас попала мне под руку, я бы, ни секунды не колеблясь, просто придушил бы эту гадюку. Черт, нужно было считать шаги, тогда у меня было бы хоть какое-то представление о том, где я нахожусь!

Где-то рядом, в темноте притаилась опасная как смерть старуха. Конечно, я надеялся, что рано или поздно выберусь отсюда, но в такой ситуации никто ничего не может гарантировать. Как верно заметил этот старикашка Триммер, я и жив-то только потому, что неплохо соображаю. Подумав о Триммере, я вдруг вспомнил, что у меня есть сотовый телефон. Это означало, что от его цветного экранчика я могу получить немного так необходимого мне сейчас света.

Я раскрыл мобильник. К моему удивлению, он светил значительно ярче, чем я предполагал. Сиреневое пятно под ногами позволяло рассмотреть плитку на полу. Я покрутился на месте, стараясь выхватить лучом старуху, но ее поблизости не было. Вот и хорошо: мне давно пора покинуть этот приют умалишенных. Похоже, бабка сразу сообразила, что ситуация несколько изменилась. Снова почувствовав неприятный запах, я поднял руку, увидел ее жутковатую физиономию и на всякий случай отступил на шаг назад. Только бы не сели батарейки...

– Ну вот, торопишься, а сам-то и не знаешь, куда, – печально сказала бабка. – Там, снаружи, тебя убьют, а зачем ты мне мертвый? Мертвых у меня и без тебя хватает. А я вот...

Стараясь не обращать внимания на ее слова, я вытянул руку с телефоном и двинулся налево. Всего несколько шагов, и сиреневый свет упал на стену. Действительно, вот и дверь. Я перевел дыхание и уже собирался было заняться замком, но тут в щели проник скользкий луч. Я инстинктивно присел, стараясь держать голову пониже, совершенно забыв про сумасшедшую старуху, которая не преминула этим воспользоваться, подкралась сзади и бросилась на меня. Если бы я не сидел в этот момент на корточках, справиться с ней было бы секундным делом. Но от неожиданности я наклонился вперед и упал, выронив из рук телефон. Он продолжал светить и на полу, что позволило мне увидеть костлявую руку с большим странного вида ножом, тянущуюся прямо к моему горлу. В ужасе я вскочил на ноги, поднимая повисшую на плечах старуху. Она оказалась значительно тяжелее, чем я мог бы предположить.

Мне никак не удавалось сбросить с себя цепкую бабку. Свободной рукой она пыталась меня душить. От резкого отвратительного запаха закружилась голова. Раздумывать было некогда. Я завертелся на месте, а потом, подпрыгнув, упал вместе со старухой на пол. Что-то противно хрустнуло, бабка подо мной взбрыкнула, напоследок больно ударив меня коленкой, и рука ее сразу ослабла. Я мгновенно вскочил на ноги, подобрал телефон и, стараясь не смотреть на лежащую неподвижно старуху, кинулся к двери.

Не знаю, как я успел увернуться. А, может быть, старуху подвела ослабевшая рука. Брошенный вдогонку тяжелый нож легко скользнул по моей руке и, ударившись о стену, отскочил в темноту...

Вновь оказавшись под ярким звездным небом, я по инерции пробежал десятка два метров, потом остановился и посмотрел назад. Проклятая бабка и не думала меня преследовать. Впрочем, в открытом, хоть сколько-нибудь освещенном пространстве у нее не было передо мной ни малейших преимуществ. Я огляделся в поисках Насти, но почему-то ее не увидел. Неужели она ушла, не дождавшись меня? Странно... В растерянности я сделал еще несколько шагов, и тут узкий как лезвие луч света вспорол песок неподалеку от меня. Я инстинктивно присел. Где-то рядом с характерным

визгом взревел дизель вездехода, а луч заметался чуть левее, выхватывая ярким овалом обшарпанные стены ангара.

Это охрана! Так вот почему скрылась Настя... Но то, что вполне сойдет с рук капризной дочке миллионера, может обернуться серьезными неприятностями для безродного странника. Объяснить им, каким образом я попал в очевидно закрытую зону, будет непросто. Вероятно, подобная мысль просто не пришла Насте в ее легкомысленную голову.

Я упал грудью на жесткий утрамбованный песок и, обдирая локти и колени, быстро пополз к спасительному люку. Там, внизу, меня наверняка ждет Настя, и я смогу высказать ей все, что о ней сейчас думаю.

Нырнув в отверстие головой вперед, я с грохотом скатился вниз и прислушался. Нужно было бы, наверное, закрыть за собой крышку, но я решил не тратить на это время. Странно, но Насти не было и в коридоре. Без ее помощи мне придется долго здесь плутать. Сверху слышались какие-то голоса. Медлить было нельзя. Прихрамывая, я побежал вниз по длинной бетонной лестнице, сильно напоминаяшей питерские или московские парадняки, не очень задумываясь о том, куда именно она меня ведет. Мне хотелось уйти подальше от выхода на поверхность.

...Он появился просто ниоткуда, как будто материализовался из воздуха. К этому времени я уже успел спуститься на нижний этаж и пробежать по какому-то коридору. Коротко выдохнув мне в лицо, этот человек неуловимым движением развернул меня спиной к себе и, не успев я открыть рот, как оказался на коленях, с заведенными назад руками. Я знаком с этим подлым ментовским приемчиком не понаслышке, поэтому сразу понял, что лучше не дергаться.

– Ну что, с-суки, – хрипло произнес он по-русски, – взяли, да? У-у, козлы вонючие! Гады! – удерживая меня одной рукой, он рывком поднял мне голову. – Опа, вот так сюрприз! Хотя этого можно было ожидать...

Конечно, я вряд ли узнал бы этот голос, если бы не слышал его совсем недавно. Но сейчас я был уверен: именно этот человек с незабываемой ментовской интонацией перечислял сегодня утром мои биографические данные, а потом пытался меня кастрировать. Действительно – вот так встреча! Кажется, в этой конторе оживают не только американские президенты. Еще немного, и я совершенно перестану

беспокоиться за собственную жизнь. Неожиданно хватка ослабла, и я повалился на бок.

– Не ссы, разведка, орденом наградят! – мой мучитель присел рядом и добавил: – Мы с тобой сейчас в одной лодке. Видишь, какая получается заварушка... И ты, как всегда, в самом центре событий. Везет же тебе, земля! Да и мне, кажется, тоже!

Чекист хохотнул и протянул мне руку, помогая подняться. Только тут я заметил, что рядом с ним стоят двое: молодой хрупкий парнишка с настороженным и каким-то нездоровым лицом, и та самая рыжая девушка, которую я своими глазами видел лежащей на каталке в нью-йоркском подвале. Еще одна приятная неожиданность!

– Пошли, приятель! Если все получится как надо, то благодарить меня будешь, что с собой беру. С этими ребятами у нас остается шанс спастись. Стоп! А это что такое?

Чекист наклонился и поднял плоскую пластиковую коробочку. Мне понадобилось несколько секунд для того, чтобы узнать телефон, выпавший из моего собственного кармана.

– Ну, браток, это то, что для нас сейчас важнее пистолета. Я сегодня прям как именинник: все, что нужно, само меня находит. Ну, давай, торопись... – он махнул рукой покорно наблюдавшей за ним парочке и подтолкнул меня вперед. – Нам еще правильное убежище нужно подыскать, понял, трущобник?

Времени на размышления у меня не было. Но развязный тон этого типа не мог меня обмануть. Даже если бы я решил не подчиняться его приказам, шансов у меня не было почти никаких: этот Чекист был настоящим профи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ФЕЛИСИЯ

Женщина в чадре замахала руками, как будто пыталась отогнать забежавших в дом кур, а потом неожиданно скрылась, со стуком захлопнув за собой дверь. Фелисия услышала, как щелкают многочисленные замки, и вопросительно посмотрела на Весли.

– Тебе не кажется, что лучше бы нам уйти отсюда? Не дожидаясь наших русских друзей?

– Куда? – спросил Весли, рассеянно рассматривая сад и дворец. – Хотел бы я знать, куда мы бежим...

Фелисия ободряюще улыбнулась, и сказала, что им следует относиться ко всему случившемуся с ними как к приключению: ведь сам Весли так любит все необычное... Но тут же увидела, что взяла неправильный тон.

– Я не могу так больше, слышишь? – Весли страдальчески скривился и, сгорбившись, сел на ступеньку. Фелисия поняла, что он опять вспоминает о той проклятой камере. – Рыжка, прости меня, но я поступил с тобой как последняя свинья...

– Ну что ты! Забудь об этом! Мы же уже говорили... – Фелисия запнулась, но потом, покосившись на закрытую дверь, выпалила. – В это трудно поверить, но то, что с нами случилось, было... Знаешь, я готова чуть ли не благодарить твоего деда за эту пытку...

При упоминании о деде Весли схватил Фелисию за руку. Ей показалось, что в его глазах мелькнуло то ли сожаление, то ли раскаяние. Но он тут же одернул горячую ладонь и сказал, что больше не хочет играть с ней в эти отвратительные игры.

– Если б у меня хватило духу рассказать тебе это сразу... тогда, возможно, не случилось бы всего того, что случилось. То, что я сделал, значительно хуже, чем просто обман. Погоди-ка, мы им еще отомстим. Им всем!

Из сказочного дворца раздался громкий отчаянный крик. Спустя несколько секунд дверь, за которой еще недавно скрылась женщина в чадре, широко распахнулась, и на пороге появился улыбающийся «полковник».

– Пошли, – сказал он, – здесь нам будет удобно. А хозяин вернется еще не скоро.

Вопросительно посмотрев на Весли, Фелисия покачала головой. Ей казалось, что не стоит оставаться рядом с этими подозрительными русскими. Но Весли, упрямо закусив губу, тянул Фелисию за собой. Они прошли несколько причудливо украшенных комнат, выходящих окнами в сад, поднялись на второй этаж и остановились в большой спальне. Она была перегороджена тяжелым бархатным занавесом. «Полковник» захлопнул дверь и, оглядевшись, резким движением распахнул занавес. К удивлению Фелисии, часть комнаты, находившаяся за ним, была отделена от той, в которой находились они, толстыми металлическими брусьями.

– Ого, – весело изумился «полковник», – да тут просто идеальное место для наших игр!

Он потянул щеколду и вошел в клетку. Внутри стояло большое кресло, и «полковник» тут же в нем развалился. Фелисия услышала, как тяжело скрипнули пружины под его сильным телом, и подумала, что сейчас самое время закрыть дверцу этой клетки и таким образом исправить ошибку, сделанную ими в подвале. Потому что теперь она не сомневалась: «полковник» – человек безжалостный и опасный. Она догадывалась, что он сделал с той несчастной женщиной в чадре, которая гнала их отсюда... Но Фелисия быстро поняла, что из ее затеи ничего не выйдет: рядом стоял второй русский. Чего можно было ждать от него, она не знала.

– Итак, – потягиваясь, заявил «полковник», – приступим к делу? А для начала поговорим по душам. Мистер Триммер, если я не ошибаюсь?

Он делано кивнул Весли:

– Я имел удовольствие слышать ваши... э-э... ваши мучения в камере.

Весли вздрогнул, но Фелисия видела, что взгляд у него остался холодным.

– А я полагаю, что вы работаете на русскую разведку. По крайней мере, Майер с удовольствием ухватится за такую версию, – перебил его Весли, и Фелисия удивилась его самообладанию.

Быстрым, почти незаметным движением русский выскочил из клетки и схватил Весли за горло, усадив его на покрытый толстым ковром пол, прямо под ноги Фелисии.

– Дерьмо твой Майер, – прорычал он, – и все эти ваши игры – тоже полное дерьмо! Давай уж говорить откровенно. Так вот, чтобы ты знал: у меня свои собственные игры. Я вашим говеным Центром уже давно интересуюсь. А что касается тебя, приятель... если Майер устроил тебе небольшое приключение, а потом отпустил побегать, то это еще не говорит о ценности твоей особы для меня. Ты мне нужен только потому, что мне кое-что требуется от Триммера-старшего. Это понятно?

«Полковник» убрал руку и разогнулся. Фелисия видела, что Весли почему-то совсем не испугался, только с недовольным видом потер шею рукой и вскинул на русского злые глаза. Но Фелисии было очень страшно. Этот безжалостный убийца не остановится ни перед чем! А они – маленький хрупкий Весли и сама она, беззащитная женщина, – оказались в полной его власти. Кроме того, существовал еще и второй русский, с равнодушным видом сидевший на кровати и не принимавший участие в разговоре. Вряд ли от него можно ждать помощи, подумала Фелисия.

– Значит, вы собираетесь шантажировать деда? – Весли странно усмехнулся, как будто намеренно провоцировал «полковника» на насилие. – Боюсь, это пустая затея. Мой дед совсем не тот человек, который позволит себя шантажировать. Особенно жизнью внука. Если вы так осведомлены, как пытаетесь изобразить, то знаете, что я прав.

– Я осведомлен, – русский как-то внезапно успокоился и уселся на ковер рядом с Весли. Фелисия опустила рядом, судорожно размышляя, что же теперь делать. – Я очень даже осведомлен. Обо всем осведомлен. Вплоть до здешних увлечений кинематографом. Это ведь именно я подсунул Майеру блондиночку ... ну, Мэрилин... Кстати о женщинах. Вот вы, мисси, – он развернулся к Фелисии, грубо толкнув ее локтем, – вы, должно быть, совсем ничего не понимаете. Со стороны такого благородного джентльмена, как мистер Триммер-младший, держать вас в неведении просто даже невежливо. Старинный приятель, и вдруг такое неуважение к даме...

Фелисия уловила в тоне русского глумливые нотки и заметила, как напрягся Весли, нервно сжимая и разжимая кулаки. Не обращая на него никакого внимания, «полковник» смерил Фелисию взглядом и продолжил.

– Вы думаете, что стали жертвой похищения, что вас обманули вместе с приятелем, запутавшимся в делах какой-то неведомой конторы? Нет, все значительно хитрее! Ну что, устроим разоблачение, дорогой мистер Триммер? Этот замечательный молодой человек вполне осознанно выманил вас из Нью-Йорка. Возможно, он не знал, для чего вы были нужны его деду, но, согласитесь, это уже не столь принципиально. Спросите, зачем он хотел увезти вас в пустыню, в этот самый Центр? Надо думать, ему хотелось, с одной стороны, спасти вас от последствий всего того, что затевает в Нью-Йорке его дед, а с другой... Впрочем, для начала было бы правильнее ответить на вопрос, что же такое ужасное должно произойти в Нью-Йорке? А ведь, заметьте, он точно знал, что для вас было бы безопаснее переждать операцию здесь, в Неваде, вдали от суеты и паники. Я не ошибаюсь, молодой человек?

Фелисия была уверена, что Весли сейчас ответит русскому какой-нибудь грубостью. Но он только молча кусал губы. Заметив взгляд Фелисии, он дернул плечом и отвернулся. Этот мальчишеский жест почему-то умилил Фелисию. Действительно, Весли всего лишь старался ее от чего-то спасти. В этом нет ничего дурного, даже если ему и пришлось для этого ее обмануть. Только вот она совершенно не понимала, какая опасность могла грозить ей дома, в Нью-Йорке, под охраной мисс Фиби и ее людей.

– Да, так вот... – «полковник» расслабленно откинулся на ковер. – Вернемся ко второй причине. Кому-то она, конечно, могла бы показаться мелкой, но для нашего с вами приятеля это вполне серьезно. Дело в том, что в какой-то момент он поругался со своим любовником и, насколько я понимаю, пообещал себе ему отомстить – заставить ревновать, что ли. Вероятно, он подумал, что, как говорят русские, одним выстрелом убьет сразу двух зайцев. То есть сначала увезет вас из Нью-Йорка, где вам угрожала опасность, а потом уже здесь, в Центре, попытается изобразить пылкую страсть. Наверное, для этой цели он мог бы найти и мужика, но... Чужая душа – потемки. Русские писатели давно говорили об этом ...

– Чего вы от меня хотите? – тоненьким голосом закричал Весли. – Я ничего не боюсь!

– А с чего это ты взял, что я тебе угрожаю? – «полковник» окончательно развеселился и даже хлопнул себя по колену. – Пугать пытками и прочими глупостями – это не в моем стиле. Скорее, в стиле старого мясника Майера.

Он оборвал смех, и от его благодушия не осталось и следа.

– Если бы я решил тебя пытаться, ты бы уже пел как соловей, поверь мне. А я пока что всего лишь рассказываю твоей подружке о том, что мне известно. Мы ведь теперь почти одна семья, ха-ха! А известно мне, как видишь, немало. Так вот, мисси, получилось не совсем так, как предполагал ваш приятель. Не клюнул его любовник на такую глупую приманку. Или, может быть, не очень-то он и любил нашего дорогого Весли, а всего лишь использовал его в своих целях. Да, это очень даже может быть. Потому что приказ Триммера он исполнил в точности. Я имею в виду то, что он без всяких колебаний доставил вас обоих в Центр, и уже здесь...

«Полковник» замолчал и оценивающе взглянул на Фелисию. Чтобы не встречаться с ним взглядом, она повернулась к Весли и поразилась тому, что увидела: это был совсем другой – чужой – человек. Вместо лица – бледная застывшая маска со злыми ненавидящими глазами. Ничего не понимая, Фелисия дотронулась до его плеча, но Весли сбросил ее руку и оскалился, словно дикое животное. Да что это с ним?! Неужели на него так подействовали те проклятые наркотики? Другого объяснения перепуганная Фелисия найти не могла. Ей стало страшно – значительно страшнее, чем в камере. Весли был единственным живым существом среди всего этого ужасного хаоса, которое она любила и жалела, которому доверяла полностью, как самой себе...

– А еще, мисси, – вот ведь проклятая забывчивость! – я так и не сказал вам, кто же этот таинственный любовник вашего дружка. Хотя вы девушка сообразительная, наверное, уже и сами догадались.

Фелисия вздрогнула, хотя еще раньше начала понимать, к чему клонит этот русский. На Весли она даже не взглянула. Мысли заметались у нее в голове, не давая сосредоточиться. Весли, ее смешной добродушный Весли... Фелисия невольно представила себе то, о чем упорно не хотела думать с того самого момента, когда заметила Весли в баре в обнимку с каким-то мужиком... Ну почему все так, почему?! И для чего этот русский рассказывает об этом ей? Впрочем, тут же сообразила Фелисия, дело вовсе не в ней. Скорее всего, русский сейчас обрабатывает Весли. Хочет сломить его, поразить своей осведомленностью.

– Но и это еще не все, – как будто в подтверждение ее мыслей заговорил «полковник». – Есть у меня такое странное подозрение, что ваши сексуальные приключения в камере – отнюдь не плод безумной фантазии Триммера-старшего и

даже не злая воля негодяя Майера. Скажите, что я неправ, дорогой Триммер-младший...

– Плевать я хотел на то, прав ты или нет! – прошипел Весли.

Его трясло, в уголках губ скопилась слюна, а тонкие пальцы были согнуты, как будто он собирался выцарапать «полковнику» глаза.

– Думаешь, я сам распорядился добавить этот возбуждатель в наркотик? И ей, и себе? Да что ты понимаешь, тварь, чтобы рассуждать об этом? А ты, – Весли повернулся к Фелисии, – ну что ты так на меня смотришь? Я ведь спасал тебя, Рыжка! Поверь, тебе действительно нельзя было оставаться в Нью-Йорке...

И тут же, словно забыв про Фелисию, Весли снова со злостью обратился к «полковнику»:

– Ну что, ты рад, сволочь? Только учти: такие, как ты, долго не живут. Чем больше ты болтаешь, тем короче твой срок! И то, что ты успел вынюхать, ерунда по сравнению с тем, чего ты не знаешь – и уже никогда не узнаешь. Потому, что не успеешь! Ты просто ничего не понял...

Весли вскочил, и только усилием воли Фелисия удержала себя на месте. Ей хотелось бежать, спрятаться от всех, ничего не видеть и не слышать. Но разве убежишь... Похоже, Весли добровольно отправился в эту ловушку, чтобы наказать своего деда, заставить его сломаться. А она, подумал ли Весли о ней?.. Фелисия не заметила, как «полковник» оказался на ногах. Он лениво без размаха ударил Весли ногой в лицо.

– Это ты меня не понял, парень!

Весли опрокинулся на спину, и у него тут же потекла по лицу кровь, расплываясь на майке бурыми бесформенными пятнами. Фелисии было ужасно жаль его, но она как будто одеревенела и только молча наблюдала, как Весли осторожно притрагивается пальцем к рассеченной верхней губе.

– То, что тебе кажется – твое дело. Но я знаю больше, чем ты можешь себе представить. Есть у меня тут свои людишки. А уж чего я умею... – «полковник» рассмеялся и выразительно покрутил кулаком. – Два старых пердуна, которые мутят здесь воду, даже не догадываются, в каких они тисках... Впрочем, это сейчас неважно. А важно вот что: мне потребуется вертолет, чтобы обратиться отсюда подальше. Сегодня

я, как видишь, удачлив до удивления. Так что надеюсь, фортуна не подведет меня и дальше.

«Полковник» вытащил из кармана сотовый телефон и вопросительно посмотрел на Весли.

– Кстати, – сказал он с издевкой, – не подскажешь ли, как позвонить твоему деду? А то сам-то я плохо запоминаю телефонные номера. Ну, не ломайся. Надо же сообщить мистеру Триммеру радостное известие о том, что его внук в надежных руках. Мало того, никто и никогда не вычислит, где мы находимся. Из того, что я знаю об этой мышеловке, им потребуется рота солдат и несколько дней, чтобы прочесать все помещения и переходы Центра. Только у них не будет этих нескольких дней!

Весли нервно двинул плечом и промокнул кровь грязной майкой.

– А попутно, – сладенько протянул «полковник», – было бы неплохо выяснить, что здесь делает мой приятель, – он указал на второго русского, – который, вообще говоря, темная лошадка: бродяга без роду и племени, мелкий карманник, аферист. Да и в Америке находится нелегально. Интересно, для чего он нужен мистеру Триммеру? Ну, разве что ему позарез понадобился человек, про которого известно только одно – что он русский. Догадываешься теперь, куда я клоню?..

Русский снова прозвучал вполне дружелюбно. Так, словно не он только что бил Весли.

– Зачем тебе все это? – Весли тоже говорил внешне спокойно, но Фелисия видела, как у него на шее часто-часто бьется выпуклая жилка. «Полковник» зло рассмеялся и сел прямо на пол, скрестив ноги.

– А затем, – произнес он, и лицо его снова сделалось отталкивающе-злым, – что времена давно изменились, и теперь всё касается всех. Политика! В каком-нибудь задрипанном Заире чихнет местная обезьяна-диктатор, съест на обед чего-нибудь не то, и уже весь мир на ушах: тут же засылает агентов влияния, разведки всех стран затылки чешут, просчитывают, что из этого получится может... А в Нью-Йорке твой дед что-то совсем уж нехорошее готовит, а теперь еще и русского хочет привлечь к этому делу. К чему бы это, а? Не говоря уже о том, что ваша контора – это самое Бюро – давно уже стоит у всех поперек горла. Хитро работает, ничего не скажешь: через третьи руки. Идет на любые затраты. А ходы просчитать почти невозможно, потому как логика отсутствует. То носами всех сталкивает, то мирит, то пугает всемирными

катастрофами, вроде глобального потепления, а то успокаивает: живите, мол, людишки, на ваш век всего в досталь хватит. Вот тут-то и возникает старый вопросик: кому это выгодно? А ответа нет... Даже Майер, хотя и невеликого ума, но и тот занервничал. Если что, твой дед его, как и предшественника, подставит – и все, нету больше Майера. Да-а, никогда нельзя любовь с делом путать...

– Козел ты вонючий, за что и поплатишься! – выплевывая эти слова, Весли мельком взглянул на Фелисию, и ей показалось, что в его глазах промелькнуло что-то хорошо знакомое и родное. – Зря думаешь, что в России тебя не достанут. Ну да ладно, что толку тебе грозить, все равно по тупости не испугаешься. Давай сделаем так: ты звонишь моему деду и объясняешь, что держишь меня заложником. А дальше... Или он сломается и будет с тобой разговаривать, или нет. А вот представь себе, что не будет. Отдаст тебе внука. И что тогда?!

«Полковник» задумчиво рассматривал кончик своего тяжелого ботинка. Потом поднял глаза на Весли. У него было лицо человека, который сосредоточенно обдумывает, купить ли ему выставленный в витрине товар или пройти мимо.

– Интересно получается... – процедил он сквозь зубы, – значит, если я скажу твоему деду, что ты у меня, он может отдать тебя на съедение? То есть, рискнет потерять внука и наследника, но не позволит диктовать ему условия? Ну-ну, все может получиться очень занятно! Надеюсь, – обратился «полковник» к Весли, – номер личного телефона мистера Триммера ты помнишь наизусть? Пожалуй, я с ним все-таки побеседую.

Весли усмехнулся, опять многозначительно покосился на Фелисию и продиктовал русскому десять цифр. Фелисия вдруг вспомнила сухое бесстрастное лицо Триммера-старшего и подумала, что ни в какие переговоры с бандитом он вступать не будет. Даже если этот русский начнет их пытаться... Она постаралась поскорее отогнать от себя эту мысль. От Весли исходила какая-то бешенная веселая уверенность, и, несмотря на всю ее неуместность, Фелисия старалась уцепиться хотя бы за это. Просто для того, чтобы не скатиться в истерику, не превратиться в размякшее от ужаса бездумное желе...

– Мистер Триммер! – после паузы сказал в телефон «полковник», – какая приятная неожиданность! В прошлый раз у меня не было возможности засвидетельствовать вам свое почтение: ваши люди оказались слишком скоры на

руку... Да-да, именно я. Вы удивительно догадливы, сэр! У нас тут собралась занятная компания... Весли и его подружка передают вам привет. Да, он рядом со мной. Может, хотите с ним побеседовать?.. Ну, как хотите... Кстати, я готов сообщить вам любопытный факт, имеющий прямое отношение к вашему внуку и еще одному хорошо известному вам лицу. Можете считать это подарком от меня лично...

Под взглядами всех троих «полковник», продолжая непринужденно болтать с Триммером, вышел из комнаты, с треском захлопнув за собой дверь. На секунду Фелисии показалось, будто она только что участвовала в жутком спектакле, который уже закончился, и теперь актерам самое время снимать грим и пожимать друг другу руки. Но, к сожалению, ничего на самом деле не кончилось. Фелисия поняла это, когда «полковник» вернулся и торжествующе посмотрел на Весли.

– Ну вот и все! – он прошелся по спальне. – Интересно, для чего хозяйину этой халабуды потребовалась клетка? – «Полковник» оглянулся на Весли. – Не знаешь? Ну и ладно... Так вот, как это там говорится, в нашем распоряжении тридцать минут. Если в течение получаса твой дед умудрится достать вертолет, как он и обещал, то вы проводите меня до него, и мы, всплакнув друг у друга на плече, мирно расстанемся. Если же нет... Ну, давайте пока не будем рассматривать такой вариант, а то мисси того и гляди хлопнется в обморок.

– И как ты, интересно, собираешься добраться до этого вертолета? – Весли брезгливо дотронулся до все еще кровоточащей губы.

– А вот это уж мои проблемы, как любят говорить у вас в Америке. Есть несколько хитростей, в которые мне бы не хотелось посвящать тебя заранее. Увидишь, дружок, все увидишь. Ведь мы пойдем туда вместе.

После разговора с Триммером-старшим «полковник» слегка расслабился. Фелисия поняла это по тому, что его тяжелый настороженный взгляд перестал бегать от одной стены к другой. Но расслабился он совершенно напрасно. Фелисии показалось, что тяжелая портьера, сдвинутая «полковником» к самой стене, слегка шевельнулась. Фелисия старательно отвела глаза в сторону. И тут у них над головой что-то глухо стукнуло, потолок чуть ушел в сторону, и сверху прямо на «полковника» упала большая густая сеть. Из образовавшегося проема вылетело несколько черных размытых теней, и еще через секунду «полковник», а вместе с ним и второй русский, уже лежали на полу туго спеленутыми.

Весли раздраженно стукнул кулаком по ковру и горько рассмеялся, глядя, как быстро и аккуратно выносят русских.

– Ну вот, – сказал он, – так всегда! Зато ты у меня молодец, Рыжка! Ну, иди сюда... – холодной рукой Весли попытался приобнять Фелисию, но она неожиданно вырвалась, вскочила и сделала два неуверенных шага назад. – Я же так на тебя рассчитывал, Рыжка! И ты всю дорогу держалась как надо. А теперь вот... Ну, давай-давай, приходи в себя побыстрее!

– Bravo! Я восхищен! Вы оба, в каком-то смысле, превзошли мои ожидания...

Они одновременно повернулись на голос. Фелисия пошатнулась и вынуждена была опереться на дрогнувшую руку Весли. Перед ними стоял сам мистер Триммер-старший, сохраняя на лице обычное невозмутимое выражение.

– А теперь, если вы не возражаете, присядем и поговорим.

Старик сделал рукой приглашающий жест. Точно таким же жестом он предлагал Фелисии располагаться в своем кабинете. Они плюхнулись обратно на ковер. Триммер неторопливо осмотрел спальню, потом опустился на кровать и сложил руки на коленях. Кажется, подумала Фелисия, появление деда поразило Весли куда больше, чем ее саму. Он нервно ерзал на мягком ковре, как будто никак не мог отыскать удобное положение, и поглядывал на старика виновато и с вызовом одновременно.

– Так вот, дорогие мои. Прежде всего, я должен принести свои извинения за... – Триммер коротко развел руками и снова положил их на колени, – за все это. Помните популярный когда-то фильм «Крестный отец»? Глупость, конечно, кино, но там были и стоящие мысли. Например, о том, что не следует доверять даже брату, если он человек слабый и не очень умный. Иначе его потом придется убить. Могу сказать, что в каком-то смысле ты, Весли, выдержал проверку боем. Кстати, милая Фелисия, если можете, простите моего внука. Вы, конечно, оказались впутанной в наши семейные дела, но так уж получилось. Впрочем, теперь это уже и не важно. Я не захватил с собой фотографии ваших похорон, но, поверьте мне на слово, все было очень торжественно. Ваш отец держался на удивление хорошо. По всей вероятности, ваша мужественность и выдержка, дорогая моя девочка, это фамильные качества...

Триммер пытливо взгляделся в лицо Фелисии, но не заметил на нем ни малейшего движения. Что ж, она могла предположить нечто подобное и даже немного

корила себя за то мстительное чувство, которое охватывало ее при мысли, что ни папан, ни мисс Фиби больше никогда не станут надоедать ей.

– Но это я отвлекся, – старик перевел взгляд на внука. – Так вот, в любом самом продуманном плане всегда кроется элемент неожиданности. Приказав Майеру отпустить вас, я был уверен, что вам пойдут на пользу блуждания по Центру, как когда-то древним евреям – блуждания по пустыне. Помните, Моисей говорил, что Ханаан завоюют только свободные люди. Рабы должны были умереть... Вы, конечно, выжили бы, но, в каком-то смысле, переродились. Так красиво у нас не получилось: этот русский шпион решил, что сможет обмануть всех. – Триммер печально покачал головой. – Признаюсь, он заставили меня поволноваться. Но как только я понял, какой телефон был использован для переговоров со мной, все решилось довольно просто. Дело в том, что этот русский сделал расчет на то, что мы найдем его не скоро. Он не мог знать, что в телефон вмонтирована одна маленькая, но очень полезная деталь – радиомаячок. Ну а дальше все было просто...

Триммер мягко взмахнул руками и, снова сложив их на коленях, умолк.

Весли нервно покусывал разбитую губу. Молчание затягивалось, но Фелисия чувствовала, что старик сказал далеко не все из того, что намеревался. И оказалась права. Триммер поднял голову и, как ни в чем не бывало, продолжил, обращаясь к внуку.

– Только что этот русский шпион подтвердил по телефону мои начинающие зарождаться подозрения. Теперь я должен спросить у тебя, Весли, правда ли это... Молчишь?.. Конечно, мне следовало догадаться и раньше... Кроме того, хочу, чтобы ты понимал: речь идет о том, могу ли я доверить тебе в будущем все наше дело...

Триммер продолжал сверлить Весли взглядом, а Фелисия подумала, что он явно готовит Весли какой-то неприятный сюрприз. Она чувствовала это почти физически. Возможно, сказывались до предела натянутые нервы. Весли тоже заметно нервничал.

– Да, так вот, я хотел продолжить о Майере, – старик обращался теперь только к Фелисии, словно не замечая внука. – Буду с вами откровенен: он *был* никудышным помощником и неприятным человеком. Разумеется, последнее – это только мое личное мнение. А как думаешь ты, Весли?

Триммер-старший сурово смотрел на внука. Весли тяжело дышал, лицо его было зеленоватого оттенка, кровь из разбитой губы уже лилась на футболку, а по лбу

стекали крупные капли пота. Фелисия совершенно потерялась: она поняла, почему Триммер говорит о Майере в прошедшем времени, и напряглась, догадываясь, что сейчас произойдет что-то ужасное. А старик, не отрываясь, смотрел на внука. Наконец Весли медленно и молча, как будто боясь кого-то спугнуть, склонил голову.

– Вот и прекрасно! Я знал, дорогой внук, что ты со мной согласишься, – заявил Триммер. – Думаю, теперь самое время заняться настоящим делом.

Весли медленно поднимался, и Фелисия видела его бешенные, какие-то словно отключенные от реальности глаза. Но старик, похоже, не обратил на это никакого внимания.

– Вас, Фелисия, – мягко сказал он, – я считаю членом нашей семьи, и поэтому вы имеете право знать, чем занимаюсь я, а теперь и мой внук и приемник. А чтобы вы представляли себе направление и масштабы нашей деятельности, могу вам сообщить, что сегодня я спас Соединенные Штаты Америки от возможных терактов – куда более страшных, чем трагедия во Всемирном торговом центре. Скоро у нас все будет совсем по-другому. Правда, предстоит трудная работа, нам придется пожертвовать многим, но, поверьте, результат стоит того...

Фелисия с изумлением и ужасом смотрела на Триммера. Она была уверена, что у старика начался бред. Триммер поймал ее взгляд и улыбнулся.

– Милая моя Фелисия! Не торопитесь списывать меня в маразматика... Кстати, вот что я действительно не сделал, так это не представил вас хозяину дома, в котором мы сейчас находимся, – Триммер со значением кивнул. – Нехорошо заставлять хозяина ждать...

Старик не спеша открыл дверь и пропустил вперед высокого худого улыбающегося человека. У Фелисии закружилась голова: ей было достаточно одного взгляда, чтобы узнать его даже в европейском костюме. Тонкое интеллигентное семитское лицо с большим носом и мягкими губами, характерный жест, которым он поглаживал седеющую бороду... Фелисия перехватила торжествующую улыбку Триммера и поняла, что у нее больше нет выбора. Она невольно оказалась посвященной в страшную тайну – смертельную, как взгляд Медузы Горгоны. Потому что перед ней стоял тот самый человек, которого вся планета называла террористом номер один.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ДЖОАН

Сегодня она и не должна была сидеть за прилавком. Но когда за завтраком отец, глядя на нее большими глазами, сказал, что Джоан может поваляться дома еще хоть недельку, она вдруг решила, что в магазине, на людях ей станет значительно лучше. Потому что все то время, которое прошло с момента ее возвращения из Нью-Йорка, Джоан преследовало необычное мучительное ощущение... Как будто она подсознательно пыталась что-то вспомнить – и никак не могла. Ей снились странные сны, в которых не было никакого действия, людей или предметов, а только вот это непонятное ощущение. Джоан просыпалась с головной болью и целый день, глядя из окна своей старой спальни на неопрятный отцовский дворик, пыталась что-то вытащить из памяти и сама не понимала, что именно: то ли виденное во сне, то ли наяву.

Три дня назад она приехала на автобусе из Нью-Йорка сначала в Бостон, а потом и в Сейлем. Увидев ее, отец не очень удивился. Он сидел на привычном месте за кухонным столом с привычной банкой пива в руке. Отец ничего не сказал Джоан, только кивнул головой, потер щетину на щеках и снова уставился в орущий телевизор, примостившийся на посудной мойке. В общем, дома было все как всегда. Джоан вздохнула, погладила отца по плечу и пошла по скрипящей лестнице вверх, в свою спальню. Она понимала, что означает отцовское молчание. Не получилось – ну что ж, значит, не получилось. Главное было попробовать, чтобы потом не ругать себя всю оставшуюся жизнь за неиспользованный шанс. Теперь можно было спокойно и неторопливо жить, работать вместе с отцом в магазине, принимать ухаживания местных работяг...

Наверное, отец был уверен, что странное состояние Джоан объясняется разочарованием от крушения надежд, необходимостью вернуться в родной захолустный городишко, отказом от головокружительной карьеры актрисы. И потому

не лез с расспросами. Но на самом деле Джоан совсем не жалела о своей несостоявшейся карьере. И вообще, если бы не томящее ее странное ощущение и непонятные сны, она была бы вполне довольна своей жизнью дома. Здесь было так тихо, а при мысли о Нью-Йорке Джоан отчего-то охватывало болезненное беспокойство. Хотя ничего плохого с ней там не случилось. Просто в какой-то момент до отвращения надоела суетливая работа в баре, где мужики постоянно цепляли ее жадными взглядами, а все надежды на то, что ее заметят и оценят как актрису, оказывались пустыми, понапрасну изматывающими душу иллюзиями. Нет, Джоан была уверена: пришла пора плюнуть на все эти несбыточные мечтания, спуститься на землю, стать такой, как все...

Тихо звякнул колокольчик над дверью, и Джоан подняла голову. По проходу, заставленному стеллажами с инструментами, неторопливо шел довольно молодой мужчина, не очень-то похожий на их обычных посетителей. Хотя одет он был в простые джинсы и байковую рубаха навыпуск. Джоан почему-то напряглась. Поток основных покупателей давно схлынул, и в этот обеденный час в небольшом, пропахшем запахами металла и клеенки помещении Джоан была одна. Отец, с утра возившийся в подвале, где у него был склад, уехал в Бостон договариваться с поставщиком. Так он сказал Джоан. Хотя у нее появилось подозрение, что отцу просто до смерти надоел этот душный магазинчик, и что он рад появившейся возможности хоть ненадолго вырваться на свободу – подальше от всех этих гвоздей, дрелей, горелок и гаечных ключей.

Посетитель потоптался у стеллажа с молотками, взвесил один в руке, но тут же положил его на место и неторопливо двинулся дальше. Джоан не боялась грабителей: какие в их городке могут быть грабители! Да и кто-нибудь из постоянных покупателей может зайти в магазин в любую минуту. Но все равно, что-то в этом человеке показалось ей необычным и даже опасным. Только она никак не могла понять, что именно. Как будто этот парень каким-то чудом выскочил из ее мутного сна, хотя Джоан была уверена, что никогда в жизни с ним не встречалась. На всякий случай она нащупала лежащую прямо под кассовым аппаратом старую бейсбольную биту.

– Скажите, пожалуйста, нет ли у вас баллончиков со сжатым воздухом? – вежливо и вполне обыденно спросил парень, приблизившись к Джоан и положив руку на прилавок. Но смотрел он на нее с каким-то странным выражением – так, словно

только что произнес пароль, на который она обязательно должна была правильно ответить, и тогда он сообщит ей что-то важное, не предназначенное для посторонних ушей. Усилием воли Джоан отогнала от себя эту глупую мысль и, не глядя в глаза посетителю, сказала, что таких баллончиков у них нет: они продаются только в специализированных магазинах.

– Жаль, – промолвил парень, и Джоан снова показалось, что она ответила совсем не так, как он ожидал. – Знаете, у меня такое ощущение, что мы с вами уже где-то встречались...

Ну вот, подумала Джоан, оказывается, все значительно проще: это всего лишь очередной неловкий ухажер. Мог бы придумать что-нибудь пооригинальней. За этим должно было последовать приглашение в бар. Джоан отрицательно покачала головой и, чтобы не обидеть покупателя, холодно улыбнулась.

– Странно, – задумчиво произнес ухажер, облокотившись на прилавок. – А скажите, не мог ли я видеть вас совсем недавно в Лас-Вегасе? Ну, в том, который в штате Невада?

О том, что Лас-Вегас находится в Неваде, знает каждый школьник. Но почему-то эта глупая фраза вызвала у Джоан тревожное, почти болезненное беспокойство. Она внимательно посмотрела на стоящего к ней боком парня, но по выражению его лица ничего не смогла понять. Ей вдруг захотелось без церемоний вытолкать из магазина этого вежливого, но разговорчивого человека, чтобы избавиться от ноющего, мучительного ощущения....

– ...А баллончик мне нужен был для газового пистолета. Конечно, это не настоящее оружие, но стреляет довольно неплохо. Как-то в пустыне я даже подстрелил из него редкую ящерицу, – парень повернул к Джоан голову и выжидательно улыбнулся. – Представляете, есть, оказывается, такой вид ящериц – «президент». Он живет глубоко в песке и поэтому невидим; казалось, что он давно вымер, но...

В этот момент колокольчик у дверей снова звякнул, и на пороге появилась грузная фигура Рона – старого отцовского приятеля и хозяина кафетерия, расположенного по соседству. В руках у Рона был картонный подносик со стаканчиком кофе и завернутым в бумагу бутербродом.

– Эй, привет, Джо! – прокричал он. – Я вот принес тебе ланч. А то ведь знаю: отец уехал, а тебе, бедолаге, даже не отлучиться, чтобы перекусить.

Джоан знала Рона с детства. У него был густой сиплый бас, и поэтому казалось, что он всегда кричит – даже когда пытался говорить шепотом. Обычно это ужасно раздражало Джоан. Кроме того, она часто ловила на себе его взгляд... по ее мнению, пожилому человеку не следовало бросать такие взгляды на дочь друга. Но сейчас Джоан даже обрадовалась его появлению. Она знала, что теперь Рон просто так не уйдет; что он останется, как минимум, на полчаса, будет выкрикивать ей замаскированные под отеческую заботу двусмысленные комплименты и распугивать своим рыком покупателей.

Разговорчивый молодой человек внимательно осмотрел приближавшегося Рона, криво улыбнулся и, пообещав, что зайдет еще раз, направился к выходу. Джоан проводила его взглядом и глубоко вздохнула: она-то рассчитывала, что, укрывшись здесь, в Новой Англии, она обретет столь необходимый ей покой. Но и тут начинает происходить что-то непонятное, от чего просто раскалывается голова... Джоан поймала себя на том, что признает это как само собой разумеющееся: до приезда в Сейлем с ней случилось что-то очень нехорошее. Но что именно? Она попыталась сосредоточиться, хотя и понимала: из этого ничего не получится. Хотя бы потому, что Рон то и дело тормозил ее, хватал через прилавок за руки и без умолку кричал, как она похорошела за то время, пока они не виделись. И еще ругал шумный сумасшедший Нью-Йорк, в котором приличному человеку просто нечего делать...

Потом – почти к закрытию магазина – наконец-то приехал отец, и Джоан отправилась побродить по улицам, хотя осенний ветер задувал с океана и нес сырой холод. Почему ее так сильно взволновало упоминание о пустыне, о Лас-Вегасе, о какой-то идиотской ящерице? Она точно знала, что никогда не бывала в Неваде... да и вообще нигде, кроме Нью-Йорка и Бостона. Собственно, именно оттуда она и приехала домой... У Джоан появилось странное ощущение, что в ее памяти, как в написанном карандашом письме, кем-то небрежно стерты несколько строчек. Прочсть их невозможно, но понятно, что они существовали. Может быть, успокаивала себя Джоан, это всего лишь нервное переутомление? Действительно, если смотреть отсюда, из тихого уютного Сейлема, нью-йоркская суматошная жизнь казалась безумием...

Основательно продрогнув, Джоан уже сворачивала на свою Веревочную улицу, когда ей показалось, что вдали мелькнула фигура того самого парня. Заметив, что она

смотрит на него, парень тут же спрятался за дерево. Джоан озадаченно порылась в сумочке в поисках ключей и заторопилась домой. Она почему-то не сомневалась в том, что болтливый молодой человек не был обычным привязчивым ухажером. Тут было что-то другое... что-то из того полустертого кусочка жизни. Не понимая, чего ей, собственно, следует опасаться, Джоан аккуратно прикрыла дверь, ведущую на веранду, и осторожно прокралась к маленькому окошку в ванной, которое выходило прямо на улицу. Да, это был тот самый молодой человек. И он явно следил за ней! Еще одна неразборчивая строчка-воспоминание вдруг неприятно царапнула по нервам: какой-то неприятный человек уже преследовал ее когда-то, говорил ей непонятные пугающие слова... Нет, это какая-то мука, она ничего не может вспомнить!

Парень подошел поближе и, оглядев улицу, неторопливо направился к проему между домами – туда, где невысокий дряхлый заборчик отделял их задний двор от улицы. Джоан забеспокоилась сильнее. Отец появится значительно позже, в доме она одна. Правда, стоит ей крикнуть погромче, как тут же залает старый соседский пес, и на лай обязательно выползет его хозяйка – такая же старая и злобная старуха Кинли... Вообще-то псу следовало бы уже почуять незнакомца и подать голос. Но собака почему-то молчала. Надо же, Джоан совсем забыла спросить у отца: может быть, пса уже давно нет?..

Бросив быстрый взгляд на телефон – не позвонить ли в полицию? – Джоан прошла вглубь дома, пытаясь вспомнить, закрыла ли на замок дверь, ведущую во двор. Она и сама не могла понять собственные ощущения. Конечно, этот привязчивый парень излучает опасность, но он не просто бандит, он как-то связан с пугающим ее прошлым. Джоан была уверена в этом, хотя и не смогла бы объяснить, почему. Она ощущала какую-то мучительную потребность разобраться во всех этих загадках. А для этого, по крайней мере, неплохо бы понять, чего хочет от нее этот человек.

Обнаружив, что дверь заперта на задвижку, Джоан удовлетворенно кивнула и, прижав нос к стеклу, попыталась рассмотреть двор. Но в наступивших сумерках ей был виден только небольшой полусгнивший сарайчик, в котором отец непонятно зачем хранил всякую рухлядь. Ну и ладно, с некоторым разочарованием подумала Джоан, возвращаясь в гостиную, где бы он не притаился, в дом ему не попасть. Через некоторое время явится отец – если, конечно, не засидится в баре, – и тогда ей будет совсем спокойно. А если завтра этот наглец появится в магазине, то она...

Наглец сидел за столом в гостиной, чинно положив руки на скатерть. Джоан застыла на месте, пытаясь сообразить, что ей следует делать. Парень вежливо привстал с таким видом, словно они заранее договаривались о встрече.

– Вы уж простите меня, Джоан! – открыто улыбаясь, сказал парень. – Честное слово, я не хотел напугать вас. Но входная дверь была открыта, и я решил воспользоваться вашей забывчивостью. Вы, вероятно, и сами чувствуете, что нам необходимо поговорить. Причем, чем быстрее, тем лучше. Поэтому я и позволил себе подобную бесцеремонность.

– А зачем вы полезли на наш задний двор? – поинтересовалась Джоан только для того, чтобы хоть что-нибудь спросить. Этот человек принес ей известие из ее прошлого!

– Хотел проверить, нет ли там кого-нибудь, кто мог бы помешать нашей беседе. Я вообще удивлен, что они вас так просто отпустили...

Парень неопределенно взмахнул рукой, но, увидев широко раскрывшиеся глаза Джоан, быстро добавил:

– Конечно-конечно! Для вас я пока говорю загадками. Поэтому давайте начнем сначала. Наверное, для начала я должен представиться: Грэг Янсон, старший агент специального подразделения ФБР. Если надо, могу показать документы.

Джоан отрицательно покачала головой. Почему-то она сразу поверила.

– Ну ладно, тогда не будем терять времени. Может быть, его у нас даже меньше, чем я предполагаю. Прежде всего, хочу, чтобы вы поняли: речь идет о жизни многих тысяч людей. Возможно, сотен тысяч. Поэтому прошу вас: попробуйте напрячься и вспомнить все, что произошло с вами за последние несколько дней до того, как вы вернулись домой.

Увидев, что Джоан болезненно поморщилась, Грэг склонился к ней и заглянул в глаза.

– Я знаю, что это нелегко. Уверен, они вас обработали специальными психотропными средствами. Попробую вам помочь и расскажу то, что нам удалось установить...

Внутренне содрогнувшись, Джоан кивнула. Они обработали ее психотропными средствами? Кто такие эти «они» и почему выбрали жертвой именно ее, несчастную неудавшуюся актрису?

– Если вдруг вы почувствуете сильную головную боль, пожалуйста, немедленно скажите мне об этом. – Грэг пододвинул стул поближе к Джоан. – Должен предупредить вас, что в моем распоряжении нет специальных лекарств – и нет времени, чтобы их раздобыть. Никто не знает, как отреагирует ваша психика на полное восстановление памяти. Это очень индивидуально и... это может быть все, что угодно. Я хочу, чтобы вы понимали...

Снова покорно кивнув, Джоан подумала, что Грэг, наверное, все преувеличивает. Она не может сойти с ума или умереть, если вспомнит, что с ней произошло за последнее время. Нет, это просто невозможно... Но все равно ей стало очень страшно. А если окажется, что она – маньяк, серийный убийца или даже что-нибудь похуже? Но этот Грэг сказал, что от ее воспоминаний зависят человеческие жизни – много жизней. Что настолько важное может храниться в ее памяти?..

– Джоан, прошу вас, не отвлекайтесь! – Грэг снова пристально смотрел ей в глаза. – Если вы почувствуете, что я ошибаюсь, что все было иначе, тут же поправьте меня. Итак, слушайте внимательно. Приблизительно недели две назад вас неожиданно пригласили принять участие в несколько необычных съемках. Нет-нет, это была не порнография. Но вы...

Джоан слушала с очень странным ощущением. То, что рассказывал Грэг, не могло произойти с ней... просто потому, что Джоан твердо знала: этого в ее жизни никогда не было. Но, в то же время, Джоан, поддерживая ладонью горящий лоб, каким-то почти звериным чутьем понимала, что Грэг не врет: она действительно должна была сниматься в роли Той, на которую так похожа. Она действительно подписывала контракт, а потом летела на самолете куда-то в пустыню... А потом был еще какой-то бал в старинном замке, где она увидела жуткого человека в клетке... Странный влюбленный в нее старик вел ее куда-то за руку... Чуть позже она склонялась над телом убитого старика... Кем и за что убитого, она пока не знала. Или не помнила? И страшный человек с масляными глазами... откуда он взялся? Грэг, конечно, не мог ей всего этого рассказать. В какой-то момент Джоан сообразила, что сама вспоминает все эти подробности. И то, как ее потом привели куда-то, где было очень много людей, и где она что-то говорила человеку в окошке... кажется, покупала билет. Ах, да, она же ехала автобусом из Нью-Йорка в Бостон...

– Джоан, Джоан... – прорвался к ней встревоженный голос Грэга, – с вами все в порядке? – она оторвала руку от лба и посмотрела на него невидящим взглядом. Как она могла все это забыть? И ведь было еще что-то, о чем необходимо вспомнить, только у Джоан уже не хватало сил...

– Джоан! – снова позвал ее Грэг. – Нужно, чтобы вы вспомнили одного человека, который, возможно, некоторое время находился рядом с вами. Он русский, называет себя Иваном.

Джоан в недоумении подняла глаза на Грэга. Русский? Из тумана медленно выплывали какие-то лица, но Джоан, как ни старалась, не могла сообразить, были ли среди них русские. И вдруг она вспомнила чью-то ласкающую ее руку, потом мускулистое тело, смешной акцент... Виктор! Да, она знает русского по имени Виктор. И перед Джоан сразу развернулся целый кусок ее нью-йоркской жизни. Но она не могла вспомнить никакого Ивана, о котором ее так настойчиво спрашивал Грэг. Джоан безнадежно покачала головой. Иван, Иван... Ни лица, ни имени... только тревожное ощущение, каким-то непостижимым образом связанное с этим русским... а еще с машиной – или, может быть, с самолетом?..

– Напрягитесь, Джоан, очень вас прошу. К сожалению, у нас нет ни одной фотографии этого человека. Да и вообще никаких следов, только имя. А нам с вами необходимо его найти. И чем быстрее, тем лучше. – Грэг озабоченно потер виски, как будто усиленно вспоминал вместе с Джоан. – Думаю, я должен объяснить вам, в чем дело. Судя по разрозненным данным, которые имеются в нашем распоряжении, в Нью-Йорке готовится грандиозный теракт. Чтобы вы представляли себе его размеры, могу вам сказать только то, что речь идет о так называемой «грязной» бомбе. Понимаете?

Джоан отрицательно покачала головой, и Грэг, почему-то понизив голос, заговорил быстрее:

– Это атомная бомба, которая может поместиться в обычный чемодан, но возникшая при взрыве радиация... В общем, от нее могут погибнуть тысячи и тысячи людей. Вы представляете себе, что случится, если они подорвут ее в Манхэттене? Это будет катастрофа!

– Но что я могу сделать?! – Джоан почувствовала необычную усталость, давящую на голову как чугун, и облокотилась на стол, подперев руками подбородок. – Даже если я вспомню этого самого Ивана, что это изменит?

– К сожалению, немного. Но все-таки у нас появится шанс обезвредить его до того, как... Видите ли, Джоан, если вы вспомните, как он выглядит, то у нас будет хотя бы фоторобот. Кроме того, существуют предположения, что, скорее всего, бомбу попытаются подложить где-нибудь в местах скопления народа. Возле высотного здания, вроде Эмпайр Стейт, или в Рокфеллер-центре. По вашему описанию человека с чемоданом или большим рюкзаком проще будет обнаружить...

Несмотря на сильнейшую головную боль и не менее сильное желание, чтобы этот кошмар поскорее закончился, Джоан вдруг поймала себя на неожиданной мысли, что этот человек, похоже, что-то недоговаривает. Джоан вспомнила Пятую авеню в районе Рокфеллер-центра: бесконечное мельтешение людей, вереницы автомобилей... Даже если в руках у них будет фотокарточка этого русского Ивана, то обнаружить его в такой толпе совершенно невозможно. Джоан пожалела, что отказалась проверить у этого агента ФБР удостоверение. Что он хочет от нее на самом деле? Джоан встревоженно оглянулась на стоящий в углу телефон.

Грэг как будто почувствовал перемену в настроении Джоан, встал и, сунув руки в карманы джинсов, подошел к окну. В гостиной стало совсем темно. Сквозь стекло был виден мрачный соседний дом, краешек улицы, тускло горящий фонарь.

– Я вижу, что придется сказать вам больше, чем мне бы хотелось, – произнес Грэг после небольшой паузы. – Вы, Джоан, единственный человек, который может предотвратить надвигающуюся катастрофу. Нам известно, что вы, начинающая актриса – то есть, случайный человек – побывали в Неваде, на «Объекте пятьдесят один», куда не имеет права соваться даже ФБР.

Тон Грэга изменился. Теперь он говорил жестко, как будто на допросе.

– Нам также известно, что вы невольно оказались замешаны в дела иностранной разведки. Конечно, ваш русский друг использовал вас «вслепую», но, тем не менее, что-то вы должны были видеть и знать. Далее, к нам поступают сведения о готовящемся теракте. Причем известно, что ни о каких арабских террористах-смертниках речь в данном случае не идет, а ниточка тянется именно к загадочному объекту в Неваде. Именно туда привозят этого русского по имени Иван, о котором даже российские разведчики ничего толком не знают. Или притворяются, что не знают. Кто он? спецгент? наемник? подставное лицо? Это нам еще не ясно. Зато ясно другое: кому-то здесь, у нас, очень хочется использовать сложившуюся ситуацию в

своих целях. Иначе никакой информации ФБР не получило бы. Нас подключили в самый последний момент. Впрочем, это уже вас совершенно не касается.

Грэг повернулся к Джоан лицом. На фоне слабо освещенного окна он казался плоской вырезанной из черной бумаги фигуркой.

– Но я все равно не понимаю, что могу для вас сделать! – как ни старалась Джоан держать себя в руках, но в ее голосе все-таки проскользнули истерические нотки. Головная боль стала просто невыносимой. Стертые картинки из прошлого теперь оживали сами, одна за другой, и мешали сосредоточиться. Вот она стоит на холодном ветру и смотрит, как огромные мрачные санитары хватают какого-то несчастного и увозят под рев сирены... Вот она едет одна в большой черной машине и в панике стучит и стучит по стеклу, отгораживающему ее от водителя... Вот на полу лежит старик с таким знакомым лицом, и из уха его медленно вытекает капелька крови...

– Вас отпустили домой, и это, по меньшей мере, странно... Для чего идти на такой риск: ведь очевидно было, что вы можете что-то вспомнить. Так что куда проще было вас... ну да вы понимаете.

Грэг поднес руку к окну и посмотрел на часы.

– Может быть, я ошибаюсь, но зачем-то вы им нужны. А нам нужно, чтобы вы поехали в Нью-Йорк, прямо сейчас.

– Не хочу никуда ехать! – перебила его Джоан. – Я ничего не знаю, я рассказала вам все, что вспомнила. У меня очень болит голова, и я не могу сейчас... Ничего не могу!

– Ну, подумайте, Джоан. Успокойтесь и подумайте. Никто не стал бы впутывать вас в это, возможно, очень опасное дело, если бы не крайние обстоятельства. Неужели вас не волнует то, что погибнут тысячи людей? А вы одна можете спасти их всех... Кроме всего прочего, дело еще и в том, что у нас есть один занятый адресок в Манхэттене. Попробуйте вспомнить: вам не приходилось спускаться в некий подвал через канализационный люк? Может быть, и нет, но это и не важно. Важно другое: эти люди, к которым мы пытаемся подобраться, хорошо знают вас и, следовательно, ваше появление там может повлиять на ход событий.

– Вы хотите, чтобы я стала вашей шпионкой... или, вернее, разведчицей? – Джоан на минуту стало смешно. Просто кино какое-то! Полутемная гостиная,

загадочный гость из ФБР, какой-то невозможный разговор о терактах, иностранных разведках, таинственных объектах...

– Вы же актриса, Джоан! Вот и докажите это на деле, сыграйте! Поймите, нам с вами необходимо найти этого Ивана и помешать ему взорвать бомбу.

– Но я не Джеймс Бонд! Я совсем не умею бегать, стрелять, красть секретные документы...

– Этого от вас никто и не требует. Конечно, вы подвергаете свою жизнь определенному риску, но все, что мы просим вас сделать, это приехать к ним и рассказать о нашей встрече. Ничего не выдумывая, понимаете? Рассказать о том, что на вас вышел агент ФБР, сообщил о теракте и дал вам этот адрес. Вот и все. Если они не избавились от вас до сих пор, вряд ли решатся на это сейчас. А вы сможете спокойно жить дальше, зная, что сделали все от вас зависящее, чтобы предотвратить несчастье...

Джоан чувствовала, что Грэг снова что-то недоговаривает. Но из-за головной боли никак не могла найти возражение, которое бы показало ему, что ее не так-то легко провести. В тишине гостиной раздался переливающийся мелодичный звук. Грэг полез в задний карман джинсов – звонил его сотовый телефон.

– Да! – нетерпеливо буркнул Грэг в трубку. – Разумеется... Ждите, мы сейчас будем!

И, не прощаясь, сунул телефон обратно в карман.

– Ну вот и машина подъехала, – Грэг слегка наклонил голову и очень мягко добавил. – Я не вправе заставлять вас, но дорога каждая минута. К сожалению, мы не можем лететь самолетом. Поездка займет не менее трех часов. Так что решайтесь, Джоан, только поскорее. Если вы откажетесь, то... В общем, вы теперь и сами все знаете.

Не догадайся он протянуть Джоан руку, возможно, она бы отказалась. Но, коснувшись его ладони, Джоан внезапно поняла, что, если он сейчас уйдет, она никогда не простит себе трусости, из-за которой в ее жизни останутся только затхлый отцовский магазин да запоздалые сожаления о чем-то не случившемся. А еще, если этот Грэг сказал правду, ей будут сниться лица людей, которым она не захотела помочь... Нет, она найдет этого русского!

Они мчались по пустому вечернему шоссе с предельной скоростью. Мощный двигатель восьмицилиндрового «бьюика» деловито урчал на высоких оборотах. Джоан поймала себя на том, что совершенно не слушает Грэга, расслабленно наблюдая за дорогой. Мерцающие поля сменялись темной стеной леса, потом яркими огнями придорожных ресторанчиков... Головная боль прошла в тот момент, когда они торопливо садились в машину. Поджидавший их человек коротко кивнул и вышел, оставив дверцу открытой. Грэг включил зажигание и улыбнулся Джоан.

– Держитесь, сейчас мы поедem очень быстро!

Джоан подумала, что это фраза из какого-то фильма, но ничего не ответила и только смотрела, как скрывается из виду отцовский дом. Странно, она провела дома всего несколько дней, а ей кажется, что она впервые покидает Сейлем. Но теперь ее ждет совсем не актерская карьера... Джоан вспомнила, что не оставила отцу никакой записки, но потом решила, что вполне может позвонить ему чуть позже: телефон, как обычно, лежал в сумочке.

Шоссе сузилось и пошло в гору. Грэгу пришлось помигать фарами загоревшемуся дороге огромному грузовику-рефрижератору с прицепом, пытающемуся преодолеть подъем. То ли водитель не обратил на них внимания, то ли не захотел пропустить их легковушку из вредности, но тяжелая туша грузовика сдвинулась еще левее и расцвела стоп-сигналами. Грэг тихо выругался и нажал на клаксон. Грузовик пошел медленнее, заставляя Грэга сбросить скорость до минимума. Джоан оглянулась. И сразу увидела приближающийся свет фар. Грэг тоже заметил его и, чуть наклонившись, вытащил из-под сидения небольшой никелированный пистолет. Уж не тот ли газовый, ни к месту подумала Джоан, для которого он искал баллончики со сжатым воздухом?..

Грузовик впереди пронзительно заскрипел тормозами и остановился. Грэг тоже притормозил и, резко вывернув одной рукой руль, попытался обойти его слева. Сильно накренившись, они успели проехать по узенькой обочине до середины длинного как вагон прицепа, когда грузовик сдвинулся с места и перегородил им дорогу. И в эту же секунду мощные фары осветили их машину сзади. Еще один рефрижератор отрезал им дорогу. Джоан ничего не поняла, но Грэг выскочил из машины и, мелькнув на обочине, вломился в придорожные кусты и исчез за стволами деревьев.

Джоан еще не успела осознать, что случилось, а из переднего грузовика уже выпрыгнул какой-то человек в длинном пальто и спокойно, как будто все происходящее было делом совсем обычным, направился прямо к ней. Джоан беспомощно оглянулась в темноту – туда, где, бросив ее одну, скрылся Грэг. Она схватилась было за ручку двери, чтобы тоже выскочить наружу, но потом передумала, стараясь не поддаваться подступающей панике. Странно, что Грэг – работник ФБР, мужчина, наконец, – бросил ее одну, подумала Джоан. Но, возможно, это только потому, что ей самой ничего не грозит. И вообще непонятно, почему ей следует чего-либо опасаться. Даже в том смутном, потихонечку возвращающемся к ней прошлом – сейчас Джоан была в этом почти уверена! – она не сделала ничего такого, что могло бы привести к неприятностям. Поэтому никуда она не побежит!

Человек в пальто подошел к машине, наклонился к Джоан и она мгновенно почувствовала вернувшуюся острую боль в голове.

– Прощу прощения, что остановил вас прямо на дороге, мадам!

Да, теперь Джоан не сомневалась: все это имеет какое-то отношение к возможному теракту, о котором говорил Грэг. И ко всему тому ужасному, что произошло совсем недавно с ней самой. Потому что этот человек говорил с сильным и очень знакомым Джоан акцентом. Русский! Для того, чтобы восстановить в памяти последние ускользающие подробности, Джоан нужно было сосредоточиться, но сосредоточиться никак не получалось. Вместо этого перед мысленным взором Джоан – так ясно, как будто никто никогда не стирал его из памяти, – всплыло лицо того русского, которого Грэг назвал Иваном. Джоан вспомнила, что они вместе летели в самолете... Он, конечно, обратил тогда внимание на Джоан и даже что-то говорил ей... Потом они расстались, и Джоан долго ехала автобусом в Бостон...

И вдруг, как будто в ее голове приоткрыли какую-то дверцу, Джоан вспомнила все. Абсолютно все...

– Позвольте проводить вас к мистеру Майеру! – Масляный хихикнул, слегка отстранился и крепко ухватил Джоан за локоть. – Ему будет интересно послушать о ваших приключениях.

Джоан попыталась вырвать руку, но ей это не удалось, и она позволила Масляному увести себя.

– Ах, какие мы нежные! – прошипел Масляный, заходя с ней в кабину лифта, но быстро понял, что Джоан близка к обмороку, и замолчал.

Он привел Джоан в странный кабинет без окон, поразивший ее скудостью обстановки: стол, похожий на кухонный, несколько жестких деревянных стульев, лампы дневного света... В углу стояло что-то, смутно напоминавшее большой сундук. За столом сидел Майер. Он жестом указал Джоан на стул, который Масляный с издевательской вежливостью пододвинул поближе. Сам Масляный остался стоять, прислонившись к сундуку. Ну вот и все, с ужасом подумала Джоан, сейчас они обвинят меня в смерти этого мистера Кей...

– Слушайте меня внимательно, девочка, – сказал ей Майер. – Наши планы несколько изменились. Съёмки откладываются на неопределенное время. Неважно почему, да и не в этом дело. Я бы хотел, чтобы вы сообщили мне, когда в последний раз разговаривали со своим любовником – лично или по телефону. Что вы сказали ему, что он сказал вам. Со всеми подробностями и деталями.

Джоан удивленно взглянула на Майера. Почему его интересует, когда и о чем она говорила с Виктором? И вообще, какое это имеет отношение к тому, что произошло? У стены нехорошо зашевелился Масляный, и Джоан стало по-настоящему страшно. Она начала торопливо вспоминать. В последний раз она звонила Виктору уже отсюда, из Центра, но не застала его. А до этого они поругались из-за его, Виктора, совершенно необоснованной ревности. Вот и все.

Джоан заметила, что Майер, смотрящий на нее в упор, пожал плечами, и у нее возникло идиотское ощущение, что он не верит ни одному ее слову. А она поневоле оправдывается и тем самым только усиливает недоверие к себе.

Наконец Майер отвел взгляд в сторону:

– Ну ладно, допустим, вы говорите правду...

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите? – спросила Джоан с возмущением, но вопрос ее прозвучал жалобно и беспомощно.

– Видите ли, милая, в силу специфики своей работе я привык не доверять людям. Даже таким очаровательным и талантливым девушкам как вы. Так вот, я думаю, вас заинтересует такой любопытный факт: ваш Виктор никогда не работал ни в одной компании, имеющей отношение к Уолл-Стрит.

Господи, пронеслось в голове у Джоан, при чем тут Виктор? Она вдруг вспомнила, что действительно ни разу не была у него в офисе. Виктор говорил, что одна из особенностей работы брокерских фирм состоит в умении хранить секреты своих клиентов. Чужой человек не может ходить по кабинетам, это исключено! Правда, Джоан и не стремилась взглянуть, чем он там, у себя на Уолл-Стрит, занимается. Все эти акции, ценные бумаги... это же невыносимо скучно!

– А теперь, Джоан, скажите, – устало произнес Майер, а Масляный отвратительно хихикнул, – как могло случиться, что агенты Гринберга вышли на вас? Кто, по-вашему, их вывел?

Джоан изумленно посмотрела на Майера.

– Да-а, действительно актриса. Жаль только, что такой талант пропадет ни за что.

– Не пропадет, у нас не пропадет! – многообещающе прокаркал Масляный.

От этих слов Джоан сжалась в комок. Виктор всегда скептически относился к ее желанию стать актрисой и не знакомил Джоан ни с какими агентами. Он ее вообще ни с кем не знакомил. У него даже родственников не было. Родители давно умерли, а дальняя родня как-то растерялась, разъехалась по миру. Джоан подумала, что Виктор в самом деле порой вел себя довольно странно, даже загадочно. Если он и вправду не работал на Уолл-Стрит, то откуда у него деньги, дорогой автомобиль, хорошая квартира? Но она не могла бы допустить, что Виктор какой-нибудь бандит, русский мафиози... Хотя – что она знает о бандитах?..

– Я не верю вам, Джоан. – тяжело произнес Майер.

– Ну, колись, лапа, – прошипел над ухом Масляный, и ей показалось, что от него тошнотворно пахнуло кровью. – А то ведь вопросов у нас к тебе еще много. Устанешь отвечать...

Майер кивнул Масляному, тот замолчал и стал суетливо открывать сундук. Замок на крышке щелкнул, и Джоан вздрогнула, услышав тяжелый стон. С неожиданной силой Масляный выволок из сундука грузного смертельно бледного мужчину со скованными сзади руками. Мужчина повалился на подставленный стул и снова застонал.

– Смотрите внимательно, Джоан, – голос Майера стал металлическим, – возможно, вы когда-нибудь встречали этого человека. Припоминайте, это очень важно.

Джоан с ужасом и жалостью посмотрела в лицо несчастного и содрогнулась. В первую минуту это лицо показалось ей незнакомым. Но потом она как-то сразу поняла, что это ее Виктор, измученный и несчастный. Такой, каким она никогда его не видела. Наверное, они убьют его, вне зависимости от того, что она сейчас ответит...

-Я ничего не знаю! – немеющими губами проговорила Джоан. – Я никогда в жизни не видела этого человека. Мне нехорошо, отпустите меня, пожалуйста.

Она судорожно пыталась сообразить, известно ли Майеру, что этот русский – тот самый Виктор, о котором он ее только что расспрашивал. На всякий случай она не рискнула еще раз взглянуть на Виктора, чтобы случайно не выдать ни его, ни себя. К счастью, Виктор тоже не обращал на нее внимания. Он сидел, чуть согнувшись и уставившись бессмысленным и каким-то сонным взглядом в стол. Джоан старалась не думать о том, что ему сейчас, наверное, ужасно плохо.

– Ну ладно, – произнес Майер после столь тягостного для Джоан молчания, – а теперь расскажите нам, каким образом вы оказались в резиденции мистера Кей?

У Майера был такой вид, словно ему было очень неприятно задавать подобные вопросы.

– Как могло случиться, что вы, впервые попав в Центр и совершенно не умея в нем не ориентироваться, тем не менее пробрались в его святая святых и, скорее всего, подслушивали, словно любопытная служанка у хозяйской спальни. Ведь вы подслушивали, я не ошибся?

– Это получилось случайно... я просто заблудилась, – пробормотала Джоан, чувствуя, как кровь отливает от лица. Сейчас, подумала она, он спросит про умершего старика, и тогда все, ей конец. – Здесь такие лабиринты, что я...

– Понимаю-понимаю, – Майер скривил губы в подобие улыбки и переглянулся с Масляным. – Лабиринты, да. А только почему вы, вместо того, чтобы приятно проводить время в обществе мистера О'Хейли, вдруг пустились в бега по нашим лабиринтам? Неужели случайно?

Видя, что Джоан хочет что-то сказать, Майер хлопнул ладонью по столу. Его улыбка превратилась в оскал:

– Не много ли у нас получается совпадений и случайностей? По-моему, слишком много! Вам так не кажется? Что, молчите? Жаль... Вы, девочка и не

представляете себе, в какую неприятную попали историю. Заблудилась она, видите ли!..

Отвратительный Масляный придвинулся поближе к Джоан и захихикал.

– Но если посмотреть на дело иначе... Может сказать и так, что вам, Джоан, удивительно повезло, – задумчиво протянул Майер, – и мы с вами еще сможем договориться. В конце концов, никто, кроме меня и Вилли, – он указал на Масляного, – не знает, что вы добрались до кабинета мистера Кей. Вы ведь не против решить вопрос полюбовно? Ну, вот и славно. Потому что я, знаете ли, не люблю, когда меня пытаются одурачить, очень не люблю. Если вы сейчас выложите все то, что слышали, стоя у дверей кабинета, и к тому же расскажете мне правду о своих русских друзьях...

Джоан пыталась сообразить, как ей следует поступить. Главным для нее было то, что они, похоже, не догадывались, кто виноват в смерти старика. Возможно, даже не знали о том, что он умер. Но рядом сидел Виктор, такой несчастный, в наручниках... Нужно было срочно что-то придумать. Но что?..

– Да, многовато у нас получается русских... – Майер поднялся со стула и стал расхаживать по тесному кабинету, рассуждая вслух. – Слишком много русских и слишком много совпадений. Один русский случайно подсовывает нам нужный экземпляр...

Отстраненно, словно о ком-то постороннем, Джоан подумала, что «экземпляр» – это, скорее всего, она сама и есть.

– ...Другой – какой-то бродяга – случайно попадает на объект, точно угадывает чужой персональный код и тоже оказывается задействованным в игре. Потом эта русская девчонка, которая вечно сует свой чересчур длинный нос куда ее не просят... А теперь вот и наша любительница приключений становится единственной свидетельницей Встречи. Удивительные совпадения... Да-а, задачка... Ладно, Вилли, думаю, тебе придется заняться этой девушкой всерьез. Ты все понял? А этого я пока отведу в камеру.

Майер встал и, придерживая рукой скованного поникшего Виктора, направился с ним к выходу.

– Ну что, лапа, вот теперь я с тобой и побеседую.

Масляный с довольный видом потер руки и покосился на Майера. Тот едва заметно кивнул и захлопнул за собой дверь. Одно плавное движение, и Масляный уже

склонился над Джоан, глядя ей прямо в глаза. Она отпрянула и хотела было вскочить на ноги, но Масляный сильно ухватил ее своей ледяной лапой за руку. От этого жеста узкая бретелька платья поползла с плеча вниз.

– Значит так: ты мне быстренько рассказываешь про русских, потом о том, что услышала и увидела здесь, и тут же отправляешься куда захочешь. Хоть в Голливуд. Но если ты, лапа, будешь сейчас упрямиться, то снимать тебя после этого можно будет только в страшилках, но уже без всякого грима...

Джоан находилась в каком-то странном состоянии, близком к прострации. Снова – как тогда в зале – ей казалось, что все это происходит не с ней, что она только наблюдает эту сцену со стороны, как будто смотрит телевизор. Тем более, что Масляный и в самом деле очень походил на киношного монстра. В настоящей, реальной жизни таких людей не бывает... Она хотела поправить спавшую бретельку, но стоило ей пошевелиться, как Масляный с видимым удовольствием рванул легкую ткань, и та легко расползлась у него под рукой. Грудь обнажилась почти до соска, но Джоан совсем не было стыдно. Только почему-то стало очень жаль испорченного платья. Почти такое же носила Та в том фильме, где ветер из подземки бесстыдно вздувает ей подол. Джоан тысячу раз пересматривала этот отрывок, ловя и пытаясь повторить каждое движение. Удивительно, как Ей удавалось избежать пошлости и грязи. По крайней мере, на экране. Джоан смотрела и знала, чувствовала, что она сама точно такая же...

Ухватившись за это воспоминание, Джоан почти не слышала шипящего голоса Масляного и даже не очень удивилась, когда мрачная комнатка поплыла куда-то в темноту...

Человек в пальто распахнул дверцу и сказал, что ни в какой Нью-Йорк ей ехать не нужно, и что он сейчас же отвезет ее обратно домой. Джоан послушно вышла из машины и, щурясь от яркого света фар, пошла вместе с ним по обочине. Из раскрытого нутра рефрижератора по наклонным сходням осторожно съезжал небольшой красный джип. Внезапно Джоан поняла, что ее не собираются везти домой. Она подумала, что Грэг оставил ее одну потому, что один раз ее уже отпустили, заставив все забыть и, видимо, решив, что она глупа, как все блондинки. Но теперь, когда они знают, что Джоан связана с ФБР, ее ни за что не оставят в покое. Ни за что!

Когда человек в пальто галантно распахнул перед ней дверь джипа, Джоан оглянулась. Оба грузовика удалялись, набирая скорость. На дороге осталась только брошенная машина Грэга. Помедлив секунду, Джоан решительно скользнула на сидение джип, на ощупь ухватилась за ручку противоположной двери и с облегчением обнаружила, что она поддается. Не думая о возможных царапинах и ушибах – так, как будто ее тело принадлежало другому человеку, – Джоан ничком выпала на дорогу, скатилась в канаву, влетела в кусты и только там позволила себе встать на ноги. Она бежала среди деревьев в почти полной темноте – до тех пор, пока не перестала слышать зовущие ее голоса.

А потом она по пояс провалилась в какую-то ледяную жижу и, немного успокоившись, прислушалась. В лесу было тихо. Джоан вылезла из лужи и, дрожа от холода, попыталась сообразить, в какой стороне осталось шоссе. Она вдруг поняла, что обязательно должна попасть в Нью-Йорк, чтобы предотвратить катастрофу. Теперь она точно знала, где искать того русского Ивана с его «грязной» бомбой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ДЖЕК

Если бы еще совсем недавно кто-то сказал Джеку, что ему так понравится самому принимать участие в операциях вроде той, которую пришлось провести этой ночью, он никогда бы не поверил. В его возрасте не следует так нервничать и бегать по коридорам, рискуя тем, что опять разыграется печень и поднимется давление. Но Джек вдруг почувствовал в себе такой непривычный, такой мальчишеский азарт, что ему даже показалось: он действительно помолодел. Во всяком случае, ни печень, ни суставы не давали о себе знать. Джек лег спать, не принимая снотворного. Фрэнк, которого он прихватил с собой из Лас-Вегаса, и несколько проверенных людей из Центра – вот все силы, которые понадобились для того, чтобы обезвредить русского бандита и освободить Весли. Пустяк, но как приятно! Наверное, это правда, что в каждом взрослом – даже пожилom мужчине – скрывается ищущий приключений мальчишка...

На следующее утро Джек проснулся, как обычно, ровно в девять. Нужно было сделать несколько важных звонков в Нью-Йорк и просмотреть на интернете новостные бюллетени. Как он и предвидел, политики начали усердно разрабатывать брошенную им как кость информацию. Слухи уже проникли в газеты, биржа тревожно призадумалась. Если он все рассчитал правильно, то совсем скоро к делу подключится ФБР. Конечно, об этом ему своевременно сообщат, но Джеку нравилось предугадывать те шаги, на которые он провоцировал всех невольных участников операции.

Джек вышел на внутренний балкончик и, облокотившись на перила, внимательно оглядел пустой холл Центра. Гости, как знаменитые, так и не очень, скорее всего, еще отсыпались после бала. Они тут совсем неплохо устроились, подумал он, вдохнув чистый прохладный воздух. Впрочем, так он думал всякий раз, когда прилетал сюда из Нью-Йорка. Но это его посещение Центра – последнее. Ах, как

жаль, что больше нет старого Джона! Он, Джек, уже отдал распоряжение похоронить погибшего президента прямо здесь, на территории Центра. К сожалению, на этот раз без всяких почестей... Они с Джоном проработали вместе много лет и, когда у Джека было время, он всегда старался навестить друга. Поговорить, поспорить, обсудить с ним детали очередной операции. У Джона была светлая голова. Если он и заблуждался, то, в основном, только в отношении собственной персоны. Джон почему-то считал, что рожден политиком. Но на самом деле у него был слишком раскрепощенный для политика ум: слишком мало гибкости и умения ладить с людьми. Только работая с Джеком, он смог реализовать свои подлинные таланты. Да еще остаться в истории как подающий большие надежды безвременно погибший президент. Если бы Джек не помог ему тогда, то, вполне возможно, его действительно пристрелили бы. Но Джон опередил всех своих недоброжелателей. Да еще так ловко разыграл русскую карту, что Америка перепугалась до смерти. А это, в свою очередь, дало возможность провести еще несколько удачных операций. И все, включая самого Джона, остались довольны. Бедняга, надо же было так глупо умереть в самом начале их главного проекта, даже не увидев первых результатов!..

Да-а, вот мы и опять подставим им русского. Конечно, учитывая ситуацию в мире, кое-какие арабские семьи будут сильно недовольны тем, что у них не окажется никакой возможности реализовать свои самые кровожадные намерения. Не следовало бы наживать такое количество врагов, даже если собираешься исчезнуть для всех. Ну что ж, Весли достанется в наследство сложное и запутанное хозяйство.

Вспомнив о Весли, Джек нахмурился. Он был не очень доволен внуком. Слишком много эмоций и фантазий. Слишком сосредотачивается на мелочах, забывая, что это только мелочи. До сих пор дует на него, дурачок. Но это пройдет. Весли не может не понять, *что именно* он ему предлагает... Джек был искренне убежден, что сам он в его годы был вполне зрелым и самостоятельным человеком. Подумав об этом, Джек усмехнулся. Нет, это вовсе не стариковское брюзжание. На самом деле он прекрасно понимал, что возраст тут ни при чем. С возрастом люди не становятся умнее. Может быть, прибавляется немного опыта, но и только. А Весли... что он знает о жизни? Но ничего, Джек был уверен, что испытания пойдут ему на пользу... Включая знакомство с *таким* человеком, что само по себе тоже испытание. Хотя у Джека не было никаких иллюзий в отношении Шейха, он знал, какое мощное впечатление тот

производит на других. Аура, как теперь говорят... Аура безграничной власти, жестокости и страшной тайны... Мальчишка и девчонка не могли этого не почувствовать. Они должны были понять, какого уровня секрет доверил им Джек.

Размышляя о своем ночном визите в резиденцию Шейха, Джек подумал о том, что не все прошло гладко. Этому русскому бандиту второпях сломали руку. Теперь от него, конечно, мало проку, но Джек все равно отправит его в Нью-Йорк: бандит на самом-то деле был, конечно, профессиональным разведчиком и для операции «Большой страх» подходил как нельзя лучше. Люди как деньги – ими не следует разбрасываться, они всегда могут пригодиться.

Прокручивая в голове события прошедшей ночи, Джек подумал, что самая удачная из последних его находок – это русская девочка Настя. Было бы славно, если бы именно она была его внучкой. Или если бы он встретил ее лет сорок назад... Но познакомились они недавно, при вполне обычных обстоятельствах: какие-то мелкие мафиози привезли девушку из России в Америку, чтобы заставить ее работать в публичном доме. Она сбежала, хотя Джек и подозревал, что продавать свое тело не казалась ей таким уж неприемлемым занятием. Скорее всего, Насте просто не понравилось, что ею пытаются командовать грязные необразованные ублюдки. Вербовщика, который работал на Джека, она сначала тоже приняла за сутенера. Джеку сразу подкупило то, как независимо она себя вела, и даже без консультаций с психологами он понял: использовать эту девушку в качестве менпета невозможно. И все равно оставил ее у себя, выдав за взбалмошную дочь русского нувориша. Вот она ему и пригодилась в работе с русскими. А скоро пригодится еще больше – в Нью-Йорке. Джек не очень верил в загадочность русской души, которую так любили воспевать их классики, но иметь под рукой неглупую девочку, знающую русскую психологию изнутри – а потому куда лучше теоретиков из ЦРУ – было полезно.

Вспомнив, что пора принимать лекарство, Джек вернулся в спальню, запил таблетки специально приготовленной водой и стал переодеваться, чтобы спуститься вниз, в ресторан. Он знал, что после такой беспокойной ночи Весли будет спать долго, и хотел переговорить с его рыжей подружкой наедине. Джек надеялся, что она не забыла о его просьбе. Девушка была из старой семьи и, хотя ее отец всегда казался Джеку полным ничтожеством, к ней он испытывал искреннюю симпатию. К тому же Джек хорошо помнил деда Фелисии, с ним всегда было приятно иметь дело... Они с

Весли улетят на остров сегодня ночью, и уже там, на месте, Джек постепенно передаст внуку все дела.

В ресторане, проходя к своему столику, он увидел Настю, которая разговаривала о чем-то с бледной несчастной актрисой, и издал ей улыбку. По этой улыбке Настя сама догадалась, что сейчас подходить к нему не следует. Поболтать они успеют и позже. Кстати, нужно не забыть отправить эту очаровательную кинокрасотку домой. После того, как ФБР получит некую любопытную информацию, оно просто не может не заинтересоваться ее персоной. Что ж, он устроит для ФБР замечательный спектакль. Ведь эта блондинка хотела сыграть большую роль? Вот и прекрасно, он предоставит ей такую возможность. Эта девочка и так уже невольно оказалась в центре событий. Конечно, очень жаль Джона, но... его случайную нелепую смерть тоже следовало использовать. Ведь Майера все равно необходимо было убрать. Кроме того, что он вызывал теперь у Джека естественное отвращение, доверять этому скользкому негодяю было уже невозможно. А так все получилось как надо. Конечно, Джек мог бы просто отдать приказ, и никто не посмел бы задавать ненужные вопросы. Но Джек знал, что даже последнему исполнителю лучше всего проникнуться идеей справедливости возмездия. Бедняга Джон, убитый по поручению Майера этим садистом, его любовником – что ж, вполне приличная версия. Особенно если учесть, что состряпана она была на скорую руку. Эта грязная сволочь Майер не заслуживал даже того, чтобы устраивать ему персональную автокатастрофу! Джек вспомнил ночной разговор с Весли и подумал, что хоть в этом его внук повел себя как мужчина. Джек не чувствовал бы себя спокойным, если бы убрал Майера без ведома внука. Этот шаг – молчаливое согласие Весли на то, чтобы решить проблему самым радикальным способом – значительно укрепил их взаимоотношения. Джек с гордостью подумал о том, что его мальчик все-таки сумел переступить через свою слабость и принять единственно верное решение...

Он заметил Фелисию, уже сидящую за его столиком в углу, и приветливо помахал ей рукой. Не хватало еще, чтобы после всего, что произошло с ней за последние дни, эта впечатлительная девушка решила, что дед ее приятеля монстр или сумасшедший. Тот ночной разговор был предназначен скорее для Весли, чем для нее. Теперь следовало заняться девушкой вплотную.

Они пили кофе и сок, Фелисия внимательно слушала Джека, и он порадовался, что не поленился внимательно изучить все сведения о ней, заблаговременно собранные его подчиненными. Похоже, что идея провести хотя бы несколько лет так, как он предлагал, пришлась ей по душе. Тот самый остров-рай, который Джек построил когда-то для Филя, после смерти приятеля пришел в запустение. Но привести его в порядок было совсем не трудно. Конечно, многое из того, что тогда придумал Джек, сегодня могло бы показаться наивным, но он предоставит Весли и Фелисии возможность создавать себе рай на свой вкус. Заодно, подумал Джек, было бы неплохо отправить туда и Настю... если, конечно, она не провалится во время предстоящей операции. Но хотелось верить, что эту возможность он исключил. Оба русских должны попасть в руки ФБР, а вот насчет Насти он уже отдал приказ, чтобы ее вовремя забрали из Нью-Йорка.

Джек снова улыбнулся Фелисии и даже потрепал ее по руке. Интересно, подумал он, у моего правнука могут быть такие же ярко-рыжие волосы... Если только Весли сделает из преподнесенного ему жестокого урока правильные выводы. В этой девочке, в отличие от ее отца, чувствуется порода... Нет, оборвал себя Джек, что-то он сегодня совсем расчувствовался. Потому, наверное, что операция набирает обороты; все самое главное сделано, последние распоряжения отданы, и теперь уже никто не сможет помешать тому, что должно произойти через несколько дней. Никто, даже он сам.

Попрощавшись с Фелисией, Джек отправился вниз, в камеру, чтобы навестить русского. Кто бы не послал его сюда, сейчас самое время объясниться. Джек любил такие, как он их называл, «психологические выверты». Кроме того, он был убежден, что никакие тайны невозможно хранить слишком долго. Достаточно вспомнить знаменитый «Манхэттенский проект», секретность которого обеспечивала вся разведка США. Джек с удовольствием вернулся мыслями в прошлое: тогда несколько представителей старых европейских семей обратились именно к нему. Им очень не хотелось, чтобы Америка монополизировала атомное оружие. В этом случае перспективы для остального мира были бы слишком уж мрачными. Тщательно подготовленная операция прошла удачно: русские получили свою бомбу. Равновесие сил было восстановлено.

Разумеется, тогда Джек справился с заказом легко. Но сделал для себя любопытный вывод: всегда нужно принимать в расчет неизбежность утечки информации и использовать ее в своих целях. Более того, именно на этом Джек строил многие свои операции. И, в частности, проект «Большой страх», тоже направленный на восстановление нарушенного равновесия...

– Мне нравится, как вы работаете, – сказал Джек, глядя, как русский баюкает свою сломанную руку. – Вы профессионал и должны понимать: мне ничего не стоит сделать так, что вы расскажете обо всем, что знаете – и даже немного больше.

Впрочем, ваши тайны меня не интересуют.

Несмотря на боль, русский усмехнулся.

– Да-да, я говорю с вами совершенно откровенно. Более того, посвящу вас в свою тайну – ту самую, которую вы тщетно пытались раскрыть. Ведь, насколько я понимаю, вы довольно давно занимаетесь нашим Бюро. Не исключено, что ваши люди даже проникли сюда, в Центр.

Русский хотел встать, но мешала загипсованная рука, и он только поморщился. На всякий случай Джек слегка отодвинулся от окошка, через которое ему была видна крохотная камера.

– Так вот, – сказал он, – в Нью-Йорке, прямо в центре Манхэттена, очень скоро произойдет крупный теракт. Иван, с которым вы уже знакомы, доставит туда чемодан с «грязной» бомбой, разумеется, сам не подозревая о том, что делает. Как вам нравится такой поворот событий?

Подняв голову, русский с усмешкой посмотрел Джеку прямо в глаза.

– Похоже, вы пытаетесь меня запутать, мистер Триммер. Представить себе не могу, для чего вам, американцу, понадобилось бы устраивать на месте Нью-Йорка пустыню. Это было бы слишком даже для арабских террористов...

– Вот именно. Вы не можете представить себе очень многое. А ведь существуют вещи, без которых трудно обходиться человеку, который выбрал такую профессию как ваша. Например, хорошо развитое воображение. Но вы мыслите стереотипами: кому это выгодно? Если бы всегда можно было ответить на этот вопрос однозначно, то любые преступления раскрывались бы легко и просто.

Не желая, чтобы у русского создалось впечатление, что он его уговаривает, Джек сделал паузу и добавил:

– Впрочем, я не намерен вести с вами пустые споры. У меня к вам предложение. Что, если я доставлю вас в Нью-Йорк и отпущу на все четыре стороны?

– И все? – Джек увидел, что русский презрительно улыбается.

– Да, и все. А вы предпочли бы посидеть здесь, пока вас не выручат ваши друзья? Боюсь, это произойдет не скоро.

– Нет, я пытаюсь понять, для чего вы рассказали мне про теракт, – русский наконец-то тяжело поднялся и подошел поближе. Джек снова отступил на шаг. – Да не бойтесь вы, с поломанной правой рукой я не боец.

– А вы не торопитесь, – глядя, как русский осторожно сдвигает повязку на шее, Джек вспомнил, что ночью не распорядился дать пленнику болеутоляющее. Впрочем, боль только обостряет сообразительность. – Вашего Ивана рано или поздно непременно арестуют. А мы уж постараемся устроить так, чтобы самому последнему полицейскому сразу стало ясно, кто его хозяева. Даже если теракт почему-либо не произойдет, этот авантюрист все равно окажется в центре событий. Да таких событий, которые надолго отвлекут внимание мировой общественности от мусульманского терроризма. Арабы перестанут быть международным пугалом. Как вам такое объяснение?

– Допустим, я вам верю...

Джеку не понравился тон этого человека, находящегося в его руках.

Подопытные кролики должны быть умней и сговорчивей.

– Значит, вы хотите создать новое пугало – русского террориста? Но это же смешно!

– Вот все и посмеются, – Джек даже не пытался скрыть раздражение. – Особенно ваши нефтяные магнаты. Новый железный занавес я вам не обещаю, но и без него обстановка в мире накалится до предела. Ладно, собирайтесь: скоро вас доставят в Лас-Вегас, а оттуда в Нью-Йорк. А там уж поступайте как знаете. Хочу, чтобы вы меня правильно поняли: я рассказал вам обо всем только для того, чтобы вы, бросившись на поиски Ивана, тоже попались в лапы ФБР. От вас, надо полагать, тянется дли-и-инная ниточка за океан. Тут уж ни у кого не возникнет никаких сомнений. Согласитесь, совсем неплохо придумано. Впрочем, вы можете и не ловить Ивана, а сразу же убираться домой. Но далеко ли вы успеете уехать?.. Во всяком случае, ручаюсь, что мы с вами больше не увидимся.

Кажется, на сей раз русского пробрало. Он ничего не ответил, но Джек был уверен, что в его мозгу идет лихорадочная работа. Этого было достаточно. Джек захлопнул окошко и отправился наверх, размышляя, все ли он сделал так, как нужно. На месте русского он постарался бы добраться до бомбы и избавиться от нее прежде, чем кто-либо сможет доказать ее принадлежность. Но сделать это ему будет довольно сложно, учитывая тот факт, что в ФБР не забудут спустить дополнительную информацию, и агенты наверняка заруют носом землю в поисках всех, кто хоть как-то причастен к этому делу.

В холле его дожидалась Настя. Ладно, подумал Джек, протягивая ей руку и с удовольствием ощущая в своей ладони ее прохладную нежную ладошку, несколько минут он может посвятить этой девочке. В принципе, она была его менпетом, только сама об этом не догадывалась. Ведь это совсем не обязательно – держать своих питомцев в клетке...

– Я заметил, что тебе нравится Иван, – Джек всегда разговаривал с Настей очень мягко, как нестрогий мудрый дедушка. – Идем вон туда, на диван, и поговорим.

Опустившись в мягкое кресло, Джек внимательно смотрел на Настю, присевшую на краешек дивана, и ждал от нее ответа.

– Ну что вы, – сказала она, кокетливо скосив глазки. – Он, конечно, славный, но слишком уж дикий для того, чтобы понравиться мне всерьез. Одно его пальто чего стоит! Помните, то самое, набитое инструментами. Кошмар просто...

– Ну, во всяком случае, ты с удовольствием проводила время в его обществе, – заметил Джек.

Настя попыталась протестовать, но Джек жестом остановил ее.

– Милая моя, тебе придется поехать за ним в Нью-Йорк. Мало того, могу тебе обещать: если все пройдет удачно, через несколько дней ты окажешься в таком месте, по сравнению с которым этот Центр – просто дешевая придорожная гостиница.

Кажется, Джек сказал ей чуть больше, чем намеревался. Сегодня он действительно ведет себя просто неподобающим образом. Джек поджал губы и добавил уже совсем другим тоном:

– Инструкции получишь у Фрэнка – чуть позже, перед самым отлетом. Ну все, беги по своим делам, а я еще немного посижу здесь.

Настя чмокнула его в сухую щеку и убежала, а Джек подумал: удивительно, но эта несчастная безродная девчонка относится к нему куда лучше, чем его собственный внук. Хотя он и догадывался, что под простоватой внешностью Насти скрывается маленький хищный зверек.

Следующей на очереди была актриса. С ней тоже следовало поговорить так, чтобы фэбээровцам было за что зацепиться. Но не более того. Смерть старого Джона тоже сослужила хорошую службу: теперь можно было приоткрыть его и, следовательно, полноценно использовать номер Пятый для своих игр. Джек подумал, что Джон был бы доволен тем, как он распорядился судьбой его пассии. Надеюсь, с иронией подумал Джек, что покойник доволен и тем, как она распорядилась его собственной жизнью. Наверное, ему было приятно умереть от руки предмета обожания... или хотя бы ее копии. Хотя лично он, Джек, никогда не находил ничего притягательного ни в самой Мэрилин, с которой был хорошо знаком, ни во всех этих похожих на нее платиновых красавицах. Вот и еще одна причина, которая мешала Джеку считать своего старого друга хорошим политиком. Нельзя так любить женщин! Он говорил об этом Джону еще тогда, до выстрела в Далласе, но Джон, вопреки здравому смыслу, продолжал рисковать своей карьерой ради этой безголовой суперзвезды... В результате американское кино лишилось очередного секс-символа. Впрочем, тут же появились другие. Да и сам Джон, останься эта дура в живых, вряд ли столько лет испытывал бы к ней трепетные чувства. А так... Нет, покойник определенно мог быть ему благодарным.

Джек позвонил Фрэнку и велел привести к нему актрису. И сразу следом за ней – Ивана. Нужно было позаботиться, чтобы все выглядело так, как будто номер Пятый случайно оказалась обладательницей *последней* части информации. Впрочем, эта наивная блондинка – совсем не то, что матерый русский. Джек вспомнил ее лицо в тот момент, когда она передавала ему последние слова покойного, и подумал, что с ней все будет значительно проще.

Этой ночью он вырвал почти бездыханную красавицу из лап майеровского палача. Дурочка пришла в себя, кинулась на грудь своему спасителю и сама обо всем рассказала. О своих блужданиях по Центру, о встрече с менпетом, о «страшном» подслушанном разговоре, о смерти Джона... Сначала Джек подумал, что обладательницу подобной информации нельзя выпускать из Центра. Но потом

сообразил, что, судя по ее рассказам, эта насмерть перепуганная красотка почти ничего из услышанного не поняла или не запомнила. В ее памяти осталось только то, что показалось ей наиболее важным. С его стороны было бы неразумно не использовать подвернувшуюся возможность. Нет, эту девочку следовало отправить домой...

Поднявшись к себе, Джек прошел в кабинет и уселся за массивный письменный стол – точную копию того, который стоял в его нью-йоркском кабинете. С возрастом начинаешь бережней относиться к своим устоявшимся привычкам. Чуть позже, на острове, Джек обязательно построит себе такой же кабинет – и даже позаботится о том, чтобы вид из окна был похожим. Можно, например, симитировать мост Джорджа Вашингтона, но это уже было бы глупостью: кому нужен на острове этот огромный мост? Странно, почему-то именно сейчас, когда механизм запущен и до операции осталось всего несколько дней, Джек почувствовал непривычную нерешительность. Чего он, в сущности, добивается? Они с Джоном просчитали все возможные последствия, и это придало их замыслу вид строгой научной теории. Но теории хороши только для его наивного внука или для профессионалов, вроде этого русского разведчика. В глубине души Джек понимал, что его больше интересует другое. А именно, *постановка* этого грандиозного спектакля. То есть действие само по себе. В чем заключается смысл искусства? Об этом написаны сотни книг, и все равно никто толком не знает, что заставляет людей заниматься творчеством. Но Джек Триммер – человек, благодаря фантазии и творческой энергии которого были воплощены в жизнь сотни и сотни самых разных чужих капризов, однажды может позволить себе роскошь поработать на самого себя, оставив в дураках всех, – и потом еще посмеяться над ними.

Джек нахмурился: сегодня он все время отвлекается на пустые рассуждения. И, хотя все самое важное уже сделано, еще рано благодушествовать, рискуя допустить досадные ошибки. Джек заставил себя сосредоточиться и раскрыл лежащую перед ним папку. В это время чуть слышно загудел зуммер: Фрэнк доложил, что актриса ждет. Джек придал лицу соответствующее выражение и, когда в приоткрытую дверь скользнула бледная осунувшаяся красотка, приветливо кивнул, указывая ей на стул.

– Как видите, дорогая моя, целый ряд ужасных происшествий не позволяет нам продолжить работу над проектом, для участия в котором вас нанимали, – блондинка с

готовностью кивнула, и Джек увидел, что она вот-вот расплачется. – Но я думаю, что было бы несправедливо, если бы мы, расторгнув контракт, не выплатили вам компенсацию. В ближайшие дни гонорар будет перечислен на ваш банковский счет.

Девушка снова кивнула, но Джеку было понятно, что деньги для нее сейчас не имеют ни малейшего значения. И, тем не менее, они уже переведены: пусть ФБР лишней раз поломают голову над вопросом, за что она получила такую крупную сумму.

– Позвольте дать вам добрый совет, – Джек постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче и доверительней. – Поезжайте-ка вы к отцу. И хотя я абсолютно уверен, что, если бы не трагические обстоятельства, вас ждала бы заслуженная слава, в настоящий момент будет гораздо лучше, если какое-то вы время поживете дома. Купите отцу новый магазин, например...

Говоря это, он взглянул на телефон, и тот, словно по приказу, немедленно зазвонил. Джек старомодно извинился и бросил в трубку несколько коротких фраз.

– Ну вот, не дают поговорить спокойно, – пожаловался он девушке. По ее лицу было понятно, что она с удовольствием покинет этот кабинет в любой момент, но Джек попросил ее не торопиться. Дела отнимут всего несколько минут. А он хочет побеседовать с ней о ее карьере. Чувствуя себя ответственным за случившееся, Джек готов поговорить со своими друзьями, серьезными людьми в Голливуде, о ее будущем. Конечно, не сейчас, а через некоторое время, когда она отдохнет и полностью оправится от потрясения. Он ведь знает, что актеры – люди с чувствительной душой и тонкой нервной системой...

Дверь приоткрылась, в кабинет заглянул Иван. Джек сделал приглашающий жест и, когда русский подошел к столу, представил его актрисе. Русский кивнул и с вполне мужским интересом посмотрел на девушку. Та, привычно скрывая раздражение, отвела глаза и поправила юбку на коленях. Именно на это Джек и рассчитывал. Теперь после обработки актриса наверняка не забудет русского.

– Так вот, Иван, вы улетаете сегодня ночью в Лас-Вегас. Там вам передадут все инструкции. После этого вы летите в Филадельфию, а оттуда в Нью-Йорк. Сам я в ближайшие время буду очень занят, и поэтому решил прямо сейчас вручить вам кое-какие документы, которые могут вам понадобиться. В таких делах я стараюсь не полагаться на подчиненных...

Джек сделал многозначительную паузу и подумал: не переигрывает ли он? Впрочем, ерунда, с этими людьми чем примитивнее себя ведешь, тем лучше.

– Да, и вот еще что. Для вас будет забронирован номер в отеле «Волдорф-Астория», – подняв со стола папку, Джек протянул ее русскому. – В вашем распоряжении несколько дней. Теперь самое главное: в инструкции не будет указано место и время. Надеюсь, вы достаточно хорошо знаете Нью-Йорк. На четвертый день, в среду, около одиннадцати утра вы должны быть на углу Таймс-Сквер и Сорок седьмой улицы...

Все это прозвучало интригуяюще, почти как в шпионских фильмах. Джек заметил, каким странный взглядом проводила русского актриса. Вот и замечательно. Теперь всем, кто заинтересуется операцией, будет над чем поразмыслить. Если эта девчонка не совсем пустоголовая, даже ей окажется по силам сопоставить то, что ее так ужаснуло в кабинете Джона, и эти инструкции. Поймать русского с его чемоданом в Нью-Йорке будет непросто. Зато кажущаяся близость добычи подстегнет энтузиазм охотников. И, соответственно, развяжет им языки, поддерживая тем самым нужные ему слухи. Джек хорошо знал высокопоставленных бюрократов из ФБР: если они уверены, что поймают преступника, то обязательно сообщат о его существовании прессе. Молчат они только о безнадежно проваленных операциях...

Еще некоторое время Джек посвятил разговору с актрисой, по-прежнему искренне недоумевая, что привлекательное можно было найти в этой белокожей девице с круглым лицом, вздернутым курносый носом и голубыми печальными глазами. Потом он отпустил ее и, чувствуя некоторую усталость – вероятно, сказывалась хлопотная ночь, – собрался было на ланч. Есть совсем не хотелось, но лекарство следовало принимать перед едой, и поэтому приходилось придерживаться определенного распорядка.

В последний момент Джек решил перекусить прямо в кабинете, позвонил в ресторан, снял пиджак и галстук и прилег на большой кожаный диван. Нет, отправившись этой ночью на охоту, он все-таки погорячился. Вполне мог доверить это своим людям. А теперь тело сковывала предательская усталость... Джек думал о Насте, о том, что заберет ее с собой на остров. Хорошо быть старым, никому и в голову не придет заподозрить тебя в гнусном мезальянсе с молоденькой русской парией. Правда, теперь, когда фармацевтика шагнула так далеко, Джек то и дело слышал истории о

невероятных сексуальных похождениях своих ровесников. К счастью, это не в его привычках – принимать большее количество лекарств, чем требуют врачи.

Пользоваться химией, чтобы почувствовать себя мужчиной, думал он, еще глупее и унижительнее, чем красить волосы или прятать лысину под густым париком...

Наверное, он задремал. Когда он открыл глаза, поднос с едой стоял на столе. Бульон в закрытой серебряной крышечкой чашке успел остыть и подернулся пеночкой. Джек взглянул на часы и удивился – было около пяти вечера. Никогда еще он не спал днем так долго. Странно, что до сих пор никто его не разбудил. В этот момент зазвонил телефон, и Джек подумал, что он очень вовремя проснулся. Сонный голос посреди дня был бы расценен как признак дряхлости. Дряхлости, которую Джек не мог себе позволить. Он прокашлялся и снял трубку.

– Извините, что беспокою вас, сэр, – услышал он голос Фрэнка и почувствовал поднимающееся раздражение: если этот дурак считает, что повод, по которому он звонит, действительно незначительный, то мог бы и не беспокоить. А если случилось что-то важное, то к чему эти предисловия! – К вам рвется эта старушка, миссис Аберкомбер. Говорит, что обязательно должна повидаться с вами. В свой прошлый приезд вы пообещали, что встретитесь с ней.

Джек еще раз посмотрел на часы и чертыхнулся. Он держал здесь Марту много лет, говоря себе, что тем самым выполняет долг перед ее мужем – старым приятелем и помощником. Джек заранее знал, чего хочет от него Марта, и поэтому предпочитал встречаться с ней пореже – и уж никак не в своем кабинете. Ему было немного жаль эту несчастную женщину. В прошлом блестящий хирург, Марта всерьез увлеклась анатомией инопланетян, которую сама же и придумывала, сшивая их по кусочкам из трупов. Увы, этот занятный проект уже много лет назад потерял свою актуальность, а Марта, похоже, по-прежнему считает себя ответственной за операцию «Крушение НЛО».

Джеку несколько раз докладывали, что Марта сошла с ума и бродит ночами по ангарам, но в ее сумасшествие он не верил. Если миссис Аберкомбер хочет работать ночами, то это ее право. И он приказал, чтобы ее не трогали. Джек помнил Марту умной хорошо сохранившейся сорокапятилетней женщиной. И руки ее хорошо помнил. И губы. Ему ведь и самому было тогда немногим больше пятидесяти. Конечно, связь с женой собственного служащего – это звучит довольно пошло, но что

было, то было. Он вовсе не ангел, нечего даже притворяться. И он встретится с Мартой, решил Джек. Тем более, что больше они никогда не увидятся. Он сказал Фрэнку, что сам навестит миссис Аберкомбер, и повесил трубку.

Ну вот, пожалуй, это последнее, что он наметил на сегодняшний день, а потом... Его личный самолет, на котором этой ночью он должен покинуть Центр, взорвется над пустыней. А он, Джек, отправится на свой остров. Теперь он понимал покойного Фила: фиктивная смерть мало чем отличается от настоящей. По крайней мере, у него появилось странное ощущение: несмотря на то, что операция прекрасно разработана, а исполнители вполне надежны, стоит ему «умереть», и все тут же пойдет совсем не так, как он рассчитывал. Может быть, подумал Джек, имеет смысл скорректировать планы и дожидаться окончания операции «Большой страх» здесь, в Центре? Нет, это было бы слишком сложно для всех. Пришлось бы срочно переставлять людей, давать им новые указания, которые только сбили бы их с толку. А самое главное, Джек привык никогда не менять своих решений. Этой ночью Джек улетит из Центра и исчезнет для этих людей навсегда. Джек произнес это слово вслух: навсегда. Звучит неплохо! Возможно, он еще успеет полюбоваться на рыжих как огонь правнуков. По крайней мере, он сделал все для того, чтобы это случилось.

Джек снова надел галстук, тщательно разгладил перед зеркалом успевший слегка измяться пиджак и, выйдя из своих апартаментов, направился к лифту. Он знал, где искать Марту. И даже догадывался, что именно скажет ей напоследок. Он снова почувствовал непонятную слабость, но переборол ее. Неужели предстоящая встреча со старой любовницей могла вызвать такое странное ощущение? Джек рассмеялся и осмотрел себя в зеркальной стенке кабины лифта. Да, он не молод, но голова работает вполне удовлетворительно. А все остальное – пустяки, следствие проведенной в непривычных условиях ночи. Но расслабляться пока нельзя. Он расслабится позже, в своем раю.

– Эй, Марта! – крикнул он, входя в большую низкую комнату, в которой, несмотря на все ухищрения обслуживающего персонала, отвратительно пахло покойницей. Впрочем, Джек знал: Марта работает в соседнем помещении, отделенном от первого матовой стеклянной дверью, из-под которой вечно противно тянет химикатами. Джек никогда не любил заходить в «разделочную», как Марта называла эту комнату, похожую на операционную. Марта искренне смеялась над его

страхами, но Джек не боялся: просто ему было противно смотреть на неживую плоть, которую она так искусно шивала своими умелыми пальцами. Наверное, подумал Джек, эта женщина еще и потому так возбуждала его, что она всегда работала со смертью. Смешно, но ведь и он тоже! Только у Марты в результате получались нелепые инопланетяне, а у него...

– Джек, ты пришел! – Марта показалась Джеку еще более старой, чем он ожидал. Старой и несчастной. Хотя бы зубы вставила, с неприязнью подумал он, а то ходит как ведьма. От неприятного запаха, хлынувшего через открытую дверь морга, у Джека закружилась голова. Не хватало еще упасть в обморок! Он облокотился на липкий на ощупь стол и через силу улыбнулся Марте.

– Джек, должна тебе сказать, что твои подчиненные – полные идиоты, – казалось, это сообщение обрадовало ее, потому что она тут же рассмеялась, обнажая по-детски розовые десны. – Но я хотела повидать тебя вовсе не поэтому. Мне нужно рассказать тебе кое-что. Да и показать тоже. Только тебе придется пойти со мной.

Сейчас Джеку больше всего хотелось выйти наружу и вдохнуть остывающий сухой воздух, но он не мог допустить, чтобы старуха заметила его слабость. Поэтому он только присел на краешек стула. Марта поняла его по-своему и игриво скосила глаза.

– А-а, старый уже, а все еще боишься моих ребятишек!

– Давненько мы с тобой не виделись, – выдавил он из себя, чувствуя, как будто чья-то холодная ладонь, прокравшись под одежду, тяжело давит на грудь. – И неизвестно, когда увидимся снова.

– Я ведь тебя, Джек, знаю. Хорошо-о знаю! – старуха опять рассмеялась. Может быть, она тут и действительно свихнулась со своими трупами, подумал Джек, сосредоточенно следя за жесткими пальцами, сдавливающими сердце. – Мне, Джек, больше не дают материалов. А как я должна работать? Ты теперь совсем редко здесь появляешься, не то что раньше, вот они и решили, что Марта тебя больше не интересуется, ну и ее работа тоже... Что с тобой, Джек?

Марта подошла поближе и с болезненным, как показалось Джеку, любопытством вглядывалась в его лицо.

– Тебе плохо, что ли? Так ты скажи, я же врач.

– Я не твой пациент, дорогая, – Джек собирался ответить ей громко и язвительно, но получилось очень тихо, и слова как горошины неловко выпадали из почему-то онемевших губ. Он хотел встать, почувствовал, что не в силах, и потянулся к телефону, лежащему во внутреннем кармане пиджака. Нужно было срочно вызывать Фрэнка. Вот только, стоило ему сделать движение рукой, как безжалостные пальцы еще сильнее ухватились за сердце, утягивая его куда-то под лопатку.

– Не мой пациент, говоришь... – Марта придвинулась к нему совсем близко, и Джек ощутил горячие капельки ее слюны на своей щеке. – Это как сказать, дорогой, это как сказать... Ты ведь вот-вот помрешь, а свежий, еще не остывший труп вполне может пригодиться для моих ребятишек. Это я тебе говорю, ты уж мне поверь... Давненько ищу кого-нибудь подходящего, а тут как раз ты. Я уж подумала было, что ты обо мне забыл... Но нет, вижу, не забыл. Вот так подарок... И от кого – от тебя, дорогой мой Джек!

Джек хотел поднять руку, чтобы вытереть щеку и оттолкнуть противную старуху, но рука не слушалась. Неужели он действительно умирает, удивился Джек, но почему здесь, сейчас? Именно теперь, когда он все приготовил, чтобы улететь в свой рай...

Старуха раскрыла розовый рот и надвигалась на Джека, заслоняя медленно меркнувший свет. Какая гадость, успел подумать Джек, какая гадость... И он умер, и больше уже не слышал ее радостного безумного бормотания.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

СТРАННИК

За окном проносились пригороды Нью-Йорка, которых я никогда раньше не видел. Стемнело, в вагоне зажгли свет, и за темным стеклом можно было рассмотреть только собственную физиономию да далекие огоньки непонятных строений и машин, когда поезд бежал бок о бок с автомагистралью. Легкое покачивание вагона успокаивало, и мне казалось, что я еще очень долго, может быть, всю ночь буду бездумно мчаться в этом поезде неведомо куда... Хотя, на самом-то деле, мне следовало решить для себя несколько важных вопросов. Похоже, мое пребывание в Америке подходило к концу, и нужно было тщательно продумать, как быть дальше.

С тех пор, как я покинул Центр, меня не оставляло странное ощущение. Я знал, что старик Триммер хочет использовать меня в какой-то своей подозрительной игре. Несложно было догадаться, что найти посыльного, который перевез бы чемодан из Филадельфии в Нью-Йорк, для такого могущественного человека как он – дело пустяковое. Удивлял и тот факт, что устраивают этого посыльного в одной из самых дорогих нью-йоркских гостиниц. А все, что непонятно, таит в себе опасность – это я усвоил накрепко. Конечно, Триммер мог и не придавать значения такой «мелочи», как разница в стоимости номера в «Волдорф-Астории» и в придорожном мотельчике. Да и сам тот факт, что я буду жить в столь заметном месте, тоже, наверное, должен означать, что я сгущаю краски. И все равно меня не оставляло ощущение, что приближаясь к Нью-Йорку, я все больше и больше вовлекаюсь в самое опасное из пережитых мною приключений.

Неразговорчивые мужики, вручившие мне в Филадельфии чемодан, похоже, послали за мной топтуна. Я просто физически чувствовал его присутствие на вокзале и потом, в поезде. В принципе, можно было попробовать уйти от слежки, но я рассудил, что это было бы совсем уж глупо. Я ведь собираюсь в точности выполнить поручение Триммера. Кто его знает, что лежит в этом чемодане, но совершенно очевидно одно:

самым нелепым для меня сейчас было бы попытаться заныкать передачку и уйти, раствориться вместе с ней в большом городе. Жадность – один из составляющих элементов глупости. Проще, спокойнее и, главное, безопаснее сделать то, чего хочет от меня эта контора. Да, как ни крути, а получается, что в этом случае я рискую меньше. Мне было трудно признаться самому себе, что я оказался в ситуации, в которой у меня не было выбора. Такое впечатление, что Триммер, освободив меня от грозного соотечественника, продолжал крепко держать за накиннутую им веревку. Хотя отсутствие выбора – это иногда даже лучше, чем его наличие.

Но, сколько я себя не уговаривал, предчувствие беды меня не покидало. А я привык доверять своим ощущениям полностью. Ладно, посмотрим, как там все сложится... Когда я улетал из пустыни, мне показалось, что в Центре случилось что-то непредвиденное. Той памятной ночью, когда нас с Чекистом связали и отвели в тюрьму, поначалу я был уверен, что у меня больше нет никаких шансов. Принимать участие в киднэппинге, да еще когда речь шла о внуке самого Триммера... Только чуть позже, когда мистер Триммер лично заверил меня, что все в порядке и ему известно, что я не сообщник, а, скорее, жертва, я немного успокоился. Вроде бы и понимал, что должен чувствовать благодарность к человеку, который дважды вырвал меня из рук этого Чекиста... а только, честно говоря, очень мне все это не нравилось. Сам не знаю, почему. А потом, перед посадкой в самолет, направляющийся в Лас-Вегас, я вдруг почувствовал, что что-то у них пошло не совсем так, как предполагалось. Даже Настя, которая летела вместе со мной, была непривычно растеряна. Я попытался узнать у нее, что происходит, и куда она исчезла тогда, у ангара. Но ни на один из моих вопросов Настя не ответила.

Потом, когда мы прощались в Лас-Вегасе, мне показалось, что она вполне пришла в себя. Даже чмокнула меня в щеку и попросила на нее не обижаться. Ну и ладно, подумал я, фифа она или нет, а без нее мне как-то проще. Вообще-то мне не было никакого дела до их конторы, и я справедливо рассудил, что лучше всего быстренько выполнить поручение и валить из Штатов.

В Филадельфии два мрачных мужика, не здороваясь, запихнули меня в машину и отвезли на железнодорожный вокзал. Из багажника был вытащен кожаный чемодан, очень похожий на мой, с одеждой, который я получил в самый первый день, в номере нью-йоркской гостиницы. Вот интересно, как бы все сложилось, не сунься я тогда в

этот проклятый люк? Наверное, был бы уже на полпути в Калифорнию. Я ведь собирался проехать всю Америку от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Говорят, там прямо на улицах растут благоухающие эвкалипты... Только теперь мои планы несколько изменились. Пожалуй, в Европе мне будет значительно безопасней.

Поезд загудел и, стуча колесами на стрелках, ушел под землю. Мы прибывали на Пенсильванский вокзал. Народу в вагоне было совсем мало, и я, доставая из багажной сетки свои вещи, снова увидел в соседнем вагоне присматривающего за мной паренька. Вот идиоты, они что, действительно думают, что я стану играть в прятки с Триммером? Сделав вид, что ничего не замечаю, я, следуя инструкции, спокойно выбрался из здания вокзала и прошел на стоянку такси. Скучающий в ожидании пассажиров водила, увидев у меня в руках поклажу, бросился на помощь, но я отстранил его и сам поставил чемоданы в багажник. Хотя этот мужик и мало походил на «мастера», самому разбираться с доверенным грузом как-то спокойней.

Услышав адрес, таксист с недоверием покосился на меня, и я понял: редкие гости прибывают в «Волдорф-Асторию» с Пенсильванского вокзала. Не исключено, что теперь водила меня запомнит. Это было совершенно ни к чему, но менять что-либо уже поздно. За стеклом машины суетился вечерний Нью-Йорк, который, после нескольких дней пребывания в пустыне, показался мне еще более шумным и многолюдным, чем обычно. Впрочем, возможно, что из окна такси все выглядит несколько иначе.

Я уже начал привыкать к роскоши, и поэтому воспринял как должное, что швейцар отеля бросился открывать мне дверь. Войдя в гостиничный холл, я огляделся. Какие-то люди сидели в креслах и мирно читали газеты. Мимо пробегали посыльные в форме. В стороне стояла блестящая тележка, с верхом набитая багажом. Жаль, меня ни за что не пропустили бы сюда раньше, в моем Росинанте. Здесь можно было славно поработать... Я неторопливо подошел к стойке портье и без хлопот получил ключ от зарезервированного для меня номера. Топтуна-сопровождающего нигде не было видно. Я с удовлетворением кивнул и отправился наверх. В ближайшие несколько дней мне предстояло вдоволь насладиться новой для меня ролью весьма состоятельного, не обремененного делами человека. В своей инструкции Триммер настоятельно требовал, чтобы я побывал именно в тех ресторанах, которые указаны в его списке. Мне следовало жить на широкую ногу, не стесняясь в средствах. Думаю,

Триммеру зачем-то нужно было, чтобы я засветился в Нью-Йорке. Оставалось надеяться на то, что он знал, что делает. Ведь если меня почему-либо схватят раньше, чем я передам чемодан, то... Мысль о том, что именно на это Триммер и рассчитывал, я старательно гнал от себя подальше. Приятнее было думать, что он все предусмотрел заранее.

Понятно, что я мог бы не воспринимать его инструкцию так уж буквально: вряд ли он был в состоянии проконтролировать точное исполнение приказа. Но я инстинктивно чувствовал, что со стариком Триммером лучше не хитрить даже по мелочам. Я позволил себе одно-единственное нарушение: сразу же завалился в постель, несмотря на то, что вечер только еще начинался, и проспал без сновидений до самого утра. Должно быть, все переживания, выпавшие на мою долю в Центре, настоятельно требовали компенсации. Поэтому играть в миллионера я начал уже на следующий день, в воскресенье. Это было довольно странно – смешаться с толпой «клиентов» совсем не для того, чтобы «стрелять», а, наоборот, чтобы самому сделаться объектом «стрельбы» для какого-нибудь расторопного коллеги... Ладно, думал я, еще немного, и мои обязательства перед этой конторой будут выполнены. Несколько раз я замечал за собой слезку, но решил не обращать внимания на такие мелочи. Скорее всего, за мной опять присматривают люди Триммера. Ну и пусть присматривают: мне нечего было от них скрывать.

Во вторник поздно вечером, когда я, совершенно освоившись со своим новым положением, сидел в небольшом уютном баре с рюмкой коньяка, стоимость которой, по моим подсчетам, составляла половину моих трудовых заработков за год, раздался звонок мобильного. Несмотря на то, что я ждал этого звонка, драгоценный коньяк слегка выплеснулся из рюмки. Я был уверен, что услышу голос Триммера, и был готов отчитаться: я побывал почти во всех заведениях из его списка, кроме, разве что, Метрополитен-оперы. Да и то только потому, что терпеть не могу ни балетов, ни опер.

– Иван! – тревожно сказала трубка. – Иван, это Настя!

Я выпил залпом остатки коньяка и почему-то заволновался. Все вроде бы шло по плану, но ее голос звучал слишком уж тревожно.

– Мистер Триммер просил передать тебе, чтобы ты сейчас же выписывался из отеля и отправлялся ночевать куда-нибудь в другое место, где тебя не смогут найти!

Так, это уже что-то новое! В инструкции о таком повороте событий не было сказано ни слова. Я собрался бы поинтересоваться, в чем дело, но Настя перебила меня. Оказалось, что по моему следу идет Чекист. Каким чудом он выкрутился из той заварушки, сбежал из Центра и попал в Нью-Йорк, Настя объяснять не стала. Я почувствовал, что у меня вспотели ладони.

– Где ты? – спросил я, сам не понимая, зачем.

– В Нью-Йорке, – торопливо ответила Настя и тут же добавила. – Только не вздумай отправиться на Пятьдесят второй объект! Там устроили полный разгром. Какая-то мафия, что ли... Но завтра ты обязательно должен выполнить то, что запланировано, понимаешь?

Разумеется, я все понимал. Если я сейчас скроюсь, то искать меня будут уже двое – и Чекист, и Триммер. Как это ни странно, но появление Чекиста меня даже обрадовало. Если я не ошибаюсь, его интересует вовсе не моя скромная персона, а вот этот самый чемодан Триммера. Ну и пусть себе охотится за ним! Завтра я оставляю его в машине на углу Таймс-Сквер и Сорок седьмой улицы, и тогда Чекист может делать с ним все, что ему заблагорассудится. Никаких дальнейших указаний от Триммера я не получал и собирался тут же покинуть Нью-Йорк. Как раз сегодня я специально ознакомился с расписанием: из торгового порта Элизабет послезавтра рано утром отплывал сухогруз в Швецию. Это было именно то, что мне нужно.

Тем не менее, я в раздражении захлопнул мобильный телефон. Не поймешь эту Настю! Ну куда мне деваться этой ночью? Ведь со мной не было моего Росинанта, зато были роскошные чемоданы, которые на Улице сразу же привлекут с себе нездоровое внимание. Да и одет я был как «клиент»... У меня даже мелькнула мысль из отеля не уезжать, а спокойно дожидаться Чекиста. Пусть забирает чемодан. Но, нет, такой план тоже никуда не годился: у этого типа вполне могло возникнуть желание избавиться от ненужного свидетеля... Внезапно я сообразил, что нет никакой нужды проводить ночь на улице: следовало просто перебраться в другой отель, только и всего. Вот что значит инерция мышления!

В итоге я переночевал в отвратительном мотельчике где-то на окраине Бруклина, совсем рядом с местной кольцевой дорогой. После «Волдорфа» контраст был разительный. Портье – маленький съезженный человечек с пожеванным личиком – посмотрел на меня с удивлением и спросил, где же моя дама. А когда я ответил, что

собираюсь провести ночь один, ухмыльнулся и предложил на выбор несколько недорогих проституток. Только этого мне в тот момент и не доставало!

Утром, отвратительным серым осенним утром я, поеживаясь от недосыпа, отправился на поиски пункта проката автомобилей. Все свои новые шмотки я с некоторым сожалением оставил в мотеле. Представляю себе удивление горничной, когда она обнаружит чемодан, набитый великолепными, почти не ношенными вещами. Но не следует жадничать. Появившийся в торговом порту человек с большим чемоданом выглядел бы, по меньшей мере, странно. На сухогрузах очень не любят пассажиров. Во всяком случае, таких, о которых им становится известно. Конечно, деньги у меня были. Я мог бы купить билет на самолет и с комфортом улететь из ставшего для меня опасным Нью-Йорка. Но вот документы... Связываться с бдительными американскими пограничниками в моем положении, пожалуй, не стоило.

Пока я разбирался с каким-то вялым и тоже невыспавшимся владельцем проката, пока мне подогнали единственную оставшуюся в наличии маломощную «тойоту», сквозь мутные облака неожиданно пробилось солнце и потеплело настолько, что я выключил в машине печку и приоткрыл окошко. Длинная, похожая на покорное стадо вереница машин застыла перед ведущим из Бруклина в Манхэттен туннелем Беттэри. Я еще раз прокрутил в уме план действий. Все было довольно просто. Итак, добираюсь до места, бросаю машину с лежащим в багажнике чемоданом, ключ оставляю в замке зажигания и сматываюсь. Ничего особенного. Кто заберет машину и что он будет делать дальше – это уже не мое дело. Интересно все-таки, чем может быть наполнен этот тяжеленный чемодан? Неужели наркотиками? Но не похоже, чтобы солидный, набитый деньгами мистер Триммер связывался с такой ерундой, как наркота. Нет-нет, тут было что-то другое, но это меня совершенно не касалось. Я даже не попробовал взглянуть, что там внутри, хотя с моими-то навыками это было бы парой пустяков. Но любопытство в таких делах иногда дорого обходится...

Под гудки и чертыханье опаздывающих водителей машина наконец-то вползла в туннель, и через несколько минут я уже петлял по узким улочкам Даунтауна. Еще немного, и закончатся все мои мучения: я снова стану свободным Странником. Пять-шесть дней путешествия через океан, а там – Стокгольм. От Швеции совсем недалеко до Питера. Что-то я давненько не был дома... Я так задумался, что чуть было не проскочил на красный свет – прямо под грозным взглядом притаившегося у тротуара

мента. Только этого мне не хватало! Нет-нет, все решено: завтра мои заокеанские гастроли заканчиваются.

Я миновал кипящий как забытая на плите кастрюлька муравейник Чайнатауна, вывернул на Бауэри и довольно быстро поехал на север. В инструкциях Триммера не было сказано, что я должен появиться в районе Таймс-Сквер ровно в одиннадцать и ни минутой позже. Видимо, он понимал, что в таком городе как Нью-Йорк точно рассчитать время движения автомобиля практически невозможно. Ну что ж, и на том спасибо. Я увернулся от огромного красного джипа, пытающегося влезть прямо у меня перед носом, и прибавил скорость, стараясь успеть проскочить на мигающий зеленый свет светофора. Джип взревел, тоже поддал газу, в одну секунду оказался слева от меня и басовито засигналил. Стараясь не обращать внимания на этого наглеца, я только чертыхнулся. Не люблю водить машину в сумасшедших мегаполисах вроде Нью-Йорка, и особенно сейчас, когда, как бы я ни пытался себя успокоить, нервы были напряжены до предела...

Джип снова взревел клаксоном. Ехавшая перед ним старушка в допотопном «шевроле» нервно оглянулась и включила поворотник, стараясь побыстрее убраться с дороги. Я невольно взглянул на нетерпеливый джип. Правое переднее окно было опущено, и в него, чуть ли не вываливаясь наружу, высовывался мой старый знакомый Чекист, делая рукой какие-то знаки. Непонятно, как ему удалось меня выследить... Радоваться было нечему: к тому моменту, когда я избавлюсь от чемодана, Чекист вполне может успеть меня пристрелить. Лишние люди ему ни к чему.

Больше не глядя на Чекиста, я резко вдавил в пол педаль тормоза. По счастью, ехавший позади меня коричневый почтовый автобус вовремя среагировал и тоже притормозил. Джип проскочил немного вперед и, невзирая на протестующие гудки, остановился, поджидая меня. Я круто вывернул руль вправо и, чуть было не задев припаркованную машину, просунулся в щель между тротуаром и набирающим скорость автобусом. Черт, справа была улица с односторонним движением, но не в нужную мне сторону. Наплевав на все правила и спугнув стоявший на перекрестке «мерседес», я, сломя голову, рванул против движения. К счастью, маленькая «тойота» легко могла разминуться с шарахающимися от нее встречными машинами. От волнения с трудом переводя дыхание, я выскочил на Четвертую авеню и помчался вниз. Красного джипа не было видно. Для надежности я еще немного покрутился по

узеньким улочкам Сохо, а потом, набравшись решимости, снова рванул по Восточному шоссе на север. Как бы не выслеживал меня Чекист, найти в Манхэттене стандартную серую «тойоту» практически невозможно. Если, конечно, не поднять на ноги сотни и сотни профессионалов. Но я сомневался, что в распоряжении Чекиста могло быть такое количество людей.

Съехав с шоссе на Сорок восьмую улицу, я пересек Бродвей, развернулся на Пятой авеню и подъехал к Таймс-Сквер. Разумеется, парковаться там было негде. Триммер предусмотрел и это: в инструкции было сказано, что можно оставить машину на ближайшем гидранте. Меня почему-то умиляли эти небольшие пожарные водозаборные колонки, расставленные в Нью-Йорке на каждом шагу. Казалось, огромный город построен из соломы и поэтому так опасается пожаров. Я никогда не слышал, чтобы хотя бы один из этих гидрантов был использован по назначению. Тем не менее, парковаться у гидранта считается в Штатах страшнейшим из грехов. Менты тут же арестовывают и увозят оставленный хоть на десять минут автомобиль, невзирая на отчаянные мольбы его незадачливого владельца. Интересно, на что рассчитывал Триммер, приказывая бросить машину в таком неподходящем месте? Но это уже его дело, не мое.

Я старательно прижался к тротуару на самом углу, в том месте, откуда была хорошо видна сверкающая даже днем огнями реклам шумная многолюдная Таймс-Сквер, выключил двигатель и выбрался наружу. Какой-то индус в чалме, торгующий с тележки пронзительно пахнущими подгорелыми орешками, взглянул на меня как на психа. Я подмигнул ему – дескать, не бойсь, все учтено – и вздохнул. Несмотря на то, что теперь я был свободен, как океанский ветер, вместо облегчения я чувствовал непонятную тяжесть на душе. Нужно было убраться отсюда как можно скорее.

Еще раз подмигнув индусу, который тотчас отвлекся, чтобы насыпать в пакетик орешки двум школьницам в ярких куртках, я пробился сквозь толпу и, плюнув на светофор, бросился бежать через дорогу к островку, образованному на пересечении Седьмой авеню с Бродвеем. Огромная очередь, выстроившаяся у касс, бойко торговавших билетами на бродвейские шоу, недовольно зашумела, когда я пробирався сквозь нее. Но я просто позвоночником чувствовал, что теперь, когда задание выполнено, и я лишился опеки Триммера, нужно уйти от оставленной машины подальше. Доберусь до Вест-Сайда, а там возьму такси и прямо в Элизабет, на другой

берег Гудзона. Городишко довольно гнилой, но ночь я как-нибудь перекантуюсь, а там – в порт...

Мои размышления были довольно грубо прерваны выросшим как из-под земли Чекистом. Несмотря на тяжелую гипсовую повязку на правой руке, он выглядел вполне готовым к бою.

– Ба, – угрожающе произнес он, хватая меня за руку, – какие люди! Ну и где ты машину бросил, лох? Быстро колись, времени-то нет совсем.

Понимая, что сейчас с ним лучше не спорить, я молча ткнул пальцем в направлении оставленной «тойоты».

– Сволочь тупая! – заорал на меня Чекист. – Да ты вообще знаешь, во что ввязался, лапоть? Триммер тут такую заварушку устраивает... Бомба у тебя там, понимаешь, бомба!

Где-то совсем рядом взвыла полицейская сирена. И хотя это был вполне обычный для Нью-Йорка звук, мне стало сильно не по себе. Все странные и неясные мне пункты инструкции Триммера вдруг сложились в одно целое. Я понял, что Чекист не врет. В машине бомба. Почему Триммер решил взорвать бомбу, теперь уже не имело никакого значения. Чекист скрежетнул зубами и схватился здоровой рукой за голову.

– Все, кранты, не успели! Неизвестно, когда рванет. В любую секунду может. Вот подставили-таки, суки! Да и хрен с ними теперь...

Он как-то странно посмотрел на меня, будто раздумывая, что со мной сделать, но потом растянул в дикой улыбке губы, резко оттолкнул меня и бросился к небольшому микроавтобусу, только что притормозившему на светофоре. Я увидел, как Чекист резко открыл дверь, неуловимо быстрым движением выбросил не успевшего ничего сообразить пожилого водителя прямо на асфальт, заскочил на сидение и сорвался с места, не обращая внимания на красный сигнал светофора. Визг тормозов, крутой поворот, и вот микроавтобус уже скрылся из глаз под гудки и проклятия, несущиеся из вздыбившихся от неожиданности автомобилей.

Первым моим побуждением было тоже как можно быстрее убежать, что, впрочем, я и собирался сделать изначально. Но тут меня пронзила жуткая в своей очевидности мысль. Это я – именно я и никто другой! – привез сюда бомбу, и вот сейчас, в любую секунду, она взорвется. Что я понимаю в бомбах? Может быть, она

разрушит половину города. Я вспомнил индуса с его тележкой, оставшегося совсем рядом с брошенной машиной, девочек, покупающих у него орешки. А все остальные? Я невольно вгляделся в окружающую меня толпу. Сотни, тысячи людей... Вон мамаша с малышом, держащим в пухлой липкой ладошке длинную конфету. Вон группа японских туристов, возглавляемая гидом с указкой, на которую надет белый флажок с красным кругом посередине. А там, через дорогу – уличный певец, неслышно раскрывающий рот перед небольшой кучкой любопытных...

Что делать? Я не могу предотвратить взрыв. Не могу. Даже если я сейчас закричу, меня все равно никто не услышит. Что делать?! Понимая, что это уже не имеет смысла, я бросился обратно к «тойоте». Все мои инстинкты вопили и сопротивлялись, но я упорно проталкивался сквозь толпу, а мои глаза невольно выхватывали из нее веселые или угрюмые лица людей, которых нужно было как-то спасти...

Взрыва я почти не услышал. Только воздух на секунду сгустился, стал жестким, застекленел и как будто не пропускал вперед. Мне показалось, что все вокруг – и люди, и машины – замерло, словно наткнувшись на невидимое препятствие. И только потом пришел звук, настолько неуловимо высокий, что о нем можно было скорее догадываться. И сразу же из проема Сорок седьмой улицы повалил необычный черный-белый дым. Он как будто послужил сигналом: все на Таймс-Сквер разом сдвинулось с места, завопило, завертелось. Не зная, что мне делать, я остался стоять, наблюдая, как истаивает сбитая в истерику в один плотный комок толпа, как, наезжая друг на друга, мечутся в разные стороны автомобили. Где-то далеко опять завывли сирены. Какой-то человек с перекошенным лицом сумасшедшего выпрыгнул из разбитой витрины Макдоналдса прямо на меня. Боли я не почувствовал, но, чтобы не упасть, сделал шаг назад и оказался на проезжей части.

И сразу на меня надвинулось что-то большое, грозя раздавить своей тяжелой мощной тушей. В последнюю секунду я успел отскочить, но все же бело-голубой автобус сильно ударил меня по коленям краем высокого бампера. Стало темно и почему-то душно, как будто я проваливался в глубокую яму или люк – совсем как тогда...

Открыв глаза, я увидел, что лежу, уткнувшись носом в грязный асфальт. Я приподнялся и, преодолевая сильную боль в ребрах и коленях, сел. Со всех сторон

надрывались сирены. Но, судя по звуку, они были довольно далеко и почему-то не приближались. Я огляделся по сторонам. Дым почти рассеялся. Площадь была совершенно пустынной. Только опрокинутые тележки, расквашенные друг о друга замершие автомобили, разбросанная в беспорядке разноцветная обувь... Прямо на углу Сорок седьмой улицы неподвижно лежал человек. А над ним, как будто в нелепом хмельном сне, переливались всеми красками световые рекламы. Уж не мой ли это индус?.. Теперь торопиться некуда, подумал я с пугающим меня самого безразличием. Ужасное уже случилось. Только почему на месте происшествия нет ни единого живого человека, кроме меня? Где полиция, где бдительные пожарные?..

Поднявшись на ноги и чувствуя противное головокружение, я двинулся в сторону Вест-Сайда. Мои шаги гулко разносились по безлюдной площади. Рано или поздно полиция или ФБР очухаются, и тогда мне лучше не попадаться им на глаза. Я стоял прямо посредине заставленного брошенными в беспорядке машинами Бродвея, когда позади меня раздался непонятный, похожий на лай крик.

– Иван! – истерически кричала невидимая мне женщина. – Иван! Да-да, это ты, Иван...

Я медленно обернулся. Вытянув руки, словно слепая, ко мне бежала та самая похожая на Мэрилин Монро блондинка, которую я встретил в Неваде, в кабинете у Триммера, и с которой летел потом в Лас-Вегас. Увидев заплаканное лицо и перепачканную одежду, я невольно шагнул ей навстречу. Подскочив поближе, блондинка с размаху залепила мне довольно чувствительную пощечину. От неожиданности я чуть было не упал, но все же успел схватить ее за руки. Я ожидал, что эта сумасшедшая начнет вырываться, но она тут же обмякла, в отчаянии глядя на меня обезумевшими глазами с размазанной тушью на ресницах.

– Я не успела... Должна была успеть, но не успела... Они, конечно, все проворонили... а теперь уже и не важно. Теперь уже ничего не важно, – она слабо улыbnулась мне и опустилась на асфальт прямо посреди дороги. – Вы ведь только простой исполнитель, Иван. Вы, наверное, сами ничего не знаете. Ну и ладно, все равно изменить ничего нельзя. Мы с вами скоро умрем, но ведь и остальные тоже, так что... Какая разница, сейчас или чуть позже, правда?.. А я себе ногу ужасно натерла... Наверное, там, в лесу, пока бегала по кочкам. Так страшно было... Все звонила в ФБР, а там автоответчик твердит: оставьте сообщение... Какое сообщение? Кому? Ну и

ладно, все равно вас никто, кроме меня, не знал в лицо... Плонула и села на автобус. И вот приехала...

Девушка, похоже, была совсем не в себе. Она стащила с ноги перепачканную глиной кроссовку, потом грязный носок, и стала сосредоточенно массировать себе ступню. Потом она, словно только сейчас заметив, что не одна, подняла голову, улыбнулась мне, огляделась...

– Вон видишь тот ресторан? Никогда там не была. А давай пойдем туда и пообедаем! Мы теперь с тобой – глаза у блондинки поразительно быстро снова наполнились слезами, – как Адам и Ева. Или как Робинзон с Пятницей. У нас теперь тоже есть свой остров. А все остальные убежали. Они еще не знают, что бежать некуда...

Мне вдруг стало так жаль ее, что, вопреки желанию побыстрее добраться до порта Элизабет, я присел рядом с ней и даже попробовал неуклюже погладить по растрепанным волосам. Не понимая, о чем говорить с этой несчастной сумасшедшей, я со страхом чувствовал, как уходит бесценное время. Еще немного, и здесь окажутся спасатели, а с ними и полиция.

– Да, мы точно как Адам и Ева! – блондинка вдруг крепко ухватила рукой за мою шею и потянула к себе. – Меня зовут Джоан, а ты тоже русский, хотя и не Виктор. Но где теперь Виктор?.. Может быть, мы еще и успеем. Иди скорее сюда...

Я попытался отодрать цепкие руки от своей шеи, но не смог, не удержался на корточках и упал прямо на девушку. Она с готовностью прогнулась, прижимаясь ко мне всем телом, своей бесцеремонностью напомнив мне наших уличных мэри. Это было даже больше, чем сумасшествие. Ярким осенним днем прямо посреди огромного города на пустой, брошенной в панике Таймс-Сквер меня соблазняла фантастически красивая женщина. Все поплыло у меня перед глазами...

– Все равно мы скоро умрем, – прямо в ухо горячо шептала мне Джоан, – поэтому все остальное уже не важно. И актрисой я никогда не стану, и детишек от работы не нарожаю...

Она вдруг резко села, сверля меня неожиданно злым взглядом.

– Это все ты виноват! Не понимаешь, что ли?! Нет?.. Ты эту бомбу взорвал, ты! Здесь сейчас такая радиация, что...

В голове у меня словно что-то полыхнуло. Она, эта Джоан, вовсе никакая не сумасшедшая! Ну, конечно, Триммер подсунил мне «грязную» радиоактивную бомбу... А я-то, дурак, все ломал голову, что находится в чемодане... Идиот! Что же теперь делать? Бежать? Но я пробыл в зоне заражения так долго, что теперь это бесполезно... Я попробовал вспомнить, как именно развивается лучевая болезнь... что-то такое рассказывали про Чернобыль... Меня начало подташнивать, но я попытался взять себя в руки. Теперь понятно, почему не приближаются сирены. Вероятно, ждут специальную команду в костюмах радиационной защиты. Да и потом, им сейчас важнее поймать всех убежавших, эвакуировать еще не зараженных... Только нам с Джоан это уже никак не могло помочь. Теперь я полностью понимал ее. Может быть, подумал я, и действительно гульнуть напоследок в каком-нибудь из этих покинутых кабаков? А потом... Вот и все, Странник!

Где-то совсем рядом с нами пронзительно взревел автомобильный клаксон, эхом отражаясь от опустевших зданий. Я вздрогнул, увидел, как мгновенно, до синевы побледнела Джоан, вскочил на ноги и почувствовал резкую боль в помятых ребрах. Из незаметно подъехавшей серой «тойоты» махала рукой улыбающаяся Настя.

– Але, – весело закричала она по-русски, – операция «Большой страх» закончена! Едем дальше! Ну что уставился, давай, садись.

Я невольно шагнул к машине, но тут же оглянулся на замершую Джоан.

– Давай-давай, и дамочку тоже забирай, не оставаться же ей здесь одной. Мы пытались остановить ее по дороге сюда, в Нью-Йорк, да только она, дурочка, вырвалась и убежала. Вот и получила... Сажай ее в машину и поехали!

Я протянул руку Джоан, которая, не сопротивляясь, как сомнамбула, поднялась и пошла со мной к машине. Я плохо понимал, куда и зачем нам теперь бежать. Еще менее понятным было появление здесь Насти. Вот кто сумасшедшая! Пробраться на зараженную Таймс-Сквер! Только открыв дверь машины, я вдруг сообразил, что эта та самая «тойота», которую я сегодня утром взял в прокате. Как же так, ведь она должна была сгореть при взрыве?..

– Признал машину-то? – Настя удовлетворенно хмыкнула и, взглянув на мою вытянувшуюся физиономию, добавила: – Не взорвалась твоя бомба. И радиации никакой нет. То есть, конечно, есть: в Манхэттене всегда фон вдвое выше нормы. Мегполис, он и есть мегполис...

Еще не до конца веря Насте, но уже понимая, что она не врет, я только глубоко вздохнул. Настя резво развернула «тойоту» и, лихо объезжая по тротуарам брошенные машины, направила ее к Гудзону.

– Сейчас переберемся через реку в Нью-Джерси, а уж там... – посмотрев на меня, Настя покачала головой. – Я ведь собиралась вывести тебя из игры еще тогда, в Центре. Да только вечно ты лезешь, куда не просят... Эй, да приходи же ты в себя, наконец! Взрослый мужик, а ведешь себя... Бомбу твою мы тут же из багажника вынули и рванули свою, понятно? А чтобы тебя совсем уж развеселить, могу сообщить, что у твоей «грязной» бомбы не оказалось взрывателя. Чудил мистер Триммер, ох, чудил! Зачем-то ему очень нужно было нагнать на всех страху. Вот и нагнал. Но довести дело до конца побоялся – или не хотел. Рассчитывал, должно быть, что тебя схватят с бомбой еще до того, как ты доберешься до Таймс-Сквер. И возможно, если бы я тебе не позвонила, арестовали бы вчера вечером прямо в «Волдорфе». А старик Триммер... он считал себя способным вершить судьбы мира, но когда воображаешь себя богом и решаешь устроить конец света в одном отдельно взятом городе, то необходимым условием является наличие взрывателя. Иначе никакого толку от твоих амбиций нет...

Настя коротко улыбнулась и оглянулась на оставленную нами далеко позади Таймс-Сквер.

– Городские власти сейчас, наверное, и действительно в бомбоубежище от ужаса икают. А где-нибудь через полчаса, когда все придут в себя и выяснится, что никакой радиации нет, тут такое начнется...

– А кто такие «мы», Настя? – спросил я, понимая, что задаю идиотский вопрос.

– Ну, те «мы», которые бомбу взорвали...

– Считай, что «мы» – это я.

«Тойота» выехала прямо по газону на променад и затормозила у самого спуска к воде. На легкой волне болталась небольшая моторка. Мы выбрались из машины и залезли в лодку. Ничего не понимающая Джоан вяло улыбалась и благодарно пожала мне руку, когда я поддержал ее, чтобы она не упала в воду. Настя сноровисто завела мотор, и лодка, задрвав нос, понеслась в сторону Нью-Джерси.

– Ну, вот и все, – сказала Настя. – Закончились все игры.

Тон ее изменился. Теперь она казалась очень серьезной и не отрывала сосредоточенного взгляда от медленно приближающегося берега.

– Слушай, – я старался говорить настолько беззаботно, насколько это было возможно в моем положении, – можешь ты мне объяснить, для чего нужно было вообще что-то взрывать, раз уж вы перехитрили Триммера...

– Этого тебе не понять, – Настя сбавила обороты, и лодка осела в воде. – Есть на свете люди, которые заинтересованы в том, чтобы условия игры были соблюдены. Там, на Таймс-Сквер, взорвал себя один мужик... судя по внешности, типичный арабский террорист. Жуткий тип с бомбой в руках и темными связями в мусульманском мире. А «грязная» бомба мистера Триммера нам еще пригодится...

Настя помолчала, глядя, как лодка по инерции плывет к берегу.

– Просто у нас – другие заказчики, – добавила она, оборачиваясь ко мне. – Вот и все.

Лодка ткнулась носом в песок. Неподалеку виднелись мрачные фабричные постройки Джерси-сити.

– Я высажу тебя с девушкой прямо здесь. Так будет надежнее, – Настя помахала рукой, как будто я был уже очень далеко от нее, чуть ли не за океаном. – Может быть, когда-нибудь еще встретимся. Но лучше, если это произойдет не скоро... понятно, Иван?

КОНЕЦ

Нью-Йорк, май 2008 г.